

Александр Малов

Грaни

До определенного момента в жизни простого журналиста Эрика Майлза не происходило ничего примечательного. Но после трагической смерти своей жены, Эрик, не находя ни в чем утешения, решает добровольно уйти из жизни. Покончив с собой, Эрик понимает, что смерть это далеко не конец и это дает ему надежду найти свою жену в потусторонних мирах. С этого начинается путешествие Эрика Майлза в поисках своего счастья и своей любви.

Пролог: Прыжок в неизвестность

Пролог: Прыжок в неизвестность

Это был теплый и солнечный день. Пожалуй, даже слишком солнечный и теплый. Нельзя сказать, что Эрик Майлз был огорчен этим фактом, но, честно говоря, в этот момент он рассчитывал на что-то более соответствующее его настроению. Подобная погода в самый разгар лета, несомненно, была мечтой любого работяги, получившего долгожданный отпуск и размышлявшего о том, выдержит ли его печень столь длительный уик-энд на этот раз или падет под огромным напором второсортного алкоголя, как это случалось прежде.

Погода была мечтой любого подростка, не так давно распрощавшегося с последними экзаменами, но уже приветствующего долгие ночи у игровой приставки и занимающегося такими важными делами, как валяние на кровати вплоть до обеда, а возможно даже ужина. Однако, для человека, который собрался покончить жизнь самоубийством, эта атмосфера летней легкости и безмятежности была явно некстати. Одним словом, вокруг Эрика Майлза было слишком много... яркости.

Однажды теплым летним вечером, будучи совсем ребенком, Эрик играл в гостиной со своими игрушками. То был самый настоящий разгар лета и неумолимое солнце не щадило никого. Даже когда огромный желтый шар скрывался за горизонтом раскаленный воздух давал о себе знать, заставляя людей пропитывать свою одежду потом в мгновение ока. В тот день испытывать всю силу палящего солнца не пожелал и Эрик, предпочтя провести этот вечер дома, в кругу семьи и любимых роботов. Имитируя звуки воображаемых взрывов и выстрелов, Эрик вертел игрушечными роботами в своих руках из стороны в сторону, представляя как те парят над комнатой, словно настоящие. Такие игры доставляли маленькому Эрику истинное наслаждение и в дни, подобные тому летнему вечеру, гостиную Майлзов зачастую заполнял искренний детский смех.

В тот вечер Эрик гонялся по гостиной с роботами в руках так же бойко, как и всегда. Погода стояла ясная и другие дети за окном, которым хватало смелости резвиться в такую жару, дурачились и резвились чуть ли не до самой ночи, пока родители не заставляли их возвращаться обратно в свои теплые постели. Иногда их искренний смех был слышен даже в доме Майлзов, так же, как порой за окном был слышен смех самого Эрика. Увлеченный своими играми, Эрик, однако, краем уха слышал, как его мама разговаривала с кем-то по телефону. И по ходу всего разговора от внимания юного мальчика не ушло и то, как менялся голос родной матери. Нотки непринужденности быстрыми темпами сменялись нарастающим волнением. В этот момент Эрик почувствовал, что случилось что-то нечто ужасное и потому, отложив свои игрушки, он медленно направился на кухню, где и находилась его мама. Когда же Эрик зашел на кухню, то его тут же парализовало. Юный мальчик увидел то, смотреть на что ему доводилось совсем редко: Эрик Майлз смотрел на слезы родной матери.

"Все хорошо. Все будет хорошо" — словно замороженная повторяла она, заметив испуганный взгляд сына. Казалось этой фразой она хотела утешить больше саму себя, нежели Эрика. Ее голос дрожал, но пытаясь сохранить на лице улыбку, Эрик лишь больше пугался того, как неестественно и странно меняется выражение лица его мамы. Если быть

откровенным, в этот момент его родная мать пугала мальчика до смерти.

В итоге маленький Эрик не выдержал и из его глаз полился град слез, хоть мальчик так и не понял, отчего он начал плакать. Его мама была расстроена и очень пугала Эрика, а большего повода для слез маленькому мальчику было и не нужно. Вслед за Эриком, как по команде, вновь последовали и слезы матери, теперь еще более обильные и неудержимые. Как выяснилось позже, ее слезы были вызваны неудержимой грустью и сочувствием к своей лучшей подруге, которая узнала о кончине своего родного отца. Аура смерти, о которой Эрик знал так мало, буквально пропитала весь дом Майлзов в тот вечер, а сам Эрик... он запомнил лишь смех детей у дороги и ясную, так некстати ясную и жаркую погоду, говорившую о том, что жизнь... она все так же прекрасна, не смотря ни на что.

Вот и сейчас... Серые тучи или мелкий дождик подошли бы куда лучше. На худой конец не повредило бы и немного слякоти вокруг. Так или иначе, сегодня погода наотрез отказывалась отображать состояние Эрика Майлза. Но подобные мелочи, залетев в голову, надолго там не задерживались и почти сразу же уносились прочь порывом легкого ветра, не успев объявить свой протест и желание остаться хотя бы на ночлег.

попробовал оглядеть местный пейзаж еще раз, который, как он рассчитывал, окажется последним, что он увидит. По крайней мере, на этом свете. С крыши пятидесятиметрового жилого здания все выглядело куда проще, нежели снизу. Здания поменьше разлеглись по округе, словно десятки деталей от конструктора Лего, а перекрестки вдоль домов были заполнены сотнями разноцветных автомобилей, которые, переливаясь, создавали одну большую и неповторимую гамму красок. Шум автомашин доносился даже на крыше, и, казалось, не имело значения, насколько высоко ты мог подняться. Звуки цивилизации настигнут тебя везде. Это город, ничего не поделаешь. По крайней мере, на крышах редко бываетлюдно, а для Эрика это было сейчас именно тем, что надо.

Там, внизу... там была настоящая суматоха, там была жизнь. Возможно и не самая лучшая, но среди всего этого нескончаемого потока движения и суеты невольно перестаешь чувствовать себя одиноким. В такие моменты тебе начинает казаться, что ты становишься неотъемлемой частью этого мира, хотя бы на время. Но для Эрика Майлза и это время, дающее небольшую отсрочку от душачего одиночества, окончательно утекло и вылилось прямым в бездну. В темную и всепоглощающую бездну, где в конечном итоге последние капли твоего сознания, разбиваются о камни и, едва коснувшись грязной земли, приобретают неприятный мутный цвет. Именно таким Эрик ощущал себя в данный момент — мутным.

Возможно, этот многогранный и необъятный мир нуждался в Эрике Майлзе, как никогда раньше. Быть может, он уготовил для Эрика что-то по-настоящему грандиозное, то что, несомненно, откроет ему глаза и покажет, как чертовски он значим для этой вселенной. Ведь может ли быть, чтобы кто-либо из живых существ в один короткий миг потерял свою значимость и ценность? Для Эрика подобные мысли могли бы стать ободряющей нитью, из которой в дальнейшем было бы соткано прочное полотно надежды. Но вместе с этим в голову Эрика Майлза прокрадывались совсем противоположные мысли. Этот мир... что он привнес в жизнь Эрика? Сейчас, в эту самую минуту? Быть может, мир и нуждается в Эрике но так ли сам Эрик нуждается в нем? Так ли он нуждается в мире, который приводит человека на крышу одного из самых высоких зданий в городе с замыслом спуститься с него путем очень простым и трагичным? Нуждается ли Эрик в мире, который сделал все, чтобы обеспечить его страданиями и утешениями маловероятной перспективы быть счастливым

там... в будущем? Сомнительно, крайне сомнительно...

Эрик подступил к краю крыши еще на один шаг, и его бросило в легкую дрожь. Во времена, когда Эрик был подростком, он со своими друзьями частенько проводил время на крыше какого-нибудь здания. Такие вылазки были незаконны и карались штрафом и от того только сильнее раззадоривали мальчишек. Было в этом что-то неудержимое и опасное, граничащее между жизнью и смертью. Мальчишки собирались на крыше и переполненные адреналином испытывали новые, ни с чем несравнимые ощущения. Конечно, как и все, Эрик сторонился краев крыши и хотя никто из их мальчишечьей компании не хотел этого показывать, в действительности страшно было всем. Но оттого чувство опасности было только слаще.

Теперь же все было совсем иначе. Эрик не боялся смерти, как и не боялся умереть. А это, к слову, совсем разные вещи. Само явление смерти существовало всегда, а потому люди считали ее чем-то вроде нерушимого столпа реальности. Той реальности, в которой люди жили уже так долго, что в конечном итоге волей-неволей приняли факт неминуемого ухода из жизни, какой бы славной она ни была. Рано или поздно, но так было с каждым. Так будет и с нами, и даже после нас. Но умирать, нет, умирать это совсем другое дело. В этот момент ты еще (к сожалению) не мертв, но уже способен ощутить всю горечь утраты по тому, чему не суждено сбыться в будущем. Тому, что ты так и не успеешь подарить своей дочери танец на выпускном. Тому, что ты не станешь свидетелем рождения своих собственных внуков и не успеешь, как следует понынчиться с ними, а быть может, и научить их паре-тройке шалостей. Тому, что ты так и не успеешь понять, как было важно сказать некоторым людям о своих чувствах, о своей любви.

Но есть такие моменты, когда в определенный миг твое будущее просто исчезает, словно сияющая в своих лучах красоты птица. Поначалу она кажется такой яркой и преисполненной надежд, но после она скрывается за одним облаком, потом за другим... и вот от бывшего света остается только еле заметное свечение. В этот момент ты понимаешь, что это конец. Последняя надежда исчезла, а вместе с ней исчез, и ты сам.

От собственных рук (или как в данном случае от собственных ног) Эрик Майлз был готов принять смерть без малейшего страха и сомнения. Это было то решение, которое не могло подлежать сомнению хотя бы потому, что оно являлось последним в жизни, а с такими вещами не шутят. Более того, к нему нужно было подойти с особой тщательностью, чтобы никто не посмел сказать, что собственная кончина была произведена им из рук вон плохо. Следовало бы сказать, что даже тут ты сделал все, как полагается, без сучка и без задоринки.

Эрик Майлз никогда не считал, что если на свете есть что-то неизбежное, то оно непременно должно сулить какую-то беду. Неизбежность можно предугадать, например, рвать волосы, предрекая, что этот чертов рассвет опять нагрянет и сегодня утром. Когда же на горизонте появится святающийся желтый шар, ты можешь выдавить: «Хм, ну да, так и должно было быть». Просто день заканчивается и начинается новый. И в этом нет ничего страшного. Так и с жизнью. Если в ней и суждено чему-то закончиться, то лишь для того, чтобы освободить место для грядущего нового. В вашей жизни не появятся новые перчатки, пока старые не износятся настолько, что любая гадалка, глядя на них, сможет с легкостью заявить нечто вроде: «Ставлю сотню, что смогу погадать у этого парня на ладони, не снимая с него перчаток... ну или того, что от них осталось».

Однако в случае собственного умерщвления предошущение возможной боли все же

ставило Эрика в жуткое положение. Как-то раз по новостям ему довелось посмотреть репортаж о строителе, который, упав со строящегося здания высотой в девять этажей, переломал себе в буквальном смысле почти все кости и при этом чудом остался жив. Но была ли эта жизнь? Как раз с этим Эрик мог бы поспорить. А уж тот бедняга и вовсе, услышав о так называемом ЧУДЕ от первого же сострадальца, извергнул бы из себя примерно следующее: «Единственное чудо для тебя, приятель, так это то, что я могу дать тебе по твоей глупой роже только лишь мысленно, но поверь, моя фантазия очень богата и не ограничена парой-тройкой затрецин! О да, я бы показал тебе настоящее чудо! Эй, сестра! Будьте добры, еще одну таблеточку и, пожалуй, клизму мне в зад! Гулять так гулять! И смажьте эти чертовы колеса на моей коляске! Остаток жизни предвещает быть ОЧЕНЬ интересным! Стоять на месте нельзя! Ведь я воплощения самого, мать его, чуда! Ха-ха-ха!»

Думая об этой перспективе, Эрик еще раз вспомнил свои подростковые прогулки по крышам. Так же, вспоминая тот репортаж, Эрик Майлз утешал себя, что по сравнению с высотой в девять этажей пятидесятиметровое здание точно не оставит шанса ни одной клеточке его тела на возможную реанимацию. Хотя чуть ранее, поднимаясь на крышу (которая была не запертой, что и являлось одним из решающих факторов «затяжного прыжка») Эрик думал и о других способах. Он пробовал подумать о некоей альтернативе своей кончины в виде таблеток. Однако вспомнив о рвотном рефлексе, Эрик откинул этот вариант. Была еще альтернатива с повешением, но при росте Эрика Майлза даже веревке стало бы стыдно за работу, которую она смогла бы выполнить разве что на ОЧЕНЬ длинной и прочной ветке. О том, чтобы эффектно застрелиться, Эрик и вовсе не думал. Одни только поиски пистолета и его оформление заморили бы Эрика до смерти (но в своем роде это была неплохая мысль). И хотя со стороны такие размышления казались безумными, для Эрика они были единственными, которые удостоивались его внимания.

Но как это произошло? Ведь еще вчера Эрик Майлз, тихой и темной ночью лежа на своем потертом диване, смотрел телепередачу, название которой он бы уже и не вспомнил ни сейчас, ни когда-либо после. Эрик не помнил многого из событий прошлой ночи, но то, что оставило след в его душе, возникало неммым вопросом в мыслях каждый раз, стоило только Эрику закрыть свои глаза (и это наводило на мысль о том, что прошлой ночью уснуть Эрику Майлзу так и не удалось).

"Что ждет меня на том свете, а главное кто? Ждет ли меня после этой жизни... она?"

Этот вопрос всплывал из недр сознания наружу вновь и вновь и виной тому была уже вышеупомянутая телепередача. Эта была одна из тех передач, где два приглашенных оппонента о чем-то вечно и шумно спорили, зрители постоянно взрывались аплодисментами, а ведущий только и делал, что разбрасывался провокационными вопросами, создавая еще большую шумиху и рейтинг вокруг своей персоны. Одним словом — на экранах воплощалась одна из самых неотъемлемых частей современного телевидения.

В данном случае двумя оппонентами были представлены некий астрофизик, или быть может астролог (мозг Эрика Майлза все еще упорно отказывался сопоставлять свои воспоминания с истинной картиной вещей) и один священнослужитель. Как правило, такие столкновения заканчивались лишь одним — вечным спором о важности науки и религии. Конечно же в этой борьбе из доводов и фактов (а также взаимной неприязни оппонентов по отношению друг к другу) неоднократно фигурировал Бог и все то, что так или иначе связано с жизнью после смерти. И в один момент, всего лишь на один крошечный миг... дебаты по ту сторону экрана ЗАИНТЕРЕСОВАЛИ Эрика. Его что-то еще было способн

заинтересовать.

"Ждет ли меня после этой жизни... она?"

Да взять хотя бы сегодняшнее утро: аппетитная яичница на завтрак, легкая и неспешная прогулка вдоль любимого кафе, где продают самые вкусные шоколадные круассаны и не менее вкусный кофе, а завершением всего этого стал милый пес породы ретривер, что одарил Эрика своим желанием поиграть именно с ним и ни с кем иначе. А потому в течение всего полудня возле центрального парка хозяин пса веселился от факта того, что у него внезапно появилась куча свободного времени.

бы, жизнь полна красок! Жизнь бьет ключом! Но проходит время, Эрик Майлз гладит ретривера за ухом на прощание, а потом... отправляется дальше. Отправляется умирать. Вот так просто... и одновременно сложно. Настолько сложно, что уловить ту грань, где заканчивается желание жить и возникает желание умереть, становится просто нереально. И возможно таких людей вокруг десятки. Сотни. Живых снаружи, но совершенно пустых внутри. Сегодня они улыбаются вам, но завтра... что может быть завтра? Возможно для них уже ничего. И после, все, что вы сможете найти в их доме, так это качающуюся петлю на люстре и пропитанное воздухом чувство одиночества.

И вот теперь Эрик Майлз тут. И еще один шаг вперед к краю крыши. И одновременно с этим еще один шаг назад, туда, где кончается ненавистная реальность и невыносимо печальная прошлая жизнь. Внезапно Эрик вспомнил, что на первом этаже жилого дома располагался отменный прилавок со свежей выпечкой.

"Интересно, если я разобьюсь в лепешку возле этого прилавка, упадет ли там спрос на местные лепешки? Да уж, Эрик, отменная шутка, ничего не скажешь"

Но тут, оборвав собственные мысли и оказавшись почти у самого края, руки Эрика, словно по чьей-то команде, расставились врозь! Пропитанные энергией, по ним, казалось, бегают маленькие и игривые частицы тока, постепенно покалывая и спускаясь все ниже и ниже. И вот уже все тело Эрика извивалось, словно змея, пытаясь удержать свое равновесие.

Забавная штука этот инстинкт самосохранения. Сопровождая человека на протяжении всей жизни, он, словно встроенный в голову ангел-хранитель, неосознанно старается всеми силами уберечь нас от опасностей. Даже тогда, когда, казалось бы, этого вовсе не требуется! И вот теперь, балансируя у самого края, Эрик ощущал себя нерешительным пловцом, тело которого, будто родная мать, пыталось уговорить его не прыгать со столь высокого трамплина, а разум, в свою очередь, заменяя тренера, говорил, что это именно то, к чему мы шли и что обязаны пройти до конца. Так или иначе, со стороны это казалось весьма забавным. И все же, совладав с собой, Эрик, вдохнув глоток свежего воздуха, в последний раз обернулся назад, к самому входу к крыше.

— Если там есть хоть кто-то, то можете попробовать остановить меня... или присоединяйтесь на худой конец! — весело окрикнул окружающее пространство Эрик, обращаясь ко всем и одновременно ни к кому.

В ответ отозвалась лишь дверь, слегка поскрипывая от нового порыва ветра.

— Ну просто лес спасателей! — в той же веселой манере продолжил Эрик. — Нет-нет! Не все сразу ребята... по одному и... да ладно вам! Никто даже не подойдет?

Почему-то этот постановочный диалог по-настоящему веселил Эрика. А, быть может, он просто успокаивал свои нервы или то, что от них осталось.

— Вот из-за таких равнодушных людей, люди и помирают на крышах! В одиночку! — обиженно произнес Эрик, но его улыбка и не думала сходить с лица. — И вообще, у вас на

крыше полно окурков. Прибрались бы вы хоть что ли! А вообще, не стоит вам подходить ко мне близко! Ведь я опасный самоубийца! У меня есть ноги и я не побоюсь ими воспользоваться во имя затяжного полета вниз! Так и знайте!

В ответ Эрика встретил лишь легкий шум ветра.

свою маленькую импровизацию и слегка придя в себя, Эрик напоследок начал оглядывать того, состояние которого его давно не интересовало. Эрик Майлз оглядывал самого себя.

Он не представлял, какое выражение лица у него могло быть в этот момент, но со стороны это было самое обычное лицо: голубые глаза, чуть горбатый нос, подбородок с весьма глубокой ямкой и легкая небритость, которая смотрелась слегка нелепо со светлыми отросшими волосами на голове. Тело было тоже вполне обычным и непримечательным (немного худощавым и довольно длинным). Молодежная рубашка белого цвета, простые потертые джинсы, наручные часы и старые кроссовки послужили окончательным заключением описания человека на крыше по имени Эрик Майлз. Таким Эрик и уйдет из этого мира.

«Надеюсь, если это не конец, ТАМ нет дресс-кода», — подумал Эрик, а после в его голове отозвались слова матери из детства: "Все хорошо. Все будет хорошо"

"Ну да, — подумал Эрик, — все будет хорошо, мама", — и сделал последний шаг.

Когда дело касается смерти, тут равны все, и исключений быть не может. Ты можешь быть любого пола, возраста и расы, можешь принадлежать самому различному социальному статусу и оставить в истории след и значимость самой разной величины. Но по-настоящему значимым от тебя останется лишь красное пятно на асфальте. И так будет с каждым, кто состоит из плоти и крови. Почти наверняка можно сказать, что всех этих людей будут помнить. По крайней мере, их будет помнить тот, кто останется отмывать кровь и месиво. И вряд ли такой человек будет вспоминать это событие добрым словом, как и тех, кто стал его причиной.

Падение заняло не так мало времени, как Эрик предполагал (все-таки пятьдесят метров это довольно приличная высота), но, вопреки всеобщему мнению, жизнь так и не пролетела перед глазами. Картинки из прошлой жизни не возникли в памяти Эрика, а самые яркие моменты, будто наоборот, погрузились на самое дно воспоминаний, и припомнить хоть что-либо было почти невозможным. Асфальт становился все отчетливее, и Эрик Майлз решил себя занять дальнейшим его рассмотрением. К слову, много времени это не заняло. А потом вдруг стало совсем темно...

Глава 1: Крик души

Глава 1: Крик души

Забегаловка «Время ленча» была одной из десятка самых обычных забегаловок, которые строились на десятках самых обычных шоссе в десятках самых различных городов по всему миру. Забавно, но именно обычность и непримечательность подобных заведений делает их в некотором смысле особенными. Они могут смело относиться к тому разряду вещей, что можно заметить буквально везде и всюду.

Так, например, в любом городе мира вы сможете увидеть человека, который, подойдя к двери с надписью «закрyто», непременно дернет за дверную ручку. Нет, этот человек, конечно же, не глуп и достаточно образован для того, чтобы распознать, что именно написано на двери и даже понять, что смысл данных слов имеет к нему самое прямое отношение. Но все же, вы почему-то точно знаете, что этот человек попытается, несмотря ни на что... он ПОПЫТАЕТСЯ открыть находившуюся перед ним дверь. Кто не рискует, тот не пьет шампанского или же не открывает запертые двери! Вернувшись к моменту, когда кульминация еще не наступила, вы сможете наблюдать за зачатками попытки стать взломщиком дверей номер один! Этот самый человек, исходя из извивающейся позы и нерешительного и детского интереса, выражающегося в его глазах все сильнее и сильнее, даст вам окончательную уверенность в том, что произойдет через несколько секунд. Накал страстей все ближе, эмоции на пределе, и... он дергает за дверную ручку! Что? Надпись? Ну, на заборе тоже много написано (и большинство из этого, откровенно говоря, ложь и клевета, а то, что правда, то правда до ужаса нецензурная). И все же проводить подобные манипуляции с закрытыми дверями лишним не будет. Исключительно чтобы убедиться в ее закрытости и ничего больше.

Или, к примеру, стоите вы на остановке и вдруг понимаете, что в своих вечных делах и заботах совершенно потерялись во времени и вам смертельно необходимо узнать, который сейчас час. К сожалению, ни часов, ни телефона при вас нет, но, о счастье, буквально в паре метров от себя вы видите человека, как раз взглядывающегося в свой Ролекс на руке! И вот вы уже стоите возле него и в надежде утолить свой интерес, спрашиваете, сколько же сейчас времени? И что делает ваш собеседник в следующее мгновение? Именно! Вместо ответа он автоматически смотрит на свой Ролекс! Опять! Несмотря на то, что еще пару секунд назад его глаза сверлили взглядом часы усерднее бура и более сосредоточенно, чем хищник, выслеживающий свою добычу.

Самое удивительное, что таких случаев полно и происходят они всюду и со всеми! Они становятся настолько обыденными, что в конечном итоге являются неотъемлемой частью человеческого общества. Это часть человеческой жизни. И вот, проезжая около забегаловки «Время ленча», вы невольно улыбаетесь, потому как это то, что вы так ждали встретить в подобном месте, и то, что почему-то вам кажется забавным. Спроси, что именно вас так веселит в этой ситуации, вы бы никак не смогли этого объяснить. Просто так должно было быть и никак иначе. Это уже нечто большее, чем просто явление. Это что-то внутри нас. Что-то, что объединяет нас и этот мир.

Внутри «Время ленча» из местного убранства оказался слегка липкий пол, пятна на

котором, должно быть, имели историю векового происхождения. Потрепанные вентиляторы на потолке явно знавали лучшие дни. Казалось бы, лопасти этих вентиляторов способны крутиться только благодаря божьей силе. Столы и диваны были окрашены в привычный для подобных заведений красно-желтый оттенок, не сильно броский и создающий атмосферу уюта. Прибитый в углу возле кофейной стойки телевизор считал долгом одарять каждый второй канал мигающей рябью. Наверное, он мог себе позволить этого не делать, однако, дабы соответствовать общему виду этого заведения, приходилось идти на некоторые жертвы.

В целом, тут было уютно. По крайней мере, так бы сказал каждый проверяющий из санэпидемстанции, если бы за пару минут до проверки хозяин забегаловки одарил бы его самой простодушной улыбкой, отведя подальше от людских глаз, и более весомым презентом, которые обычно кладут в конверт (если подобное заведение вообще могло позволить себе хоть какие-то презенты).

Посетителей, не считая группы разнорабочих, местных завсегдатаев, на мятые доллары которых «Время ленча» все еще держался, было совсем немного. Но именно от них, от любителей поработать на складах и потягать пару-тройку мешков с цементом и исходил основной шум (не считая скворчания масла на сковородках, звук которых доносился из кухни до каждого столика без исключения). Шум разнорабочих не позволял забегаловке утонуть в собственной тишине, а потому к их разговору прислушиваться не приходилось. Напоминая сломанное радио, громкость которого можно было регулировать лишь перекрикиванием этого самого источника звука, отчетливо слышалось каждое их слово (и заодно каждый плевок рассказчиков, шмыганье носом и фирменная отрывка). Столик простых работяг стал эпицентром важнейших разговоров, из которых слышалось что-то вроде:

— Ну и в общем останавливаюсь я около этой крошки и говорю ей, мол, две штуки, детка, и твои ноги из вертикального положения примут горизонтальное. Ха, прям так и сказал. И знаете, что она мне ответила?

Оставшаяся группка, как две капли воды одинаковых brutальных мужиков в сальных белых футболках и грязных оранжевых комбинезонах издали нечто невнятное, что на их языке, несомненно, служило, чем-то вроде «че?», а самый смышленный даже сумел внятно произнести конкретное «что?».

— А она мне заявляет: «Для тебя только десятка!» А это больше на целые восемь штук! На целых восемь, ради перепихона с какой-то шлюхой! Не, ну прикинь?

— Да ладно?! — издал кто-то из слушателей, явно удивленный таким поворотом сюжета больше всех остальных.

— Что, удивлен? — спросил главный рассказчик, на лице которого одновременно отображалась ухмылка и злоба.

— Да, — раздалось в ответ, — удивлен, что ты умеешь считать!

А дальше под всеобщий хохот и пускание пара из ноздрей со стороны униженного рассказчика забегаловка «Время ленча» продолжала свое существование. Она словно бы напрямую говорила о том, что такие случаи здесь в норме и так было всегда, а потому грех жаловаться. Бывает и хуже.

Количество оставшихся посетителей смог бы сосчитать любой человек на пальцах одной руки, даже если бы это был плотник со стажем. К слову, посетителей было всего трое. Пожилая пара, мирно обедающая тушенными овощами с рыбным филе и запивая все это зеленым чаем, расположилась прямо у кофейной стойки. Располагались на столе пожилой

пары и парочка тостов, а так же небольшая миска, наполненная малиновым джемом. Заботливая старушка медленно размазывала ножом джем по тостам так, словно занималась этим всю жизнь и, казалось, даже возраст не в силах был отобрать у нее этот навык. Ее пожилой супруг мирно почитывал газету, периодически щурясь и перечитывая некоторые предложения несколько раз. Иногда он выглядывал из-под страниц и по-детски отправлял своей жене воздушный поцелуй. Со стороны это казалось довольно мило.

А ближе у окна, поодаль от основной массы посетителей, сидел и вовсе ничем не приметный господин. Настолько неприметный, что его решительно никто и не думал замечать. И если бы кто-то очень постарался, огляделся бы вокруг и просверлил бы взглядом каждое место у окна, то все, что он смог бы увидеть, это разводы на оконных стеклах и не самую прелестную погоду за ними. Официант, каждый раз проходя мимо столика, за которым сидел "неприметный господин", окидывал гостя таким взглядом, будто бы перед ним находилось совершенно пустое пространство, в котором на мгновение что-то промелькнуло. Любая попытка разглядеть что-то более или менее оформленное приводила лишь к раздражению и болю в глазах. А потому, так и не уловив чьего-либо присутствия за столиком, официант, замешкавшись, возвращался обратно за кофейную стойку из раза в раз.

Это был своего рода успех. Успех, который перемешивался с мыслями, что ничего удивительного, однако, не произошло, ведь принцип занимаемой "неприметным господином" должности сам по себе олицетворял незаметность. Более того, если бы что-то в этом устоявшемся механизме круто изменилось, то "неприметный господин" был бы одним из первых, кто по-настоящему удивился бы, если бы конечно он умел удивляться и испытывать что-либо вообще. Но если бы все же умел, то, несомненно, удивление было бы первейшим из всех чувств. Звали этого господина очень просто. Вестник. Вестник Смерти.

Пустым взглядом (а другого его взгляда еще не удавалось наблюдать никому... по крайней мере, за последние пару тысяч лет) Вестник Смерти смотрел в окно. Однако будет более правильным сказать, что Вестник Смерти смотрел СКВОЗЬ окно, ибо умению концентрировать внимание на чем-то определенном у него отсутствовало с самого первого дня появления на этом свете. И на любом другом тоже. Тем временем отражение Вестника Смерти существовало в реальном времени, а потому оно занималось единственным, что умело — невольно рассматривало своего хозяина.

На первый взгляд Вестник Смерти не имел определенного возраста, а потому, смотря на него можно было бы сказать, что перед тобой стоит либо очень хорошо сохранившийся мужчина, либо чересчур взрослый юноша (уместны оба варианта). Можно было бы назвать любое число и, скорее всего, озвучив число вслух, с возрастом Вестника Смерти (или просто Вестника) вы бы не прогадали. На бледном лице Вестника были высечены такие элементы, как острый нос, глубоко посаженные глаза и тонкие губы, макушку головы украшали короткие как ночь черные волосы. Он был одет в темно-серый костюм-тройку с расстегнутой пуговицей на пиджаке и узорчатый зеленый галстук. Цвет этого галстука был настолько ярким, что, казалось, от него исходит змеиное шипение. Узоры имели картину немигающего змеиного взгляда, словно ждущего подходящего момента, чтобы выскочить и вцепиться вам в шею. Со стороны Вестник казался самым спокойным и уверенным в себе представителем человеческого рода. А если быть точнее — НЕчеловеческого.

Предположение о том, что родители его не любили, судя по выбранному ими имени для своего драгоценного чада, ошибочно. По крайней мере, если вам удалось бы об этом спросить самого Вестника и получить ответ, вы бы узнали, что родителей у Вестника не

было (хотя был создатель). Вестник никогда не рождался. Но он был именно ТЕМ и олицетворял именно ТО, что приходило на ум каждому, кто слышал имя этого загадочного создания. Вестник извещал людей о смерти. А если точнее, то всех живых существ.

В обязанности Вестника входил не только пункт «ошарашить» подобной новостью очередного беднягу, к которому он заявлялся, но и какое-то время сопровождать его в дальнейшем путешествии сквозь миры и пространства. Путь был для всех индивидуальный. Даже придя за душой простой гусеницы все происходило по протоколу и по всей строгости законов о смерти. Отличия заключались лишь в том, что гусеница перемен в своей жизни (и тому, что будет после нее) осознать не могла. Но ведь так даже лучше! Ни банальных речей о втором шансе, ни бесконечных слез и истерик о том, что там, на земле, остались голодные жена с тремя детьми. Ничего подобного. Для переживаний не было возможности и, если быть честным до конца, мозгов.

«Щёлк», и ты уже спокойно прогуливаешься в сопровождении того, кто и организовал эту самую прогулку, пусть даже и забрав при этом жизнь. Куда теперь деваться? Прогулка есть прогулка. Прогулка без спешки и без лишней суеты (что говорило о том, что у тех же гусениц вопрос воспитания поставлен на более серьезном уровне, нежели у людей). И хотя Вестник не мог оценить подобной привилегии, свою работу он знал и выполнял исправно.

В данный момент Вестник, оторвав взгляд от окна, позволил себе то, что может позволить Вестник Смерти в перерыве между изъятиями душ из тел — смотрел, как работают другие, а точнее, как зарабатывает на хлеб телепередача «Двуликая медаль», которую показывало местное подобие телевизора в «Время ленча». В нижнем правом углу телепередачи, мелким шрифтом красовалась надпись: "программа идет в повторе"

— Значит, вы утверждаете, что религия — это регресс современного общества? — громко и с наигранным артистизмом произнес ведущий «Двуликой медали» Джеймс Грувер. Ведущий, который, казалось, не расставался со своим малиновым пиджаком и бабочкой кисло-желтого цвета в горах даже во время сна.

Заявление под всеобщий пристальный взгляд зрителей студии было обращено к одному из гостей — знаменитому астрофизику и не менее знаменитому научному деятелю Артуру Фросту.

— Регресс — не совсем правильное слово, Джим, — принялся поправлять ведущего Артур. — Я бы сказал, это пережиток прошлого. Причем весьма печальный. Я не стану напоминать, как много было пролито больше крови и сколько человеческих жизней было унесено религиозными войнами, но как человека науки меня оскорбляет вовсе не это.

— Даже так!? И что же именно вас оскорбляет, Артур? — незамедлительно принялся расспрашивать Джим, обращаясь к астрофизику и одновременно следя за реакцией зрителей в зале.

— Невежество — вот истинная проблема современного общества, — принялся за объяснения Артур, разводя руками. — В каком году Ватикан был так любезен признать факт того, что Земля вращается вокруг солнца? Лишь в 1992 году, Джим! Три слона и черепаха — вот чем нас хотели и дальше кормить. Это же не серьезно. И даже в наши дни, те верующие, с которыми я имел «честь» общаться, поливали меня грязью за то, что я называл Иисуса евреем! Некоторые даже Библию в руках не держали! Некоторые люди даже не знают историю того, во что верят! И, видимо, не хотят знать! Думать надо своей головой, вот что я думаю. Нужно быть самостоятельным в вопросе своего образа жизни и хоть каплю логичнее. Не стоит верить всему, что написано в писаниях. Даже в самых «святых»!

На последнем слове некоторые зрители зала одарили астрофизика небольшим свистом. Тот, впрочем, не обратил на это никакого внимания и лишь улыбнулся, слегка поправив пиджак своего синего костюма. Несмотря на сравнительно молодой возраст (Артуру Фросту не было и сорока лет) астрофизик успел обзавестись залысиной, а его черты лица напоминали Бенджамина Баттона на средней стадии жизни. Однако глаза Артура источали жизнь и энергию.

Обстановку как обычно разрядил Джим Грувер, жестом руки успокаивая толпу и вновь обращаясь к Артуру.

— Значит, вы считаете, что именно наука просвещает нашу жизнь?

— Наука пытается познать этот мир! — с чувством произнес астрофизик. — Она не столько просвещает, сколько по-настоящему изучает его! Религия же, напротив, подает свою версию, где рассказано абсолютно все, но не объяснено совершенно ничего! И люди верят в это! Так проще. И было так всегда. Сладкая сказка читается легче и беззаботнее научных энциклопедий. Но люди, читающие сказки, мудрее не станут.

— Мне кажется, мудрость — это не то, что можно взять из вырванных страниц. Мудрость — это жизненный опыт. Это то, чему ты себя посвятил, — подметил святой отец Грегос, второй гость и главный оппонент Артура Фроста.

Отец Грегос, несмотря на свой статус, выглядел довольно молодо, будто бы только окончил университет. Его щеки и подбородок покрывала легкая небритость, а само лицо излучали спокойствие и доброта этого мира.

— Забавно слышать это от того, кто отдал всю жизнь одной-единственной книжке о Боге, — парировал Артур.

— Это интересно! — рассмеявшись, воскликнул несменный ведущий. — Важны не чужие книжки, но свой опыт? Так вы сказали, отец Грегос?

При этом Джеймс Грувер каждый раз вглядывался в зал, ища там поддержку. И каждый раз ответный шум толпы удовлетворял ведущего, как ничто другое.

— Если мы говорим об опыте... да. Но опыт — это лишь то, что помогает познать нашу жизнь, — медленно, но с уверенностью в голосе произнес отец Грегос. — Но что помогает познать нашу душу?

В этот момент отец Грегос сделал паузу, поправил очки на своем носу и заглянул в глаза Джиму. Слегка растерявшись, тот начал было вновь вглядываться в лица сидящих в зале зрителей, но взгляды тех были обращены на святого отца. Тогда Джим не нашел ничего лучше, чем изобразить тупую улыбку и выдавить из себя нечто вроде «хех».

— Душу помогает познать лишь наша вера, — вздохнув, продолжил отец Грегос. — Мистер Фрост заявляет, будто бы религия это пережиток прошлого. Но давайте вспомним, скольким людям помог это пережиток. И скольким он помогает поныне. Неужели так важно во что ты веришь, если это приносит тебе душевное спокойствие? Если это дарует тебе мир?

— Совершенно не важно, — охотно согласился Артур, — но важно то, где кончается вера и начинается фанатизм! Вы придумали законы, которые защищают верующих, словно это отдельный класс нашего общества! Оскорбления чувств верующих, что это, отец Грегос? По мне, так это способ защитить свое положение, но никак не свою веру. Если вера в вас так крепка, зачем вообще ее защищать? Мне не нужны законы, которые защитят мои чувства. Если при мне заявят, что Эйнштейн был неудачником и идиотом, меня это не оскорбит, ведь умом я точно знаю, что есть — истина, а что — пустая болтовня. В этом и вся разница. Мы, ученые, открыты к любым изменениям в этом мире, к любым версиям его происхождения. А

вы — нет, и это уже, — Артур перевел многозначительный взгляд на ведущего, — это уже, Джеймс, и есть регресс. Потому что если люди узнают правду, если они поймут, что религия это лишь способ выкачивать деньги из кошельков людей, если они поймут, что религия это лишь одна из форма контроля над людьми...

Оборвав свою речь на полуслове Артур развел руками, обращая свой взор к залу. Его выражение лица отображало нечто вроде "дальше додумывайте сами". Некоторые зрители студии рассыпались в аплодисментах. Остальные же явно не разделили пламенной речи астрофизика. Сам же Джеймс Грувер лишь выжидающе смотрел на отца Грегоса, потирая свои руки в ожидании настоящего шоу. Тот, впрочем, не заставил себя долго ждать.

— С вашей точки зрения, Артур, все ваши изменения... они сугубо материальны. Да, возможно, вы готовы к изменениям в мире физики, химии и астрономии, но... готовы ли вы к чувствам?

— Я не совсем понимаю суть вашего вопроса, — произнес Артур, лицо которого было словно высечено из камня. Смотря на светлые кудрявые волосы отца Грегоса, на его черную рясу (Артур искренне считал, что в этой рясе все священнослужители рождаются и умирают) и на невинное выражение лица, астрофизика все больше казалось, что он ведет диалог с подростком. Это заставляло Артура нервничать.

— Вы сами сказали, что вы — человек науки! — произнес отец Грегос. — Но когда вас настигает чувство потери, настоящей утраты, чувство неизбежности, о чем вы думаете тогда? Когда ни ваши телескопы, ни ваши формулы не могут принести вам спокойствия и ответить на то, что же творится внутри вас? Поймите, Артур. Верующих людей и правда можно отнести к отдельному классу. Ведь человек веры только верой и живет. По крайней мере, он ищет в ней утешение. Он верит в праведный суд и живет по его законам. Этими законами живете и вы, мистер Фрост, как бы вы это не отрицали. Я видел множество людей, отрицающих веру. Но в конечном итоге, пусть даже через годы сражений, они все приходят ко мне, в обитель бога. И знаете, что они делают? Они начинают молиться. Они делают это впервые, потому что больше ничего не остается. Вера — это то, что останется в вас, когда все прочее потеряет свой смысл. Вы думаете, что отобрав у них это вы сделаете их самостоятельнее? Боюсь, что единственное, чего вы добьетесь, так это мучительной и бесконечной скорби тех, кому больше не на что надеяться. А на лучшее надеются все. На войне атеистов нет.

— Но нет и Бога, который убережет солдат от гибели, — мгновенно ответил Артур. В этот момент слова в его голосе словно начали покрываться сталью. — Который их защитит. По-настоящему защитит. И защитит ли? Вы же как никто другой знаете, сколько пало от рук Бога! Всемирный потоп. Семь казней египетских. Содом и Гоморра. Я могу продолжать еще и еще. Ваш господь только и делал, что губил людей. Губил миллионами, потому что они играли не по его правилам. Так что не нужно рассказывать мне о Его любви и всепрощении. Все, что вы сказали ранее, говорит лишь о том, что вера — это ПОСЛЕДНЕЕ, что может на спасти? Но то, с каким рвением вы пытаетесь впихнуть эту веру в наши дома, говорит мне о том, что вы хотите сделать ее главным и ПЕРВЫМ столпом нашего общества.

— Лично я хочу лишь показать, что может объяснить ДУХОВНУЮ сторону нашей жизни, Артур. Вы попытайтесь понять господя. Но это выше любого из нас. Огни не падают с небес и молнии не пронзают еретиков. Оглянитесь, Артур. Где сейчас ваше озлобленное подобие Господа? Поймите, с какой именно целью я пришел сюда. Физика поможет вам понять механизм действия электрического тока, но не то, что творится у вас в душе. Наука

— это замечательное творение Господа, но душу она не объясняет.

В этот момент Джеймс Грувер не смог сдержать свой смешок, смотря на астрофизика. После последней фразы отца Грегоса Артур Фрост демонстративно закатил свои глаза.

— Именно творение Господа, — невозмутимо продолжил отец Грегос — Наука дала нам тысячу лекарств от множества болезней, она сделала наш мир цивилизованнее и, несомненно, ваше дело правое. Но утешит ли это мать, потерявшую своего сына? Утешит ли это вас, если вы потеряете своих детей? Свою супругу? Если не верить в то, что после смерти нас ждет что-то еще... что станет с человечностью в людях? Что удержит их от того, чтобы не стать зверями?

— Здра-вый смы-сл, — произнес по слогам Артур Фрост. — Или вы думаете, что лишь вера в бога удерживает людей от всех тех зверств, что кроются в глубинах их сердец? Нет, отец Грегос. Возможно, так было в начале времен. Но сейчас человек стал действительно цивилизованным. Сейчас божью кару заменяют законы. Законы, которые имеют НАСТОЯЩУЮ и ОЩУТИМУЮ силу. Неверные жены, которые каются у вас в кабинке. Подростки-карманники, обокравшие инвалида у дороги. Вы считаете, что отпущение грехов уравнивает чашу весов?

Закончив свою речь, Артур посмотрел на святого отца взглядом абсолютного победителя. Однако тот, как показалось самому Артуру, издал нечто вроде смешка, что для отца Грегоса было совсем не свойственно. Зрительный зал затаил дыхание. После этого святой отец обратился к астрофизику.

— Я считаю, что простой разговор раскаявшегося человека — это больше, чем отпущение грехов. Ко мне приходит далеко не каждый. Для этого нужно иметь сильный дух.

Сделав небольшую паузу, отец Грегос оглядел Артура оценивающим взглядом. Астрофизику это не понравилось, и даже Джеймс Грувер поправил свою шевелюру (верный признак того, что Джим одновременно взволнован и возбужден). Наконец, священнослужитель заговорил.

— Вы так рьяно отказываетесь верить в Бога, но искренне считаете, что наши законы защищают нас от всех внешних бед? Преступники, которых сажают за массовые убийства и выпускают через пару-тройку лет — это закон? Взятки и коррупция вокруг судей — это закон? Кто-то отсидживает срок за то, что он не делал, а по-настоящему погрязший в крови преступник гуляет на свободе. Это тоже закон? Нет, Артур. Это иллюзия закона. Я искренне считаю: каждый преступник должен сидеть в тюрьме. Но это наказание лишь для телесной оболочки и, к сожалению, оно не всегда эффективно. Так или иначе, мы создали систему порядка, но истинный суд ждет нас впереди. И перед Богом ответит каждый. Неважно, сумел ли он сбежать от закона при жизни, кому он платил за свою свободу. От настоящего правосудия не уйти никому. Вот что меня утешает каждую ночь, Артур. Вот что помогает мне жить в нашем мире дальше. Надежда на что-то лучшее.

— На лучшее что?! — воскликнул Артур, будто бы смеясь прямо в лицо священнослужителю. — Это и есть ваш метод! Кормить обещаниями о лучшем! Но почему бы Господу просто не искоренить все эти преступления сейчас? Почему бы ему не стать на деле символом добра и святости? Раньше он делал это постоянно! Если что-то шло не по его плану, он тут же вмешивался! Почему сейчас же такого нет? Да потому что этого никогда и не было.

Выслушав Артура, отец Грегос выждал несколько минут, после чего встал со своего сиденья.

— Артур, я могу встать, посмотрите, — после чего святой отец медленно шагая прошелся по студии под всеобщее внимание всех зрителей, ведущего и самого астрофизика. — Теперь я могу ходить. Как человек я могу многое. Это называется свобода. Свобода воли. Вот главный ответ на ваш вопрос. Просто подумайте над этим. Подумайте над тем, что было бы, если бы Господь вмешивался в наш выбор. Если бы он сулил беды и горе другим. Вы опираетесь лишь на то, что описано в библии. Но Господь не в ней. Он в нас. Внутри нас. Я чту библейские писания, но я ими не живу. И Бог для меня это нечто иное. Как и моя вера.

После того, как речь священнослужителя подошла к концу, Джеймс Грувер взглянул на Артура Фроста. В этом взгляде выражалось огромное нетерпение узнать, как же парирует слова священника астрофизик на этот раз. Но ведущий «Двуликой монеты» сказал следующее:

— Господа, мне кажется, мы уже достаточно поговорили о пользе и ее отсутствии и мире материальном и духовном. Что скажете, Артур?

Слова, обращенные к астрофизiku, словно проходили сквозь Артура Фроста. Все его внимание занимал лишь отец Грегос. Теперь в глазах Артура читалась лишь одна борьба. От нарастающего возбуждения астрофизик был даже вынужден ослабить свой галстук. Не обращая никакого внимания на ведущего, Артур в очередной раз обратился напрямую к священнослужителю:

— Скажите, отец Грегос. Если отбросить надежду на лучшее, могу ли я спросить о самой вашей вере в целом? В кого именно вы верите?

— В Бога, Артур, — с улыбкой ответил священнослужитель, произнеся свой ответ так, словно бы он открывал глаза на все в этом мире.

— А именно — в христианского Бога? В Иисуса? — не унимался астрофизик. Извечное спокойствие святого отца начинало его раздражать. — А как же Марс, Тор, Один? Ведь раньше истинными богами считались ОНИ! И где они сейчас? Покланяйся я им в нашем современном обществе, вы бы посчитали меня психом, не так ли? Знаете, что самое смешное? Вера одного человека во что-то — это признак того, что ты псих. Однако если в это верят массы, то это сразу обычное явление!

На несколько секунд в зале повисла тишина. Даже Джеймс Грувер затаил дыхание. Отец Грегос молча смотрел на Артура Фроста.

Наконец на лице священнослужителя отразилась все та же светлая улыбка.

— Как я уже говорил, неважно во что ты веришь. Вера — уже награда сама по себе, если тебе от нее легче. Бог не измеряется нашим возрастом, Артур. Не измеряется он и вероисповеданием. Аллах или Будда, Один или Тор... все едино. Я религиозный человек, но я как вы — человек. И все писания были написаны людьми. Разными людьми, со своей культурой и историей. Не стоит разбирать каждое слово, написанное в библии или в Коране. Там Бог лишь на бумаге, но в нашей душе, в нашем сердце... он олицетворяет нечто совсем иное. И об этом вы не прочитаете нигде. Я скажу вам об этом вновь: вы пытаетесь использовать библию, как главный аргумент. Но говорим мы далеко не о ней. Ведь Бог не в библии и даже не на небе, не в буквальном смысле. О, нет! — воскликнул отец Грегос, наблюдая за сменившимся выражением лиц зрителей, включая самого Артура Фроста. — Бог везде. Он в нас. Он среди нас. Бог — это мы. А мы — это Бог. И так было всегда. Вы можете не верить в Него, но Он верит в вас. И это не измерить никаким вашим законом или теоремой. Впрочем, этого и не нужно.

Теперь уже вторая половина аудитории, молчавшая до этого момента, взорвалась гулом аплодисментов. Выражение лица Артура Фроста на мгновение исказилось гримасой раздражения. Но, быстро взяв в себя в руки, астрофизик как показалось зрителям, довольно резко перебил движением руки ведущего, который только-только хотел было что-то произнести.

— Скажите честно, отец Грегос. Если бы вы узнали из библии о Боге, но не в детстве, а сейчас? Если бы я дал вам библию именно в этот момент, как скоро вы бы поверили во все то, что говорите сейчас? Ведь религия в наших умах с самого рождения. Разве это правильно? Раньше церковь с пеленок учила людей. Давайте вспомним: людей сжигали лишь на основе чьих-то домыслов о колдовстве! Человека можно было закидать камнями лишь потому, что он не верующий! Такой как я в то время был бы убит такими, как вы, отец Грегос. И чем это оправдывалось? Богом? К черту такого Бога. Это уже далеко не вера! Это действительное положение церкви! Так было! Это история! Этого не пишут в ваших писаниях. Но зато в то время писали кое-что другое! Индульгенция! Для таких вещей была индульгенция! Грехи можно было покупать! Покупать, черт возьми!

— Артур, Артур, ну, право, — вмешался ведущий, не позволив астрофизику на этот раз пресечь попытки заговорить другим. Таки или иначе эта резкость не отменила подбадривание публики наигранным смехом. Однако зрители были все еще крайне смущены речами Артура, что очень заметно выразилось на их лицах. — Вы перегибаете палку, наши дебаты были направлены в другое русло.

— Зачем вы здесь, Артур? — вдруг произнес отец Грегос. Этот вопрос, казалось бы, смутил сразу всю студию. — Зачем вы здесь... по-настоящему? У меня нет цели задеть вашу область познаний и вашу жизненную позицию. Почему же вы так стремитесь уничтожить мою? Неужели это ВАШ способ защищать свое положение? Все, что вы говорите... да, это было. Но это было в прошлом. Нынешнее положение вещей... оно ведь совсем не такое. Вы так отчаянно цепляетесь за прошлое, но... вот он я. Человек церкви. Нет, человек Бога двадцать первого века. При мне нет факелов, нет индульгенций. Мое оружие — это мои слова. Все что с нами сейчас происходит, так это просто разговор, Артур. Я вам не враг.

В этот момент весь зрительный зал увидел, как Артур Фрост закрывает свои глаза. Заметил он и то, как астрофизик наклоняет голову вниз, словно бы борясь со всеми мыслями разом, посетившими его голову.

Выдержав небольшую паузу, Джеймс Грувер осторожно подошел к Артуру Фросту.

— Артур?

— Понимаете, отец Грегос, — тихо произнес Артур, наконец вернув себе былое самообладание, — я вынужден защищаться лишь потому, что вы, вы везде. Вы приходите в школы и проповедуете свою религию. Более того, вы сидите в своих кабинетах и дошли до того, что на полном серьезе начинаете решать, какую именно литературу школьникам стоит читать, а какую нужно запретить. Это же ненормально. Я не прихожу в вашу церковь и не читаю труды Дарвина. Придет день, и мне стоит ожидать вас с вашими правилами в своем кабинете? Я лишь хочу, чтобы вы занимались своей религией в отведенном для вас месте и дали людям выбор. Религию и науку можно совмещать. Можно верить во что-то лучшее и не быть невежественным. Но тянуть одеяло на себя... разве это поступок Бога? Мне не нужно, чтобы кто-то диктовал мне, как жить, каким бы могущественным бы вы его не изображали. Я человек, и я свободен от рождения и до смерти. Вы правы лишь в одном, отец Грегос, Бог во мне, но лишь только потому, что я сам себе Бог.

Некоторое время святой отец обдумывал слова астрофизика в полной тишине. Даже Джеймс Грувер, человек, для которого рейтинги, скандалы и эпатаж были чуть ли не самым главным в карьере, наверное, впервые в жизни был по-настоящему заинтересован ответом священнослужителя.

— Мистер Фрост, — столь же тихо ответил отец Грегос. — Я всего лишь один из тысячи священнослужителей, и моя власть не так обширна, чтобы влезть хоть в какую-то сферу человеческой жизни. И слава Богу! Единственное место, куда могу влезть лично я — это человеческая душа. Я хочу, действительно хочу спасти людей. Не человечество. Но хотя бы одного человека. Сделать его не образованным, но сильным душой. И дело не в религии. Дело в силе духа. В простом разговоре между мною и человеком, который сам приходит ко мне лишь только потому, что не всем быть учеными. Нужны и такие люди, как мы. Вы не на того человека спускаете псов, мистер Фрост. Я не умаляю науку. Просто я отдал себя чему-то иному. Надеюсь, мы друг друга поняли.

— Да, надеюсь, — ответил Артур. Теперь в его голосе звучала лишь одна усталость. Артур Фрост понял, как сильно он хочет домой.

В полной тишине ни святой отец, ни астрофизик больше не смотрели друг на друга. Казалось, каждый из них находился в своих собственных мыслях.

Наконец, ведущий, придя в себя и осознав, что большего из данных дебат не высосешь, обратился к залу, натянув на себя самую фирменную улыбку. Со всей своей жизнерадостностью, которая только могла быть, Джеймс Грувер изрек следующее:

— А мы прерываемся на небольшую рекламную паузу! И помните — у медали две стороны.

***

Под нескончаемый и всеобщий гул аплодисментов по ту сторону телеэкрана, официант «Время ленча», посчитав данную передачу более ни для кого не интересной, быстрым движением руки переключил «Двуликую медаль» на более однозначный канал.

Корреспондент местного канала новостей еле слышно для человеческого слуха (чему послужила старая добрая телевизионная рябь) передавал сообщение, по обрывкам которого можно было понять примерно следующее:

— Штормовое предупреждение, передаваемое сегодняшним утром, начинает набирать обороты и становится серьезной угрозой для всех жителей. Мы не рекомендуем в ближайшее время выходить жителям из своих домов без крайней необходимости и садиться за какие-либо транспортные средст... будьте бдитель... некоторые дороги...

Последние слова окончательно и бесповоротно были поглощены ненасытной рябью ящика с картинками. Вестник, отведя свой взгляд от телевизора, вновь повернул голову к окну и устремил взор куда-то вдаль. За пределами «Время ленча» окружающая местность осыпалась дождем, который возник почти незаметно, но теперь набирал такие обороты, что его не заметил бы только слепой (и глухой тоже). Но Вестник смотрел еще дальше, сквозь дождь, туда, где человеческий взор бессильен. Туда, где было бессильно все.

Внезапно Вестник достал из наружного кармана пиджака нечто круглое и блестящее. Это были золотые часы на цепочке. Забавно, но, несмотря на тот факт, что Вестники, будучи созданиями иного мира, в руках которых имелась сила и власть, могли творить по-настоящему необъяснимые и даже совсем невероятные вещи, совсем не могли обойтись без такого аксессуара (рабочего инструмента), как простые часы. Вестник открыл золотую крышку и принялся пристально разглядывать каждую из стрелок под стеклом, внимательно

отслеживая их дальнейшее поведение. На самом деле Вестник, как это с ним бывает, смотрел вовсе не на стрелки, а сквозь них, вглядываясь во что-то совсем другое.

Помимо обычного времени на часах имелось отдельное маленькое окошко, находившееся под отметкой, указывающей на полдень. В этом окошке числа двигались сами по себе, сменяя одну цифру другой и, что удивительно, в этом не принимала участия ни одна стрелка. Но это было не все! Если обратить внимание на детали, то интересным был тот факт, что время двигалось в обратном порядке. А это говорило о том, что в конечном итоге все цифры приходили к отметке «ноль». И сейчас в этом маленьком окошке загадочные числа как раз забрали жизнь восьмой минуты и тут же начали свой отчет для приговора новой, седьмой минуты. Увы, но что могло произойти по истечению этого времени, кроме Вестника, не мог знать никто. Если бы кто-то имел хоть один шанс получить эту заветную информацию, то кто знает, что бы произошло в тот день?

Вестник еще на долю секунду задержал свой взгляд на часах, а после, положив их обратно вглубь своего пиджака, медленно встал и направился к выходу. По стеклу окон весело катались сотни дождевых капель. Шторм начинал приобретать настоящую угрозу. Закрыв за собой входную дверь, Вестник устремился в самую гущу водяного потока. Если бы в этот момент его заметил бы кто-то из оставшихся посетителей «Время ленча», то он был бы готов поклясться, что ни одна капля, по какой-то необъяснимой причине, не смогла упасть на "неприметного господина".

Вестник стоял на шестьдесят пятом шоссе и чего-то ждал. Периодически он вновь доставал часы, заглядывая в маленькое окошко. Наконец, часы показали, что последняя минута времени почти истекла. Вестник вновь (и уже в последний раз) спрятал свои часы и больше к ним не прикасался. Ливень огромной вуалью закрывал всю окружающую местность на сотни метров, создавая непроницаемую водяную стену. Однако это не помешало Вестнику неподвижно наблюдать за еще совсем невидимым объектом вдалеке. Вестник изредка приводил свои зрачки из неподвижного состояния в подвижное, давая понять, что объект, за которым он наблюдает, перемещался в пространстве. Но вот и последней минуте времени было суждено иссякнуть, после чего пейзаж, казалось бы, пришел в некоторое движение. Обычный человек не увидел бы разницы между тем, что произошло в 14:08 и тем, что закончилось в 14:09 по местному времени, однако услышать суть происходящего было возможно каждому.

Услышать, как автомобиль марки Ford Excursion,двигающийся до сих пор мирно и ровно, вылетел на встречную полосу. Услышать, как закрипели тормоза проезжающего в этот момент грузовика марки Мерседес Акторс, который внезапно для себя осознал, что взявшаяся из ниоткуда Форд, не замедляясь ни на секунду, приближается все ближе и ближе (и что это внезапное и вынужденное знакомство ему было абсолютно не по душе). Услышать, как в конечном итоге столкновение Акторса с Фордом превратилось в настоящую музыку для ушей того, кому по вкусу скрежет металла и запах смерти.

К удивлению, для самой себя, Кейси Диггенс, водитель Форда, почти не пострадала. Это было весьма удивительно, ведь учитывая габариты Акторса, Машина Кейси, вместе с ней самой, должна была превратиться в одну большую консервную банку буквально за считанные секунды. А потому, в рамках автомобильной катастрофы наличие пары гематом и кровоподтеков являлось, скорее, поощрением для Кейси, нежели непоправимым несчастьем. Могло быть и хуже. А вот от самого автомобиля Кейси Диггенс и правда мало что осталось, то есть почти ничего. Вся передняя часть автомобиля буквально гвоздем вбилась в Акторс,

протаранив капот и даже раму передних окон. К счастью для Кейси, как самый неодушевленный из присутствующих, ее автомобиль принял весь удар на себя. Сложно было сказать, какая именно его часть может этим похвастаться.

Водителю грузовика Акторс, Бобу Гаррисону, можно было бы встать вровень с Фордом по степени нанесенного ущерба, не сработай подушка безопасности в нужное время, которая оказалась весьма практичной. Кроме пары сломанных ребер и сотрясения мозга (это именно то, чем Боб Гаррисон был награжден в этой ужасной аварии) подушка безопасности сохранила все более или менее потрепанные временем и алкоголем органы своего водителя в целостности и сохранности. Такая подушка безопасности могла бы поклясться, что даже при самой жуткой аварии пара синяков — максимум, что вы могли бы получить. Иные неудобства, к которым можно было отнести возможность размозжения мозгов по всему салону, она отметала начисто. А то, что вы и без аварии находились не в самом лучшем состоянии, что ж... дерьмо случается. Сам Акторс, несмотря на свою массивность, конечно, не разбился всмятку, но двигатель его был разворочен вдоль и поперек. Бобу Гаррисону повезло, что он остался жив. Разбитая и погнутая рама отправила в полет тысячу стекол, некогда составлявших переднее стекло. Большинство из них просто обязаны были изрезать Боба и превратить его в решето. Еще бы чуть-чуть и...

К несчастью, в этой аварии имелся и третий пассажир. Макс Диггенс. Вестник наблюдал за тем, как Кейси, придя в себя от шока, предпринимала попытки расстегнуть ремень безопасности, одновременно оглядываясь на заднее сиденье и пытаясь своими криками привести своего сына Макса в чувства. Голова Кейси раскалывалась, но материнский крик заглушал этот неприятный звон в голове от аварии. Вестник наблюдал за тем, как Кейси безуспешно пыталась открыть заклинившую дверь, которая, к слову, заклиненной вовсе не была, но для человека, находившегося в шоке, любое действие давалось лишь со второй — третьей попытки. В ход пошли кулаки, бившие по лобовому стеклу, словно барабанные палочки, отбивающие определенный ритм. В конечном итоге, дверная ручка все же поддалась. Вестник беспристрастно смотрел, как Кейси вытаскивала Макса из автомобиля, довольно медленно, чтобы не повредить, возможно, уже искалеченный позвоночник, но настолько уверенно, чтобы не дать шанс другим травмам сгубить сына еще раньше.

Это был довольно хрупкий ребенок. Несмотря на то, что ему было уже восемь лет, выглядел он совсем крошечным. Его тонкое тельце дрожало, а футболка и шорты были заляпаны кровью. Волосы на затылке ребенка все больше становились влажными, и потому Кейси приходилось постоянно прижимать его затылок своей рукой все сильнее, дабы не дать крови вытечь окончательно.

Кейси было страшно. Она достала из кармана джинсов свой сотовый и начала судорожно набирать номер экстренной помощи, прикидывая возможные шансы ее прибытия в такой шторм. От того заключения, к которому она приходила, ей становилось только хуже. Пальцы то и дело промахивались мимо нужной кнопки. Кейси постоянно повторяла имя своего сына, который, несмотря ни на что отказывался приходить в чувства. В этот момент Вестник оказался около Кейси Диггенс. Теперь, материализовавшись в видимый облик, Вестник Смерти был видим для любого человека. Даже в критическом состоянии Кейси заметила его присутствие и от удивления выронила телефон, так и не набрав нужный номер. Встретившись с Кейси глазами, Вестник сделал пару шагов в ее направлении и остановился. Кейси Диггенс вцепилась в Вестника, как за спасательный канат и дрожащими губами

проговорила:

— Что...? Господи. Слава Богу, тут кто-то есть. Помогите, прошу... мой сын... у вас есть машина? Скажите, вы на машине? Моему сыну нужна помощь! — Мысли Кейси путались, а голова шла кругом на невысказанной скорости, казалось, она с хлопком вылетит из шеи. — У него кровь, пожалуйста... мой сын может умереть!

Ни один мускул на лице Вестника не дрогнул. Он смотрел на перепуганную до смерти женщину и не видел ничего, кроме больших и влажных зеленых глаз на ее лице. Глаз, из которых текли слезы. Слез, в которых боли было больше, чем если бы вас оглушили стальной битой по голове. Но для Вестника слезы были всего лишь водой, струящейся из глаз. Один короткий миг, и Вестник стал еще ближе к Максусу. Цвет лица мальчика почти совпадал с лицом надвигающегося на него воплощения самой смерти — бледного и не выражающего чувств. Кейси на миг успокоилась и посмотрела в глаза странного мужчины.

«Черные... как смерть», — подумала она.

Внезапно Кейси Диггенс все поняла. Это случается, даже если смерть пришла не за тобой. Иногда ее присутствие чувствуется так явно, что, кажется, будто ты и сам выпустишь весь дух, дав старухе с косою двойную прибыль. Руки Кейси сами по себе сжали тело мальчика в мертвой хватке. Вестник протянул руку в сторону Макса. В ужасе Кейси обнаружила, что кисть незнакомца была настолько костлявой, насколько может выглядеть кисть без мяса и кожи. От руки остался только скелет. Костяные пальцы потянулись в направлении Макса, становясь неестественно длинными. Тихий плач Кейси Диггенс превратился в настоящую истерику.

— Нет... уходи. Нет, он останется со мной! Вон, пошел вон! Ты не заберешь его у меня! Убирайся прочь! ЭТО МОЙ СЫН!!

Ее истошный крик постепенно переходил в нечто нечеловеческое. Все тело Кейси будто бы оцепенело. Казалось, она была бы не способна сдвинуться с места, даже если бы на нее сейчас летел огромный метеорит.

Кейси задыхалась от ярости, а потом перевела взгляд на Макса.

— Мой мальчик...

В этот момент пальцы Вестника почти касались груди Макса. Но внезапно крик Кейси стал тихим. Настолько тихим, что его вовсе не было слышно. Создавалось ощущение, что крик издавался здесь, но его звук был слышен где-то там, в другой далекой реальности. И там этот самый звук был способен сдвинуть целые горы. Может быть, где-то там, далеко-далеко, он и в самом деле их сдвинул...

Через мгновение между Вестником и Кейси возникла вспышка. Вестник никогда не видел подобной вспышки. Он видел взрывы самой различной мощности и самого огромного масштаба, но это было самым обычным делом и чаще всего приводило к очередным смертям. В такие дни Вестнику перепало значительное количество душ, ибо большие взрывы имели способность приводить к большим людским потерям, однако сейчас это было что-то совсем иное. Сияние заставило закрыть глаза даже самого Вестника Смерти, а когда он открыл их вновь, то вокруг из всех возможных звуков был слышен лишь все тот же шум дождя.

Макс Диггенс больше не подавал признаков жизни, и Кейси... еще мгновение назад переполненная энергией, внезапно утратила ее до самой последней капли. Два мертвых тела смотрели на Вестника своими пустыми глазами. Но Вестник больше не смотрел на них. Больше он не смотрел ни на что. Он лишь слушал. Слушал достаточно долго, пытаюсь понять,

откуда идет этот странный и никем не слышимый стук. Ответ его очень сильно удивил. Через несколько секунд Вестник просто побрел по дороге вдаль. Вдаль от этой жуткой аварии. Вдаль от этого запаха расплавленной резины. Вдаль от мертвых тел сына и матери. Вестник все шел и шел, пока не понял одну простую вещь: он совершенно не понимал, куда идет.

***

Авария на шестьдесят пятом шоссе не заставила долго ждать новых очевидцев. Секунду назад исчез один Вестник, и тут же материализовался другой представитель этой профессии. На этот раз это была женщина, удивительно похожая на предыдущего коллегу. Все тот же костюм-тройка и ничего не выражающий взгляд. Разве что ее волосы были длиннее, а формы тела округлее. Галстук же от костюма-тройки приобрел алый цвет. Вестница осмотрелась и опустилась на колени возле бездыханного тела мальчика.

Потом Вестница произнесла:

— Здравствуй, Макс.

К огромному удивлению, по всем признакам мертвое тело мальчика мгновенно отреагировало на незнакомый голос.

— Зд-здравствуйте. А где моя мама?

Глава 2: По ту сторону

Каково это, умирать?

На этот вопрос ответ знают лишь те, кто когда-либо проходил через это. А за всю историю существования жизни на земле таких людей собралось немало. По их костям мы ходим. Неважно, как много размазано асфальта поверх горы из скопившихся трупов. Суть остается неизменной. Копни чуть глубже, и ты непременно откопаешь чей-нибудь череп, но едва ли его обладатель скажет тебе «спасибо». Так или иначе, смерть — это покой, и относиться к этому надо с уважением. Остается лишь извиниться и зарыть все найденное обратно, бережно похлопав по земле ладонью, облегченно вздохнув и пожелав, некогда погребенному под землю, всего самого наилучшего. Подобная находка не покажет вам того, что вы действительно хотите увидеть. Потрепанная временем, землей и червями, она не ответит на единственный терзающий вас вопрос:

Каково это, умирать?

А, может быть, мы просто не можем застать правильный момент? Ведь люди умирают каждый день. Прискорбно, но это факт. Умирают самыми разными способами. Люди даже умудрились создать целую область познаний для выяснения данного процесса. Но, возможно, для познания этого мало иметь лишь мозг и абстрактное мышление? Возможно, в этом кроется что-то еще?

Каково это, умирать?

Кому-то суждено умирать в долгих мучениях. Кому-то в награду достается быстрая смерть. Иногда, проживая последние секунды своей жизни, с вами рядом будут находиться те, кто увидит, как душа покинет ваше тело. Кто увидит хоть что-то, пусть даже самую малость. Кто сможет почувствовать, как жизнь утекает из ваших рук.

Сквозь боль и бесконечную грусть это удавалось, конечно, не каждому. Но такие люди были. И все они говорили лишь об одном: «Взгляд. Посмотрите на взгляд этих бедолаг, и вы все поймете».

Взгляд, в котором окончательно погасла последняя искра. Глаза, которые словно покрылись толстым слоем стекла. В этот момент взгляд говорит о многом. В буквальном смысле он давит на вас так сильно, что даже дышать становится сложнее. Все, что вам хотелось в этот момент, — убежать прочь. Так продолжается до тех пор, пока не осознаешь всю суть происходящего. Пока не осознаешь, что человек, находившийся перед тобой, мертв.

***

Эрик Майлз был мертв. И как оказалось, это было совсем не больно. Должно быть подобное ощущение испытывал любой человек, хоть однажды упавший в обморок. Сознание покидает покидаешь оболочку быстрее пули и при падении об пол падает лишь твое опустошенное тело, не давая возможности отреагировать на падение ни единой нервной клетке твоего мозга. Мозг спит или по крайней мере занят чем-то более важным. Возможно он занят не надолго, а возможно навсегда. Так или иначе, для Эрика надежда вытащить себя из данного состояния стремительно скатывалась к нулю, а вскоре и вовсе была раздавлена в лепешку под колесами массивного грузовика. Это означало конец. Вот как это происходит.

Вот что такое смерть.

Вот что это значит — умирать.

Сначала повсюду виднелась лишь крошечная тьма. Эрик попытался набрать побольше воздуха в легкие, но, испытав странные ощущения при попытке сделать хоть один вдох, осознал весьма забавный факт. Дышать было попросту нечем. Не то, чтобы воздух перестал заполнять собой легкие Эрика, нет, просто в один момент исчезли сами легкие. Исчезло все вокруг. В какой то момент для Эрика перестала существовать сама потребность воздуха, хоть даже и в самых малых количествах.

Но вот уже через мгновение неведомая сила подхватила Эрика крепкой хваткой и, набирая скорость, попыталась вытолкнуть его из окружающего мрака в пучину света. А свет, и правда, имел место быть. Более того, с каждой секундой он занимал все больше места, разгоняя окружающую тьму так, как дикий пес гоняет по двору стаю бездомных кошек.

Инстинктивно, почти окунувшись в это огромное облако света, Эрик попытался зажмурить глаза, но приближающийся свет не потерял от этого часть своих свойств, как обычно бывает, стоит только заставить веки силой мыслей опуститься. Наоборот, Эрик Майлз отчетливо понимал, что ни закрытые глаза, ни даже ладони, прикрывающие его лицо, нисколько не способствуют сгущению красок в более темные тона. Наконец, движение остановилось. Раскрыв глаза, Эрик увидел ту самую улицу, на которой находился каких-то пятнадцать минут назад и то самое жилое здание позади, ставшее его плахой. Но если Эрик и был удивлен чему-либо, то лишь одному.

В этом мире не изменилось абсолютно ничего из того, что было в мире, который сам Эрик покинул буквально несколько секунд назад. Его глаза смотрели на все то же небо с нежно проплывающими облаками и порхающими птицами где-то там, далеко. Солнце светило все так же ярко. Внизу гул машин хоть и стал немного громче, но это были все те же машины, что и раньше — на четырех колесах и с водителем внутри в придачу. Единственное различие, которое ощущалось визуально и, словно бы будоражило все тело, заключалось в... серости. Она была повсюду. Все, что теперь окружало Эрика, было той же самой картиной мира, какую он видел всю свою жизнь. Однако автора ЭТОЙ версии окружающего пейзажа словно бы ограничили в финансах. А потому, позволить себе купить краски, которыми можно было бы придать обстановке жизнь, оказалось невозможным.

Почуввав некое движение вокруг себя, Эрик огляделся. Образовавшаяся толпа людей, скопилась там, где он стоял. Проследив за тем, на что именно были уставлены взгляды зевак, Эрику стало крайне неловко. Толпа, как оказалось, окружала его собственное тело.

Эрик отметил, что, честно говоря, выглядел он паршиво. Даже его лучшая рубашка не спасала положение дел. В голове Эрика возникли десятки фрагментов из криминальных новостей вперемешку с просмотренными им за всю жизнь фильмами ужасов, но ничего похожего с реальностью он так и не отметил. Он, конечно, знал, что кровь и открытые переломы — это нечто вроде традиции при падении с высоты в сотни метров, но ему казалось, что выглядеть при этом, словно до падения тебя кто-то переварил в желудке, было вовсе не обязательно. Определенно, смерть на экранах была привлекательнее (если, конечно, транслируемые передачи не шли после полуночи).

Внезапно Эрик испугался собственного тела. Изуродованное и окровавленное, лицо трупа, который некогда являлся Эриком Майлзом смотрело своими широко открытыми глазами на чистое и светлое небо. Рот Эрика был слегка приоткрыт и из него, как и из глаз,

стекали небольшие струйки крови. Вся остальная часть лица представляла собой огромное месиво из плоти и мяса. Инстинктивно призрак Эрика прикоснулся к своему астральному лицу, словно хотел проверить, все ли в порядке с его призрачной оболочкой. На удивлении лицо Эрика казалось ему осязаемым и более чем живым. Даже больше, чем при жизни.

"Если сейчас мое тело сейчас вдруг повернется ко мне и подмигнет, думаю я вполне смогу умереть второй раз от инфаркта — со вздохом подумал Эрик"

Однако до конца виду так и не было понятно, тело ли это Эрика Майлза, мужчины, которому внешне можно (при данных обстоятельствах уже нельзя) было дать около тридцати лет (Эрику было двадцать девять) и который при жизни имел недурную внешность, хотя с разможённной головой этому не поверили бы ни проходящие мимо зеваки, ни даже он сам. Кто-то из толпы прохожих уводил рядом стоявших детей. По выражению их лиц нельзя было сказать, кому из них была противна данная картина, а кому наоборот. Кто-то говорил по телефону с операторами скорой помощи, и почему-то эта забота была Эрику чертовски приятна. А кто-то и вовсе только и делал, что кричал, ища в панике поддержку у других прохожих, но так ее и не найдя, принимался судорожно глотать воздух и беззвучно указывать пальцем на тело мертвеца.

"Да уж, массовка что надо — подумал Эрик, оглядывая столпившихся зевак"

Среди всех этих людей было что-то общее и Эрик не мог этого не заметить. Что-то, что никогда не объединяло их и вот сейчас словно бы разлетелось на осколки, задев всех и каждого, оставив при этом в их умах и сердцах нестираемый след реальности. А реальность была очень проста — все мы смертны. Криминальные новости отлично способствуют подтверждению этого факта. Мы знаем о смерти немного, но мы точно знаем, что она ждет всех без исключений. Но одно дело знать и совсем другое видеть. Не на экранах телевизора, не из разговоров по радиоволнам. Нет, видеть смерть своими собственными глазами. Ощущать ауру смерти бешено бьющимся сердцем и дрожью всего тела — вот это и есть настоящая реальность того, что смертно. У каждого есть свой срок годности. Однако доживешь ли ты до него сам или же тебя сломают обстоятельства раньше этого времени... кто знает?

В умах каждого смерть, это то, что ждет нас у нашей кровати среди кучи родственников, когда мы будем стары и немощны настолько, что даже кислород будет поступать в наши легкие с неохотой и чертовски сложными маневрами. И конечно же кто-то принесет тебе стакан воды. Картина идеального ухода из жизни была бы просто невообразимой без этой детали и об этом знал каждый уважающий себя человек, одна нога которого уже была в могиле.

А если нет? А что если, возвращаясь с работы прямиком в свою обитель, где тебя ждет любящая жена с горячим ужином и весело играющие друг с другом дети, ты увидишь, как чье-то тело разбивается в лепешку об асфальт прямо перед тобой? Молодое и здоровое тело, которое, вероятно, и не думало знакомиться с асфальтом НАСТОЛЬКО близко. Что тогда? Какой смерть будет для этого работяги теперь? Более реальной? Внезапной? Или же в голове пронесется еще одна мысль, которая не уступает и другим и будет звучать примерно: «Черт! Да на нем же живого места нет! Черт возьми! Он, должно быть, поскользнулся с окна. Раз, и нет тебя... а ведь это мог быть и я сам. А будь я на метр ближе, так и вовсе бы оба... очоурились». Что самое удивительное — так все бы и произошло.

Возможно, такой и будет смерть кого-то из зевак, окруживших тело Эрика подобно пчелам, слетевшимся на цветок. Возможно, мысль: «Да, умирают все вокруг, но сегодня это

буду точно не я» улетучится из головы многих стоящих здесь, на этом самом месте. Подобные мысли уже начали зарождаться в толпе, а в ком-то уже приносили свои плоды.

Вдали слышались сирены скорой помощи. По ходу того, как ее звон становился все ближе, Эрик все больше уделял внимание рассмотрению окружающей обстановки. Он старался сосредоточиться на конкретных предметах, которые уже начали становиться частью зародившегося в его голове эксперимента. Первым делом Эрик решил, что будет неплохо развеять или подтвердить миф о том, что после смерти вещи и предметы становятся для тебя менее осязаемыми, чем при жизни. Наверное, со стороны он походил на любопытного ребенка, но сегодня это было вполне естественно. Сегодня ни один человек в мире не смог бы раскритиковать его действия. Эрик и сам не до конца понимал, почему он так спокоен. Возможно, это было следствие шока, но шок — это то, что возникает в человеческом мозге. А глядя на то, что осталось от мозгов собственной головы, Эрик понимал — его мозг знал лучшие дни. Сейчас он походил на разлитый смузи, если уж на то пошло. Но так или иначе, давно смирившись с нежеланием жить, такой поворот событий на деле лишь добавил Эрику умиротворения. Все-таки он сделал это. Он умер.

Подойдя к первой ближайшей застеклённой витрине жилого дома, откуда он совершил красивый (он очень на это надеялся) прыжок, Эрик медленно и аккуратно провел по ней своими пальцами, словно боялся, что в какой-то момент витрина воспламенится и с ревом набросится на него. Сразу же про себя Эрик отметил следующее: рука не провалилась сквозь стекло, а значит, современные представления о приведениях и полтергейстах могли с чистой душой закопать себя заживо и поставить над всем этим огромный крест. Проводя по стеклу снова и снова, Эрик внезапно поймал себя на мысли, что он выглядит как кот, скребущийся мохнатой лапой об входную дверь и требующий, чтобы хозяева запустили бедолагу в дом. Со стороны подобное действие кажется до невозможности глупым.

"Будь тут рядом ассоциация мертвых людей, меня бы засмеяли на ровном месте"

Эрик попытался проделать тот же трюк с фонарным столбом, но кроме перемещения от одной локации в другую ничего не поменялось. Совсем ничего. Но окружающие люди все проходили и проходили мимо Эрика, и тот окончательно отметил, что сохранив свою телесность, как и любое привидение, он стал абсолютно невидимым. Или Эрик просто очутился в другом мире? Недоступном для человека, но не менее реальном? Ему предстояло выяснить хоть что-то из всего этого.

Эрик знал, что на свете есть люди с врожденным недоразвитием вкусовых рецепторов. Для подобных людей различие в сосисках и клубнике могли быть лишь в размере и цвете. Эти люди, к своему огромному сожалению, знали, что сосиски и клубника — совершенно разные (и что намного важнее) приятные на вкус. Сейчас Эрик ощущал себя как раз таким рецептором. Огромным больным рецептором.

За все это время, что Эрик предавался взаимодействию с новым для него миром, он успел пропустить некоторые события. В частности то, как медики скорой помощи забрали его тело. Эрику, к слову, это было не особо интересно. Эти парни знали свое дело и уж точно умели обращаться с мертвыми телами. А даже если и нет, что с того? Вряд ли остатки тела Эрика Майлза впустили б его в свою обитель снова, дав второй шанс со словами: «Больше так не делай, чувак. Это было, конечно, круто, но второго такого раза мы не переживем». Да и думать о том, что у Эрика было желание возвращаться в ТАКОЕ тело, было бы чересчур... оптимистичным. Все, что сейчас имело смысл, так это... что делать дальше? Если честно, то Эрик рассчитывал, что после смерти произойдет что-то еще. Хоть что-то. Он все еще не на

небесах, да и в адском котле вроде бы не успел свариться (Эрик искренне надеялся, что и не успеет вовсе). Но если это один из тех случаев, когда душа человека приковывается к месту своей гибели без возможности каких-либо передвижений, то Эрик крупно пожалел о своем выборе. Упасть с крыши какого-нибудь трактира или кабака было бы куда более приятной идеей. Все же там и люди повеселее, да и вообще... там явно было бы на что посмотреть.

Внезапно Эрик ощутил на себе чей-то взгляд. Владелец этого взгляда не был столь серым и безжизненным, как все вокруг. Все было куда проще. Вместо привычной серости перед Эриком, немного вдали, находилось наибледнейшее тело, скрывающееся под наичернейшими одеждами. Мысленно Эрик назвал это «тело» Далматинцем. Человек, стоявший около расходящейся толпы, которая поняла, что представление окончено и вряд ли кто-то проделает подобный трюк на бис, смотрел на Эрика потерянными глазами, который, тем не менее, сумел сохранить свою хладнокровность. Немного погодя незнакомец направился в сторону Эрика. В этот момент из всех возможных мыслей, Эрику, однако, пришла в голову лишь одна: «Хм, а ведь у этого парня неплохой костюм».

Глава 3: Выживший

Глава 3: Выживший

Очнувшись, Боб Гаррисон ощутил резкий запах дыма. Если быть более точным, он ощутил резкий запах дыма, окутавший весь салон грузовика и даже затронувший небольшую область вокруг него. Дым въедался в нос, словно нашатырь. Все больше и больше. В конечном итоге, человек по имени Боб Гаррисон окончательно вышел из бессознательного состояния. И тут же об этом пожалел. Звенящая боль в голове распространилась по всему черепу. Горячая кровь, стекающая по лицу, перебивала едкий запах дыма своим металлическим привкусом, но, чуя опасность, Боб все же сделал над собой усилие и попытался открыть глаза и даже пошевелить ими. Как и предполагалось, без последствий не обошлось. Черепную коробку Боба словно бы колотила стая дятлов, которым в дополнение к клюву посчитали обязательным вручить по самой мощной и шумной миниатюрной дрели (или совсем не миниатюрной).

Неуклюже протерев свои глаза, Боб заметил, что его одежда и часть салона были заляпаны мелкими пятнами крови. Осколки стекла так же заполняли всю часть переднего салона, создавая дополнительные препятствия для любых телодвижений Боба. Некоторые из них таки задели Боба и, мелкие, но все же чертовски болезненные порезы, давали о себе знать при первой же возможности. С трудом шея Боба, а затем и голова начали брать курс в сторону бокового стекла. Оно было наиболее целой составляющей среди прочего хаоса и разрухи. На дороге среди осколков и оторванных кусков не так давно столкнувшихся автомобилей Боб увидел два неподвижно лежащих тела. Горящий багажник грузовика не давал увидеть полную картину происходящего, но почему-то, ощутив холод по всему телу, инстинкт Боба Гаррисона дал четкие сведения по поводу состояния лежащих. Два неподвижных тела были мертвы. Другой причины продолжать лежать возле огня и пролитого бензина Боб не видел. Как же это вышло?

Через дикие боли, в голове Боба медленно, но верно начали двигаться маленькие шестеренки. Пара из них была слегка поломана, а потому весь механизм в целом работал не так быстро и свою активность проявлял через раз, а то и реже, но в конечном итоге все более или менее начало двигаться синхронно. Боб стал припоминать: сильный ливень, пятая чашка кофе, свисающие мешки под глазами, как следствие двухдневного недосыпания, и резкая вспышка фар, метнувшаяся прямо на его грузовик, словно обезумевшая.

«Несчастный случай», — вот первая мысль, пришедшая на ум Боба. Это было заключение, а не просто возможный вариант событий. В дальнейшем, после проведенного расследования, эксперты с точностью до мелочей согласятся с тем, что эта трагическая автокатастрофа произошла, увы, из-за роковой случайности.

Из-за неисправности тормозов владелица Ford Excursion Кейси Диггенс не справилась с управлением и, выехав на встречную полосу, столкнулась с движущимся на встречу грузовиком Мерседес Акторс. В тот день Кейси опаздывала на день рождения своего племянника. По такому событию, вечно скромная и не признающая ничего, кроме строгих длинных юбок Кейси, позволила себе одеть молодежные и неформальные джинсы и даже пару украшений. Этот день должен был быть одним из тех, который люди устраивают себе, чтобы выпустить себе свое второе "я". Чтобы хотя бы на один день стать не настоящим, но...

другим. Сменить замкнутость на открытость. Сдержанность на безрассудство. Возможно, если бы Кейси и ее сын Макс выехали раньше, этого бы не произошло. Возможно, если бы они ехали с ограниченной скоростью, этого бы не произошло. Возможно, если бы хоть что-то в этом чертовом мире пошло бы не так, как оно шло, многого бы не случилось. Многого бы удалось избежать. Но все случилось так, как случилось. Или, по крайней мере, так, как должно было случиться. Это случилось, и говорить тут не о чем.

Не это ли называется судьбой? Той самой, которой противится большинство людей и лишь единицы признают — все предрешиено. Ведь если бы можно было что-то изменить, то это давно было бы сделано, разве нет? Да, конечно, любые наши действия способны выбирать лишь мы и никто другой. Но значит ли это, что о нашем выборе заведомо неизвестно кому-либо еще? Тому, кто неосознанно для нас уже проделал весь наш жизненный путь на своем огромном полотне и уже успел выписать на нем итог того, к чему, в конечном счете, придет каждый. Ведь троп по жизни великое множество, ступай куда хочешь, но так или иначе ты пойдешь лишь по одному маршруту, и о том, каков будет твой выбор, просто знают чуть раньше, нежели ты сам. Ни больше и не меньше. Кто-то назовет судьбу самой последней стервой за то, что если она что-то и знала, то почему-то промолчала, и, несомненно, это ее не красит. Но на то она и существует — судьба. И предъявить ей совсем нечего. По крайней мере, Кейси и Макс Диггенс точно нечего.

Позже эти мысли посещали Боба Гаррисона не раз и были единственными от пути аварии до больницы. Но тогда, находясь в своем грузовике, Боб понимал, что любая мысль может прийти только если ты жив (и желательно можешь стоять на своих ногах или, на худой конец, сидеть на своей заднице).

«Нужно срочно выбираться отсюда, — с этих мыслей Боб и начал свой мыслительный процесс. — Акторс может разлететься на части в любую минуту».

И это был правдой. Не смотря на то, что из всей части грузового автомобиля пострадал по большей части аккумулятор, но именно его повреждение могло стать роковым. Пара капель бензина или случайная искра и... Боб, еще раз оглядевшись вокруг, схватил свою бейсболку на соседнем сидении (предварительно стряхнув с нее и с себя оставшиеся осколки стекла) и, сжав ее покрепче в своем кулаке, решительно попытался выбраться наружу. Но предприняв первые попытки покинуть свой грузовик, Боб ощутил дикую боль в ребрах. Сломаны. Боб резко почувствовал нехватку воздуха и попытался успокоиться. Паника сейчас могла стать для него смертельной. Даже большей, чем разгорающийся бампер, крыша и все остальные составляющие грузовика. Мысленно досчитав до десяти и почувствовав себя немного лучше, Боб попытался освободить свои ноги, которые были намертво вжаты в корпус салона. После некоторых усилий, наконец, освободившись и буквально вывалившись из своего грузовика, Боб отполз от места автокатастрофы напрямик к краю дороги. Не смотря на весь ужас происходящего, Боб издал смешок. Вот он, уже давно не мальчик, виляет своим толстым задом на четвереньках, маневрируя из стороны в сторону.

"Да уж — подумал Боб — не так я представлял свою жизнь после сорока"

Внезапно Боб понял, что буквально вгрызается пальцами об асфальт. Осознание этого вызвала дикую боль в ладонях, которые уже успели оставить на асфальте свежие пятна крови. Боб попытался встать, но попытка подняться на ноги наградила его лишь еще большей болью по всему телу и расплывающимися пейзажами в глазах.

Тем временем ливень начал утихать, а связь экстренной помощи должна была ловить даже в подобные погодные условия. Уж в этом Боб Гаррисон был уверен. Потому как если не

верить в свое собственное спасение, стоит ли верить во что-либо?

Вера Боба не подвела. Набрав нужный номер и вкратце пересказав всю ситуацию, запинаясь и делая паузы из-за нехватки воздуха, Боб сделал то, что от него потребовали на том конце провода и то, что он прекрасно понимал сам. От Боба Гаррисона требовалось лишь одно — ждать.

Так как кроме этого перспективных дел не намечалось, он чертовски хорошо справлялся со своим заданием. Алая кровь стекала по голове маленьким ручьем (хоть и гораздо в меньших количествах, чем ранее). Для Боба эта струящаяся кровь представляла не столько опасность, сколько дискомфорт. Вытирая разодранными ладонями щеки и лоб каждый раз, когда на них попадала очередная алая капля, Боб даже подумывал вернуться назад за аптечкой, но при виде языков пламени, окутавших капот его Актора, желание резко поубавилось.

"Должно быть капли бензина попали на горячий блок... черт"

Тогда Боб оторвал кусок и без того порванной футболки и сделал то, что отдаленно (на расстоянии в километр с выбитым глазом и подвыпившим состоянием) можно было назвать повязкой.

Боб еще раз посмотрел на два бездыханных тела и, достав из заднего кармана джинсов сигарету, просто закурил. Да-да, именно так. Странно, но, несмотря на то, что каждая часть тела Боба Гаррисона отзывалась болью, а футболка вместе с джинсами походила на тряпки от тряпок, такие предметы как коробок спичек и мятая пачка сигарет остались в полной сохранности и сейчас как нельзя лучше заменили болеутоляющее.

Кто-то мог назвать душевное состояние Боба бесчеловечным. Кто-то бы точно сказал: «А ведь эти бедолаги могут быть еще живы. Возможно, им нужна помощь. Но он даже не удосужился проверить». Кто-то бы встал на сторону Боба, списывая все на шокое состояние. А кто-то и вовсе, смотря на этих «рассуждающих», махнул бы рукой и сказал что-то вроде: «Такова жизнь». В целом данные суждения пресекаются лишь тогда, когда из теории эти всезнайки переходят к практике. А как показывает практика, если ты не наложил в штаны от стресса сразу, то это уже неплохой результат. Плохо лишь состояние самих штанов.

Боб Гаррисон не был жестоким человеком и не был бессердечным чурбаном. Но у него имелась борода, и даже в хорошее настроение его взгляд был слишком суровым. Взгляд был вечно прикрыт бейсболкой, и на своей памяти Боб не мог вспомнить никого, кто бы так просто решил заглянуть под нее.

При определенных обстоятельствах каждый человек, глядя на менее везучего представителя своего рода, может сделать свои заключения. Заключения о том, является ли лежащий перед ним человек умершим или же у него попросту ужасная поза и выражение лица спящего. Умение определять подобные вещи есть в каждом из нас. Оно зарыто где-то в глубине души. Просто в определенный момент ты все понимаешь, и этого достаточно. Ничего больше. Так и Боб Гаррисон понимал, что эти бедолаги, увы, уже никогда не смогут проснуться, они мертвы. А Боб жив, и потому он старался остаться живым хотя бы до приезда экстренной помощи. Предаться скорби он может и после, а если случится так, что и он окачурится на месте, кому от этого станет легче?

Но одно Боб Гаррисон все же утаить не смог. Ведь как бы сильно он не пытался выглядеть невозмутимым, однако, его собственные руки выдавали его, как ничто другое. Руки, бающиеся в нескончаемой дрожи.

Взгляд Кейси и Макса Диггенс был присущ всем ушедшим из этого мира — стеклянным. Но между двумя людьми было различие в выражении лица. Удивительно, спокойное и умиротворенное лицо мальчика никак не сочеталось с искаженной злобой и пылающим яростью выражением лица его матери. Внезапно по телу Боба пробежал холодок, перерастающий в самый настоящий холод. Могильный холод...

Глава 4: Новое начало

Глава 4: Начало пути

Чем ближе становился силуэт незнакомца(или как обозвал его сам Эрик — Далматинца), тем с большей серьезностью Эрик осознавал значимость этой встречи на своем новом этапе существования. Одно дело, когда случайные прохожие натываются на тебя при жизни, когда ты все еще состоишь из мяса и костей (желательно, чтобы ко всему этому прилагались хотя бы пару граммов мозгов). Простые встречи одного человека с другим, ни больше, ни меньше. Такие люди обычно спрашивают дорогу или интересуются «который час?». Не пройдет и пары секунд, и вы снова остаетесь в одиночестве, посреди огромного мира, и будьте уверены — увидеть повстречавшихся вам людей в тот или иной день вновь вам едва ли удастся. Но вы не задумываетесь об этом, как и не задумываетесь над тем, почему, чихая, ваши глаза всегда остаются закрыты (как бы сильно многим того ни хотелось, но лучше даже не пытаться их раскрыть, дабы сохранить глазные яблоки там, где им самое место). Такие вещи — показатель мирового порядка.

И это нормально.

Наверное, также нормально, как если бы и после вашей смерти единственные люди, которые могли бы с вами взаимодействовать, были бы те, кто мертв настолько же явно, как и вы сами. То есть на все сто процентов, а может даже и больше (этот показатель работает в зависимости от УДИВИТЕЛЬНЫХ обстоятельствах, при которых состоялась ваша кончина) Под водой окуню не суждено встретить проплывающего мимо орла, а альбатрос не пролетит на высоте в пару сотен метров над порхающим около него спрутом. Свое место есть, безусловно, для каждого.

И это нормально.

Но иногда мир играет с нами злую шутку, и вот, внезапно, окунь разгоняется до такой немислимой скорости, что море попросту выбрасывает его ракетой прямоком ввысь, к звездам, а альбатрос, испытав глубочайшее чувство жажды, пикирует на самые большие глубины океана. И тогда, в момент взлета рыбы и падения птицы, их миры на мгновение пересекаются. И это ощущение меняет в жизни все.

Примерно так Эрик ощущал мир вокруг себя в данный момент. Он точно знал, что уже не жив, но почему-то с уверенностью мог сказать, что идущий ему навстречу человек был еще не мертв. Так или иначе, если на твою персону обращает внимание кто-то при ПОДОБНЫХ обстоятельствах, то это верный знак того, что этот самый случайный (или скорее всего, НЕслучайный) прохожий не так прост. А если быть точнее, то весьма сложен и заковырист. Ведь нельзя попасть в мир мертвых просто так, каким-то обходным путем? (На самом деле теоретически это вполне возможно, но для этого нужно обладать невероятным топографическим кретинизмом).

Когда силуэт Далматинца приобрел отчетливые очертания, Эрику показалось, что незнакомец не так уж сильно отличается от него самого (по крайней мере, анатомически), и лишь бездонная чернота его глаз вызвала некое беспокойство внутри. На самом деле в глазах Вестника Смерти отражалась растерянность, постепенно сменявшаяся смущением и полным непониманием того, что происходит. Эрику на мгновение стало легче. В конце концов, что он знает об этом мире? Возможно, несмотря на внутренние ощущения, это и

есть здешняя норма? Может быть, здесь лишь один человек ненормален и это человек — Эрик Майлз?

Остановившись перед Эриком, Вестник попытался воспроизвести своими губами какое-то движение. В итоге получилось нечто невнятное. Обычно с таким выражением собираются произносить какую-нибудь важную речь, но при этом перед этим не стесняются довольно открыто прокручивать в голове нужные слова. В итоге получается немного неловкая и даже комичная пауза.

Сам же Эрик смиренно ждал, периодически отвлекаясь от Вестника Смерти и разглядывая пейзаж за его спиной, словно ожидая увидеть кого-то еще.

"Интересно, что же скажет мне этот Далматинец — думал Эрик, пока Вестник Смерти выбирал нужные слова, беззвучно шевеля губами — может он хочет сообщить мне, что я за сегодня я стал тысячным мертвецом и мне в награду положена "Кровавая Мэри"? Хотя я никогда не любил водку. Вот если бы он предложил мне мохито..."

Наконец, после некоторых усилий, вступив в полное взаимопонимание со своим языком, Вестник произнес:

— Здравствуйте, мистер Майлз.

Не самое плохое начало. По крайней мере, можно смело сказать, что для Эрика первый контакт с представителем этого (или другого) мира прошел довольно безболезненно.

«Этот Далматинец и правда странный. Но он решил, что поздороваться будет уместнее, чем наброситься на меня и вцепиться мне в глотку. Это не может не радовать. Значит у здешних манеры все же на первом месте.», — подумал Эрик, но бдительности, однако, не убавил.

Не зная, чего можно было ожидать, Эрик старался извлекать максимально полезную информацию из всего, что видел, слышал и чувствовал. На данный момент обработанная информация говорила о том, что Далматинец, очевидно, пришел по его душу и... что хорошие манеры существуют даже после смерти. Прокручивая в голове события происходящего, Эрик, немного заторможено сумел выдавить из себя что-то в ответ. Вышло не столь обходительное приветствие, лишь самое глупое, но в то же время был задан самый важный вопрос, который его интересовал в данный момент:

— Да... конечно. Простите, я так понимаю, я умер? — После чего Эрик посчитал нужным добавить: — Ну... по-настоящему умер? Видите ли, тут недавно только что увезли мой размаженный труп и...

— Да, — прервал Эрика Вестник таким тоном, словно вопросы собеседника напротив ему задавали по несколько сотен раз на дню (что соответствовало действительности), — вы мертвы и мертвое уже не станете.

— Что ж — заключил Эрик — значит все вышло как нельзя лучше.

Оглядевшись, Вестник Смерти начал оглядывать ту часть улицы, откуда он явился по душу Эрика Майлза. Вновь повернувшись к своему собеседнику, Вестник Смерти посмотрел в глаза Эрика, после чего произнес:

— Не составите ли мне компанию?

«Так, — подумал Эрик, чувствуя, как его клетки мозга возбуждаются все сильнее и сильнее, — а вот это уже интересно».

— Эмм, конечно — произнес он вслух — Знаете, я слышал у вас тут есть хорошее местечко. Ну знаете, с облаками, арфами и ужасно счастливыми людьми. Есть конечно и другое местно, но о нем отзываются не так лестно. Так куда пойдём?

В ответ Вестник снова переместил свой взгляд с Эрика в глубь улицы, что была позади и выжидающе смотрел в самую даль горизонта.

— Пока, полагаю, прямо — наконец произнес Вестник.

Эрик подумал, что эта ситуация не была слишком уж плохой. Он мертв, а хуже смерти уже ничего не будет (однако мысли о варке в котле его все еще не покинули). И если этот Далматинец предлагает простую прогулку, то будет не лучшим решением отказать первому, кого Эрик встретил в этом мире и с гордо поднятой головой удалиться в неизвестном направлении. Вопросы «как долго идти?» и «зачем?» улетучились из его головы. Но при этом Эрика не могло покинуть ощущение, что его спутник ощущает себя словно не в своей тарелке. Словно он так же, как и Эрик не до конца уверен в том, что происходит.

Между тем, Вестник Смерти действительно нервничал. В данный момент он ДУМАЛ, это было настоящей проблемой, поскольку наличие мыслительных процессов у Вестников Смерти являлось непозволительной роскошью. Каких-либо запретов думать не существовало, просто это было НЕПРАВИЛЬНО. От дверной ручки никто не станет ожидать, что та в один момент сможет вычислить квадратный корень из двадцати пяти, или, скажем, подсказать хозяину квартиры, где он на этот раз оставил свои ключи от дома. Так же было и с Вестниками Смерти. Они просто не могли думать. Они этого и не делали, ведь мысли могли помешать выполнять работу, а Смерть этого бы не одобрила.

Существование самой Смерти имеет очень старые корни. Если попытаться их распутать, то ими можно было бы обернуть землю столько раз, что голова пошла бы кругом (пока не открутилась бы от вашей шеи и не покатила бы в долгое и веселое путешествие). Все знают, что Смерть зародилась тогда, когда появилась первая Жизнь, иначе никак не могло бы быть. Спрос рождает предложение. Когда родилась Жизнь, "старуха с косой" приступила к своим обязанностям (К слову, данное изречение в этой ситуации слегка не верно. На самом деле Смерть была далеко не старухой, а молодой и СМЕРТЕЛЬН(О) очаровательной девушкой). Именно тогда она обрела свою форму, цвет и даже запах. Без появления Жизни она была всего лишь размытой и неоформленной сущностью, витавшей в просторах бескрайней вселенной. Она была всем и одновременно ничем. Но потом все изменилось — появилась та Жизнь, которую мы привыкли видеть. НАША Жизнь.

Сперва Жизни было не так много, но постепенно она расширялась, заполняя собой все вокруг, и с этим нужно было что-то делать. Поначалу Жизнь была не так разумна, и особых сложностей не возникало. Единственной сложностью в существовании простейшей бактерии был поиск ответа на вопрос: «Что все-таки могло бы быть сложного в ее существовании?»

Постепенно Жизнь начала приобретать разум и даже научилась осознавать сам факт своего существования. Тогда-то все и началось. Жизнь людей была ценнее жизни простого мотылька. Жизнь — это неограниченное плодородное поле. Отличие было лишь в том — кто, как и чем сможет его засеять, и что из этого выйдет в конечном итоге. В жизненном земледелии преобладала человеческая раса. Люди начали понимать, что нужно воспроизвести как можно больше других людей. Разных людей. Но приходила Смерть: одни люди просто засыпали, а другие понимали, что засыпают навсегда.

Отношение к Смерти у людей было самое разнообразное. Это привлекло Смерть. В определенный момент она осознала, что наблюдать за людьми при жизни куда интереснее, чем при их смерти. Зачем приходить к людям под конец представления, когда можно успеть на самую главную часть всего процесса? Так и появились слуги самой Смерти. Ловцы Душ.

Жнецы. Вестники Смерти. Казалось бы, их обязанности были просты и понятны для каждого. Но теперь что-то пошло не так. Вопросов было слишком много.

Что Вестник здесь делает? Конечно, он знал, это была его непосредственная работа, но... Вестник никак не мог вспомнить, как ИМЕННО он оказался здесь. Почему Вестник не забрал душу того мальчика у шоссе? Очевидно, это не составляло большой проблемы. Так или иначе, на замену одному Вестнику придет кто-то другой и закончит его работу. Души не должны разгуливать по миру живых. Но что эта была за вспышка? Неужели это была ТА САМАЯ вспышка? И что делать с той женщиной? Женщина, несомненно, была угрозой всему. Она заставила Вестника думать! Почему он думает об этом? Почему он вообще думает хоть о чем-то? И почему в его груди все еще что-то бешено колотится?

Пока Вестник осознавал все причуды наличия собственных чувств и мыслей, Эрик старался спокойно держаться в этой атмосфере тишины и неловкости. Попутно он принялся заниматься своим уже полюбившимся делом — рассмотрением окружающего.

Эрик и Вестник шли по главной улице города. Это напомнило Эрику постапокалиптическую картину из кинофильмов. Огромный пустой город с растущими деревьями и машинами на парковках, еще не до конца заполненные мусорные баки и газеты у порогов домов. Но главным фактором была нескончаемая гнетущая пустота. Ряды домов и деревьев с каждым шагом начинали редеть все сильнее. Люди и вовсе пропали с поля зрения, словно провалились под землю. В конце пути на горизонте уже перестало проглядываться хоть что-либо. Слово огромный серый туман поселился впереди, закрывая видимый глазу простор. Постепенно начали пропадать и звуки. Еще один миг, и вот уже туман окутывал Эрика, его спутника и все вокруг. Вдруг все перестало существовать (по крайней мере, в зоне видимости, что все равно не внушало спокойствия).

Чтобы окончательно не сойти с ума от навалившихся перемен, Эрик не придумал ничего лучше, чем... свистеть. И если прислушаться, то в этом свисте можно было разобрать конкретную мелодию.

Вестник Смерти посмотрел на Эрика слегка озадаченно.

— Я подумал, это разрядит обстановку, — смущенно пояснил Эрик. — Вы не особо разговорчивы. Слышали эту мелодию раньше? Это "Nirvana" — классика наших дней. Надеюсь у вас здесь есть хорошие проигрыватели.

Внезапно Вестник словно бы проснулся от долгого сна и, сосредоточившись, начал внимательно разглядывать Эрика. Слишком внимательно, словно от этого зависела чья-то жизнь.

Наконец, Вестник задал вопрос, которому сам удивился:

— Почему вы решили умереть?

На самом деле вопрос был задан не столько Вестником, сколько тем, что не так давно поселился внутри его сущности.

«Это тепло, — подумал Вестник, — Это тепло во мне... неужели это...».

Тепло... душа?

С появлением души внутри (пусть даже не своей собственной) Вестника охватили чувства растерянности и удивления, но эти чувства были не единственными. Он осознавал, что теперь в его ассортименте сотни различных эмоций, которые он способен выражать, комбинируя в любом порядке. Он мог себе это ПОЗВОЛИТЬ. А значит, он уже перестал быть самим собой. Что же будет дальше?

Еще одна родившаяся в его душе эмоция была страхом. Если бы страх был ощущим не

только разумом, но и телом, на все сто процентов своей силы, то он имел бы вид огромной ледяной глыбы, раскалывающей тело пополам. Эта эмоция была не самая светлая, но она была настоящая, живая.

В ожидании ответа Вестник Смерти начал теребить свой галстук, явно нервничая с каждой секундой все больше и больше. Теперь он казался Эрику юнцом, одевшимся в лучший костюм отца дабы показаться на своем первом собеседовании во всей красе.

Наконец, собеседник Вестника решил, что любому заданному вопросу, несомненно, необходим ответ (или хотя бы подобие ответа).

— Наверное, потому что...

Эрик честно пытался трезво рассуждать над ответом на этот вопрос. Он уже не так сильно нервничал, и даже туман его больше не пугал. Ведь он не один, и если его спутник спокоен, то и ему волноваться особо не о чем. А потому Эрик решил говорить открыто, ведь рамок больше не было, да и выглядеть глупо он не боялся. Стеснение, неловкость... все это осталось при жизни. Жизни, к которой он не вернется уже никогда.

В конце концов, Эрик ответил примерно так:

— Наверное потому что падение с пятидесятиметрового здания не оставляет других вариантов. И по правде говоря — слава Богу, что тут законы физики на моей стороне.

Эрику казалось, что подобная шутка могла разрядить обстановку чуть лучше, чем насвистывание известной всему миру мелодии. Он не хотел озадачить Вестника своим ответом. Но тот в свою очередь начал анализировать ответ Эрика с особой тщательностью. Тут в голову Вестника проник звук, который не мог издать ни Эрик Майлз, ни тем более он сам. Постепенно этот звук преобразовался в голос, и в нем можно было распознать отчетливые слова.

«Нужна причина», — произнес голос.

Слова пронесли в голове Вестника буквально за несколько долей секунд, а потому Эрик не заметил ничего странного в поведении своего собеседника.

— Это верно, — согласился Вестник. — Однако мой вопрос заключался в другом. Почему ты решил умереть именно сейчас?

Эрик отметил, что тон собеседника немного изменился. В нем начала проявляться некая резкость. Но по-настоящему Эрика Майлза занимало другое. Он предполагал, что ему придется рано или поздно ответить на подобный вопрос кому-то, кроме самого себя. Впрочем, что тут такого? Ведь, честно говоря, все это затевалось с одной целью. Ради НЕЕ.

— Я потерял свою жену и... не смог с этим смириться.

Должно быть, в глубине души Эрик хотел сказать о большем. Но произнеся последнее слово, он вдруг решил, что этих слов достаточно. Несказанное словно застряло в горле костью.

Вестник заметил, как на лице Эрика появилось не свойственное ему выражение. В нем отобразилась печаль.

«Она потеряла жизнь, — голос в голове Вестника завещал вновь, — а со своей ты распрощался сам. Распрощался, потому что так проще. Ты не боролся. Не смог смириться? Не оправдывай себя. Ты слаб».

Нервные нотки в таинственном голосе начинали переходить в открытую злость:

«Вы все любите отнимать жизни, даже свои. Тогда в чем ее смысл? Каков конечный замысел? Почему вы обрываете этот замысел? Вы — никто. Вы не достойны жизни».

Постепенно голос начал утихать. Вестник попытался глубоко вздохнуть. И неожиданно

для себя осознал, что это помогло. Откуда Вестник знал, что это поможет? А может быть, дело вовсе не в знаниях? Может быть, в том, что гораздо глубже? В том, что находится там, за оболочкой?

В конечном итоге, все начало вставать на свои места. Позабыв о том, что говорил голос внутри него, Вестник попытался заговорить с Эриком самым миролюбивым тоном:

— Эрик, вы отправитесь в путешествие.

И чуть погодя добавил:

— Впрочем, как и я.

В этот самый момент туман, окружавший гостей, начал рассеиваться, открывая сияющее пространство. Минутой раньше Эрик и сам хотел задаться вопросом, когда уже этот чертов туман наконец рассеется. Оглядевшись, Эрик отметил, что люди, интересующиеся минимализмом, по-настоящему оценили бы этот пейзаж. Вокруг не было абсолютно ничего.

"Да уж — подумал Эрик — туман хотя бы вселял загадочность. А это... это что-то уже совсем за гранью воображения"

Вокруг действительно не было ничего. Земля под ногами ушла куда-то вглубь, а небесная твердь рассеялась в огромное пространство из света. Свет был вокруг Эрика. Свет был вокруг Вестника Смерти.

Свет был везде.

Лишь вездесущая белизна без окон и дверей и, возможно, без конца и края (о чем Эрик старался не думать, ибо в нем оставался страх провалиться в бездонное царство тьмы на веки вечные).

Наконец, отогнав пугающие мысли и убедившись, что помимо окружающего пространства ничего не прибавилось, Эрик рискнул спросить:

— И что теперь? Здесь конечно мило, но все же я начинаю терять нить происходящего. И кстати, если уж мы отправляемся в путешествия, я бы хотел отправиться в Таиланд. Говорят там...

— Смотрите сами, — прервал Вестник своего собеседника, чему тот был только рад ибо нервничая, Эрик становится жутким болтуном.

"Смотрите сами — пронеслось у Эрика в голове вновь"

И действительно, через несколько секунд взгляд Эрика Майлза устремился на единственное движение, которое стало первым и хоть каким-то разнообразием среди этой белоснежной пустоши. Часть этой пустоты медленно, но верно началось материализоваться в некую геометрическую фигуру. Она воплощалась во что-то объемное. В конечном итоге перед Эриком появилась дверь. Самая обыкновенная лакированная дверь.

— Я так понимаю, мне туда? — вопросительно произнес Эрик, крайне подозрительно разглядывая дверь. — Но, что меня там ждет? Вы можете ответить хоть что-либо? А главное, кто вы?!

Вестник посмотрел на него с неким умилением. Почему-то небольшая паника и резкая раздражительность Эрика веселила Вестника Смерти. И снова он одернул себя за свои мысли (как и одернул свой галстук). Веселиться непозволительно!

Тем не менее, Вестник произнес:

— Ответы вы найдете именно там. Моя задача лишь СОПРОВОДИТЬ вас до места, где вы эти ответы получите.

Эрик испытывающе посмотрел на Вестника, понимая, что большего от него уже вряд ли

дождешься и решительно направился к двери. Взявшись за деревянную дверную ручку, Эрик, успевший вообразить самые страшные и невероятные пейзажи, которые, возможно, поджидали его по ту сторону, распахнул дверь так резко, что глаза попросту не успели зафиксировать ничего из той картины, что открылась ему на самом деле.

Единственное, на что хватило время Эрику, так это разомкнуть линию своих губ, но он так и не успел сказать хоть что-то и тут же растворился в потоке света. Вслед за этим закралась и сама дверь и в то же мгновение быстро растворилась в пространстве, возвращая окружающую пустоте былую власть. Вестник остался совсем один. Он развернулся, и в тот же самый миг вездесущая белизна исчезла.

Помедлив, Вестник решил вернуться на то место, где оставалось еще свежее кровавое пятно от человека по имени Эрик Майлз. Вестник молча уставился на асфальт. Тут он заметил одну вещь около ближайшей витрины того самого рокового жилого здания. Это был небольшой клочок бумаги. Подойдя поближе, Вестник разглядел в нем не что иное, как...

«Похоже, даже мне нужен отпуск...», — подумал Вестник. Через мгновение городская улица, потеряв последний признак жизни, стала совсем одинокой и окончательно утонула в бездонной пустоте.

Глава 5: Все мы родом из детства

Глава 5: Все мы родом из детства

— А что это была за дверь? Она привела нас сюда? Так высоко?

— Так высоко, — ответила Вестница Смерти, даже не посмотрев, как эта самая дверь медленно растворилась в воздухе клубами белого дыма.

Макс Диггенс и Вестница Смерти (с такой работой, как переправка живых душ Вестницы справлялись ничуть не хуже Вестников) стояли среди огромного облака. Это могло показаться странным, ведь каждый знает: если на чем-то и можно стоять, то явно на чем-то более или менее устойчивом. На том, что может издавать звук, если по нему хорошенько потоптаться ногой или постучать пальцем. Или на том, на что можно расстелить ковер, не опасаясь, что тот провалится вниз и свалится на голову случайного прохожего.

Но облако, на котором развивались события, послало ко всем чертям законы физики и продолжало удерживать на себе новоприбывших гостей. Кажется, всех это устраивало.

Вестница наблюдала за тем, как юный Макс топтал своими маленькими ножками облачный пух и весело мял его в своих руках. Он делал это довольно неуклюже и чересчур сильно (что свойственно всем детям в его возрасте). Из ладоней мальчика выпрыгивали десятки оформленных фигурок разнообразных животных и, медленно порхая, оседали на облако, пока окончательно в нем не растворялись. Этот процесс происходил снова и снова. Несмотря на то, что Макс Диггенс был в этом месте впервые, он отлично знал, ЧТО это за место. Наконец, бросив недомятый пучок облака, Макс посмотрел на Вестницу, которая стояла позади и терпеливо наблюдала за ним. Кейси Диггенс учила сына с малых лет тому, что разговаривать, а уж тем более уходить куда-то с незнакомыми людьми очень опасно, но мальчик воспринимал этот наказ в своеобразной манере. Ведь любой незнакомый человек становится знакомым уже после нескольких секунд общения. А тут прошли целые минуты! И эта женщина провела его на облака! Настоящие облака! Разве плохие женщины водят детей на облака? Потому Макс был уверен, что маме эта женщина, несомненно, понравится, однако при мысли о ней мальчика сразу охватила печаль.

Вспомнив о родной матери, Макс с грустью в голосе спросил:

— Моя мама тоже здесь? На небесах?

— Нет, Макс, — спокойно ответила Вестница, — но очень скоро вы встретитесь.

Макс широко улыбнулся и аккуратно присел на облако. Почувствовав, что эта женщина не желает ему зла, мальчик решил поговорить с ней о том, о чем болтают все дети, когда им на ум приходят всякие мысли — абсолютно обо всем.

— А где ангелы? Мама говорила, что на небесах живут ангелы. У них есть крылья, и они постоянно улыбаются. Вы тоже должны улыбаться. Вы красивая.

В том, что Макс находится на небесах, он не сомневался. И речь шла не о сгустке водяных паров, расположившихся на большой высоте. Речь шла о небесах, куда попадает каждый после своей смерти (или как объясняли детям — после долгого сна). Макс был очень спокоен. За свои восемь лет он слышал о небесах только хорошее, бояться встречи с этим местом было бы глупо. Для ребенка было очевидно — в хорошем месте должны водиться хорошие люди. А хорошие люди помогут найти маму (а заодно угостят мороженым

или сахарной ватой).

Максу всегда говорили, что на небесах тепло и уютно. Говорили, что среди облаков обитают люди, которых больше нет на земле. На небе они придают веселью и каждый раз радуются, когда на небо попадает чей-то давно потерянный родственник или любимый человек.

В детском разуме небеса были самым беззаботным местом. Они высоко, где-то там, вдали ото всех забот и проблем. Когда тебе грустно, ты можешь укрыться в самой гуще больших и пушистых облаков, и, валяясь в пуху, позабыть совершенно обо всем. Случалось, что мама ругала Макса сильнее обычного. В такие моменты он хотел больше всего на свете отрастить крылья и улететь к небесам. Не навсегда, конечно, ведь Макс, несмотря ни на что, очень любил свою маму.

Небеса были поистине замечательным местом. В восемь лет и нельзя думать иначе. Когда взрослые говорят о них, ты непроизвольно задираешь свою голову вверх, пытаешься что-то разглядеть среди бескрайнего множества облаков. В итоге не находишь ничего, кроме этих самых облаков, и невольно представляешь только один пейзаж — огромное и мягкое облако.

Взгляд Вестницы устремился за горизонт. На мгновение могло показаться, что она пытается разглядеть тех самых крылатых созданий, о которых ходит столько мифов и легенд. Но взгляд Вестницы успел уйти куда дальше, чем может вместить этот мир. Как обычно это взгляд выражал лишь одно — пустоту.

Не отводя своего взгляда, Вестница произнесла:

— Ангелы скоро придут к тебе. Но сейчас тебе нужно отдохнуть.

— И мама тоже придет? — резко оживился Макс.

— Конечно. Как только ты проснешься, рядом будут все, кого ты хочешь увидеть.

— Здорово! — весело воскликнул Макс, — я могу уснуть прямо здесь? А потом появятся все? Все при все?

— Все при все, — повторила Вестница и, взглянув на мальчика, добавила: — Не хочешь соорудить кровать для сна?

В то же мгновение воодушевленный такой заманчивой идеей Макс принялся создавать из кусочков облака что-то похожее на кровать без ножек. Макса захлестнули эмоции, и он не обратил никакого внимания на тяжелое выражение лица собеседницы.

Кровать получилась довольно размытой, но когда из материалов тебе доступно только подобие белой и парящей ваты, то ожидать чего-то большего не приходилось.

Вестница подошла к Максиму, когда тот уже успел принять выбранную позу для сна и весело взглянул в ее глаза. Она протянула ладонь к лицу мальчика, и он увидел в ее руке маленький красный камушек. Приглядевшись, Макс, к радости, обнаружил, что камушек оказался вполне привлекательной на вид конфетой.

— Держи, — произнесла Вестница. — Это поможет тебе уснуть.

— Мама говорит, что если кушать лежа, то можно подавиться.

— Не бойся, — заверила его Вестница, — эта конфета волшебная.

— Правда? — обрадовался Макс, и не теряя ни минуты засунул ее себе в рот.

Вдруг Макс Диггенс осознал, как сильно он устал. Закрыв свои глаза, почти без усилий мальчик мирно уснул с улыбкой на лице. А Вестница достала из кармана пиджака красивые и золотые часы на цепочке, и через несколько мгновений облако стало легче на одну сущность.

Глава 6: Дневник памяти

Глава 6: Дневник памяти

Первое, что почувствовал Эрик, был пробирающий до мозга костей холод. Лицо успело укутаться в снег почти наполовину. Подняв вверх оставшийся не заснеженный глаз (второй глаз был небрежно погребен в снег по самые брови), Эрик ненадолго пришел в растерянность. Также как был бел и ярк окружавший его снег, было ярко небо, расстелившееся прямо над головой Эрика. Казалось, небо и земля слились воедино. С третьей попытки Эрик все же смог подняться, не провалившись руками в снег. Как следует, протерев глаза, он понял, что чувства его подвели: сильный ветер будто проходил сквозь Эрика, а бесконечное множество ярких песчинок хоть и напоминали снежинки, но на деле оказались чем-то совсем иным. Чем-то искусственным. Да и холод, как оказалось, был лишь созданной иллюзией в разуме Эрика. Сконцентрировавшись, он осознал, что холода больше не чувствует.

Отряхнувшись от остатков «снега», Эрик вспомнил моменты, когда, выйдя из душа, он вдруг понимал, что единственное полотенце, которым он мог бы воспользоваться, находилось на другом конце комнаты. К получению полотенца прилагалась десятисекундная пробежка с ледяными каплями воды по телу. ЭТО было настоящее олицетворение холода. Но тут все было иначе. Здесь любые ощущения казались фантомными.

Эрик попытался оглядеться в поисках каких-либо ориентиров, но местный пейзаж мало изменился с момента его появления в этом месте. «Снежная» вьюга застилала глаза. Попытаться понять, что находится на расстоянии дальше пяти метров, было равносильным игре в «Интуицию». Задрав голову к небу, прямо над собой Эрик успел разглядеть исчезающий силуэт той самой двери, откуда его и сбросило вниз.

«Ох уж этот чертов Далматинец...»

— Ну хоть за мягкую посадку спасибо, придурок! — выкрикнул Эрик и его крик тут же заглушило потоком сильного ветра.

Немного покрутившись вокруг, Эрик не нашел ничего лучше, чем поупражнять свои голосовые связки. Без всякого стеснения он тупо начал кричать и выбрасывать в воздух самые причудливые фразы, в надежде быть услышанным хоть кем-то (или чем-то).

— Призываю вас, моя армия снеговиков!

— Санта, вернись! Я упал с твоих саней и чертовы олени этому виной!

— Никакой это не Таиланд между прочим!

— Аууу! Северные народы, объединяйтесь! Пора свергнуть прогнившую вертикаль власти! Войны мои, за мнооой!

Если честно, такого поведения Эрик от себя не ожидал, но в этот момент это показалось ему почему-то самым логичным поступком. Ведь если ты находишься в неизвестном месте с ограниченным видением, даже фраза: «Заткнись и не мешай людям спать!» была бы очень приятным ответом на его бредовые выкрики. Тогда по звуку можно было бы сдвинуться с мертвой точки, а не умирать со скуки, стоя на месте (Эрик не верил в то, что можно умереть дважды, но точно верил, что движение — это жизнь). К разочарованию Эрика, его крик тут же подхватил ветер и унес куда-то вдаль, навеки похоронив возможность быть услышанным. От этого на душе стало совсем плохо.

Местный пейзаж походил на искусственно созданный северный полюс или просторы Сибири. И ведь в России действительно есть места подобные этому, по крайней мере так считалось, а потому Эрик не удивлялся, почему русский народ иностранцы сравнивают с морозоустойчивыми богатырями. Посмотрев вдоволь на местные пейзажи, Эрик решил задействовать не только свой голос, но и ноги. Это был последний вариант в сложившейся ситуации. Но куда идти? Неважно. У всего есть конец, и Эрик это знал.

В школе, когда учитель физики, мистер Вейндер говорил, о том, что наша вселенная бесконечна, Эрику эта теория казалась слегка легкомысленной и притянутой за уши. Мистер Вейндер был не молод, но и не настолько стар, чтобы говорить о подобных вещах с такой непоколебимой уверенностью. Сам Эрик уже тогда был твердо уверен: конец есть у всего. Даже у жизни, особенно у жизни. И тем она ценна. Так что уж говорить о расстоянии? Для муравья пройти целый город покажется невозможной задачей, но мы точно знаем, что города имеют свои границы. А потому когда-нибудь, пусть это займет уйму времени, но муравей справится и придет к финалу. Почему же с космосом не может быть так?

Вытащив себя из школьных воспоминаний, Эрик приободрился. Куда-то он явно придет, а потому он направился тупо туда, куда упал его взгляд. Он точно запомнил, что Далматинец сказал ему что-то про путешествие. И хотя после неудачного падения, о котором Эрика так и не удосужились предупредить (но что бы он тогда сделал, прыгнул бы более изящно?) доверие к первому представителю потустороннего мира слегка поубавилось. Но стоять и дальше по колено в снегу было не самым лучшим вариантом, а потому план дальнейших действий был очевиден.

— Что ж, начнем! — воскликнул Эрик и отправился в путь.

На удивление ноги совсем не проваливались под толщу снега. По крайней мере, не так часто. Снег, а точнее то, что заменяло его, оседал на одежде Эрика, переживал там какое-то время и, набравшись смелости, начинал пропитывать ткани одежды и обуви. Порой Эрику казалось, что они вонзаются прямо под его кожу в каждую клеточку тела и даже ощущал от этого некую боль.

— Чего тут только не померещиться — пробормотал Эрик, отряхивая от себя оседающий "снег".

Инстинктивно жмуря глаза от сильного снежного ветра, Эрик отметил, что за все время своей ходьбы пейзаж так и не удосужился поменяться. Но иногда, буквально на несколько секунд, Эрику отчетливо казалось, что время ненадолго замирало и некоторые песчаные снежинки, будто бы обретя сознание, направлены и синхронно уплывали куда-то вдаль, в только им ведомое направление. Это ощущение исчезало так же быстро, как и появлялось и Эрик, постояв несколько секунд, тупо уставившись вперед, одергивал себя и продолжал свой путь.

Через некоторое время Эрик потерял счет времени. Ему казалось, что спроси его который час, он не был бы в состоянии ответить даже то, какой сейчас день, неделя, а то и год. Что уж говорить, Эрик до сих пор не был уверен, находится ли он на своей родной планете или нет. Но, думая о времени, Эрик вспомнил, что в момент ухода из жизни, на нем были его старые часы. Эрик никогда не любил их носить, потому что чувство меняющегося времени контролировало и заставляло его делать то, что могло быть совсем не важным. Но часы являлись предсмертным подарком его матери, а потому мелкие неудобства отошли на второй план. В момент приземления с крыши вероятность того, что состояние часов было завиднее состояния самого Эрика, казалось маловероятным. А потому Эрик благополучно

забыл о них, но сейчас вспомнил.

Эрик взглянул на свои часы. К его удивлению, помимо слегка треснутого стекла и засохших капель крови они были в полном порядке, хоть и стояли на месте. Время показывало цифры, которым было суждено замереть навсегда.

15:10.

После смерти такие вещи, как усталость или голод были чем-то мифическим, и Эрик осознал, что в своем мире он мог бы стать предметом зависти любого спортсмена или путешественника вокруг света. Пройди хоть сотню миль, взберись на самую высокую гору или проплыви океан... и никакой усталости, лишь восхищенные взгляды окружающих. Никто бы из них не вспомнил и об обратном эффекте отсутствия каких-либо ощущений. Когда ты плывешь по течению, не отвлекаясь ни на что другое, понятие времени начинает теряться. Лично ЗДЕСЬ его попросту не существовало, но одновременно оно окутывало все вокруг. А когда понятия времени начинает растворяться остается только одно: ты и твои мысли.

На протяжении своего пути Эрик размышлял над вопросом Далматинца.

"Почему вы решили умереть?"

Зачем люди кончают жизнь самоубийством?

Причины могут быть разнообразные, но они точно есть. Чтобы с уверенностью заявить о том, что ты больше не хочешь жить, тебе нужно... дойти до этой мысли. То есть прожить до этого момента! Человека не спрашивают, хочет ли он такой жизни, какая она у него есть. Его не спрашивают, хочет ли он вообще жить! Его просто закидывают в этот мир и не более. А дальше? Дальше разбирайся сам, приятель. Оцени все за и против, пойми, чего в твоей жизни больше и делай выбор. А выбор есть всегда, даже если он сводится к петле на шее от собственных рук.

Причиной самоубийства Эрика Майлза стала женщина. Любимая женщина. Не так много людей способны дать тебе осознать бессмысленность своего существования. Это должен быть важный человек, особенный. Тот, кто разделит твою жизнь на ДО и ПОСЛЕ встречи с ним — с человеком, который стал тебе роднее всего. Этот человек оставил нестираемый след в районе груди, который периодически постукивает. Человек исчез, но биение осталось, и этот стук настолько осточертел Эрику, что пришлось что-то делать. И он сделал.

Был ли это выбор слабого человека? Уйти всегда проще, чем остаться и смириться со своей нынешней судьбой. Как бы тяжело не было, но, несмотря на утраты, мир движется дальше. А значит, сможешь и ты, если знаешь ради чего, если стараешься зацепиться за новые ориентиры в жизни. Кто знает, что еще нам уготовила судьба.

Кто-то и вовсе скажет, что добровольно уйти из жизни — довольно смелый, а не слабый поступок. Но только самоубийца видит в этом иной путь. Не смелый и не трусливый, а... логичный и единственно верный. Что сделали бы другие, испытав чувства утраты? На что бы пошли? Ради чего «слабые люди» стремились куда-то... теперь... без своих «сильных людей»?

Вихрь этих мыслей в голове был так силен, что Эрик не придавал значения, что очутился в странном месте. ПО-НАСТОЯЩЕМУ странным. Где именно мог оказаться Эрик? Возможно в аду или раю. Но если это так, то все куда сложнее и запутаннее, чем он предполагал. Здесь ли его возлюбленная? И была ли она здесь, когда умерла? Где-то она должна была появиться после смерти, это очевидно. Но как далеко она ушла и поспеет ли за ней сам Эрик?

От этих мыслей становилось по-настоящему дурно.

«Если это Ад, — подумал Эрик, — то у Дьявола чертовски скудная фантазия. И здесь совсем нет огня. Даже скромного котелка с грешниками. Это уже совсем не по христиански и...»

Должно быть, в эту секунду его услышал, если не сам Дьявол, то явно кто-то заправляющий этими краями, потому как через несколько секунд, Эрик готов был поклясться, наконец-то среди окружающей белой массы показалось что-то черное, да еще и извергающее дым.

Эрик ускорил шаг, переходя на бег, и чем ближе он приближался к источнику дыма, тем четче мог разглядеть сферообразное строение. Когда Эрик подбежал к нему вплотную, то увидел чугунный шар, размером чуть больше, чем фургончик мороженого. Из верхушки шара торчала старая труба со свисающей треугольной насадкой, из которой медленно шел дым, а рядом с чугунной круглой дверью находилось небольшое окно. Весь шар был измазан копотью и почти полностью погряз в саже (даже окружающий «снег», прилегающий к шару, был черен, как сама ночь), но само окно сверкало ярче солнечного света. Создавалось ощущение, что оно было недавно куплено и вставлено в эту закоптившуюся рухлядь (или просто здешний хозяин не жалел чистящего средства на крохотное оконце).

Эрик решил постучать в дверь, но сначала обошел шар вокруг. В течении этого короткого обхода Эрик не мог не заметить, что чугунные плиты, из которых состоял шар, были спаяны слишком уж несуразно и просто.

— Словно их рисовал ребенок — заключил Эрик и отчего-то эта мысль показалась ему крайне важной.

Не обнаружив больше ровным счетом ничего и вернувшись к двери, он решил, что в такую вьюгу его вряд ли кто-то услышит, поэтому он бесцеремонно дернул дверную ручку. Дверь отварила не сразу. Тяжелый чугун давал о себе знать. Эрик вдавил одну ноги в дверной косяк, а руками принялся тянуть за дверную ручку изо всех сил, пока не образовалась небольшая щель. Быстрым движением Эрик схватился за край двери и, навалившись на нее всеми силами, добился того, что та отворилась. Отмахнувшись от копоти, Эрик перешел порог.

Внутри было совсем пусто. Закрыв за собой дверь, Эрик осмотрелся еще раз. Помимс камина в углу и расстеленного потертого ковра в этом чугунном шаре не было ничего. Лишь голые стены.

«Кто мог построить это подобие дома? Где хозяин?»

Эрик подошел к камину, чтобы проверить степень горящих дров и понять, как давно они были подкинуты в камин.

«Может быть, хозяин этого... шара закинул их совсем недавно?»

Эрик разглядел состояние дров и... сильно удивился: дрова, опаленные и наполовину превратившиеся в уголь, наотрез отказывались сгорать до конца. Эрик как загипнотизированный уставился на огонь. Прошло немало времени, но картина не изменилась. Волшебные дрова словно застыли на месте в определенный период времени и продолжали гореть несмотря ни на что. Эрик решил, что его воображение попросту разыгралось и, отведя взгляд от камина, начал разглядывать ковер. Это был небольшой круглый (похоже, здесь любили все круглое) ковер зелено-коричневого цвета, ткань которого была на удивление мягкая. Не обнаружив на ковре ничего необычного, Эрик беззаботно улегся на нем. Так продолжалось некоторое время. Эрик поглядывал в черный

потолок, бесконечно пылающий огонь в камине, пейзаж за окном.

«Рано или поздно кто-то должен объявиться. Дома с горящими каминами не бывают пустыми. Все это знают».

Неожиданно Эрик увидел еще один предмет, который не замечал ранее. Черный предмет трудно было различить на фоне черного цвета. Подойдя поближе, Эрик, наконец, разглядел, что эта была потертая старая рукопись.

Несмотря на то, что повсюду была сажа, рукопись оказалась чистой. Это был чей-то дневник, но то что «чужие дневники» читать нельзя не волновало Эрика.

«Могу я быть плохим парнем хотя бы после смерти? И потом, возможно, прочтя это, я смогу понять, где оказался».

Эрик открыл первую попавшуюся страницу:

«Помню, как мы нашли того голубя во дворе. У него было сломано крыло, и я с ребятами убрал его под ближайший куст, чтобы спрятать и не дать бедняге стать обедом для кошек. Мы гуляли во дворе весь день, заглядывая по очереди под дерево, не уполз ли голубь, но он лежал смиренно, и лишь изредка подергивался. Мы пообещали вернуться к нему завтра, но когда я ушел, Ингрид, девочка со двора сказала мне, что голубя не спасти и что его надо убить, облегчив страдания. Тогда я был слишком маленьким, и мне показалось, что это действительно спасет бедную птицу. Когда все ушли, Ингрид дала мне камень...».

Эрик с ужасом отшвырнул книгу подальше.

«Это и вправду дневник... МОЙ дневник, — в горле у Эрика резко пересохло, — какого черта тут происходит?»

Песчаные снежинки под чьим-то командованием отлетали от окна чугунного шара и, вновь кружась по ветру, устремлялись вдаль в неизвестное направление — в самый центр заснеженной и безлюдной долины...

Глава 7: Этот долгий и мрачный кошмар

Глава 7: Этот долгий и мрачный кошмар

Разум Стивена Баркса витал в ночной тьме. Учитывая сколько времени сознание Стивена находилось в этой самой тьме, можно было уточнить: разум Стивена не витал, а, скорее, полз.

Иногда Стивен слышал голоса. Их было не много, а потому Стивен быстро успел запомнить каждый и даже обозначить их обладателей, узнать место своего нахождения и даже причину появления тьмы вокруг него.

Для начала Стивен определился со своей временной обителью. Больница. Это подтверждали запахи самых разнообразных лекарств и таблеток, от которых, если бы Стивен был в здравом состоянии, у него бы возник приступ тошноты и очередной долгий обморок. Теперь, как отметил Стивен, он чувствовал запахи особо хорошо. Все они были резкие и неприятные, но тем не менее каждый из них так и норовил обследовать носовые полости Стивена, словно шайка искателей приключений.

Кроме того, люди из "внешнего мира", как теперь выражался Стивен, разговаривали особыми терминами. По большей части все они были связаны с медициной. Иногда Стивен слышал приятный женский голос. Голос шел из динамиков громкоговорителя, но при этом был настолько чистым, что казалось обладатель этого голоса совсем рядом. Иногда Стивен любил воображать, что такой голос мог принадлежать горячей блондинке в черных сексуальных чулках и кружевном белье, поверх коротенького халата.

"Ваш позвоночник поврежден. Очень сильно поврежден — шепчет приятный голос в ухо Стивену так близко, что тот даже может уловить еле уловимый запах губной помады медсестры — позвольте я сделаю вам массаж, мистер Баркс. Поверьте, у меня очень умелые руки"

"Да — думает с улыбкой Стивен — я в этом не сомневаюсь"

В ответ коротко смеется, но даже ее голос приятнее всего, что происходило в жизни Стивена Баркса.

А в жизни этого двадцати двух летнего преступника случалось всякое дерьмо.

Любовь к больничным заведениям Стивен Баркс не питал никогда. Хотя для него это место было сродни второму дому. В свое время Стивен был довольно драчливым ребенком, а потому люди в белых халатах латали его довольно часто. И также часто отчитывали его. Больше всего Стивену запомнился один момент из детства, определивший дальнейшую антипатию к подобным заведениям — стоматологи. Стоматологи пугали его. У них всегда имелись разные холодные металлические инструменты, которые они насильно впихивали тебе в рот (а Стивен свято верил, что кроме пищи, туда ничего попадать не должно) и постоянно заставляли тебя сплевывать накопившуюся слюну. Но все эти прелюдии были мелочью по сравнению с первым удалением зуба.

О нет, Стивен помнил эту боль как сейчас.

Вот к тебе подходит милая на вид женщина и мягким голосом и с улыбкой на лице говорит, что будет вовсе не больно. Сначала она ставит обезболивающий укол и ты, хоть и со страхом на лице, но переживаешь это как мужчина. Потом она берет в свои руки щипцы.

Слава богу, с открытой пастью и закатанными глазами ты не можешь разглядеть их как следует. Иначе бы ты давно уже откинулся в кресле. И вот, когда щипцы охватывают твой зуб, ты начинаешь по-настоящему нервничать, твои руки сильнее вжимаются в ручки стула, а глаза жмурятся сами по себе. Ты пытаешься вдохнуть ноздрями больше воздуха, чем могут вместить твои легкие, но все, что ты ощущаешь, это неприятный запах медицинских резиновых перчаток. Наступает момент истины и... взрыв дикой боли.

Обезболивающее действует на все, кроме твоего зуба. Стоматолог вырывает тебя прямо из кресла так, словно ты сейчас отлетишь на несколько метров. Но твой зуб по-прежнему остается у тебя во рту. Этот садист в белом халате пытается выдернуть его еще и еще и раз, и кажется, что женские руки по определению не могут вместить в себя столько сил, чтобы покончить с этой процедурой. Из твоих глаз сыплются настоящие искры. Еще один рывок, и твой зуб наконец-то покидает пределы рта. А потом ты реवेशь. Ревешь, как маленькая девочка. Из твоего рта течет кровь, а по телу течет ненависть. Ненависть, которая останется в сердце маленького мальчика навсегда.

***

Откинув воспоминания, как страшный сон, Стивен пытался понять, что же с ним произошло. Порою, Стивен слышал плач. Иногда откровенные рыдания. Но еще чаще он слышал молитвы своей сестры Карен. Молитвы о его скорейшем возвращении.

Если бы сознание Стивена способно было принять какую-либо форму, то оно имело бы большую и злобную ухмылку. Стивен вспомнил, что его переломанные кости были частью жутко неприятных обстоятельств. Стивен знал, что когда в баре на него напали трое отморозков, он мог выбрать — драться до последнего или убежать. Он мог кричать о помощи или просто смириться. Но то, что Стивен знал лучше всего — встать на колени и начать молиться было самым глупым решением, которое он мог принять. Господь не пришел в ту ночь, так почему он должен прийти сейчас и своей всемогущей рукой вытащить Стивена из этого дерьмового положения?

«Молитвы не в тренде, сестренка. Убедись сама, но если встать с колен и заняться чем-то ПОНАСТОЯЩЕМУ полезным, то эффект тебя очень сильно удивит, — так говорил Стивен сам себе, и его слова, распространяясь по окружающей тьме, так же быстро тонули в ней. — Молитвы не дают ничего, кроме последней попытки внушить себе, что все не так хреново. Когда есть шанс на что-то хорошее, никто не обращается к Богу. Когда все хорошо, боги не нужны. Богов не благодарят, на них лишь надеются. А потому, поделом всем тем, чьи молитвы не услышаны. Эгоистично, сестренка, эгоистично... И сейчас, видимо, мне хреннее некуда, так что даже сам Господь, обратись я к нему хоть трижды, развеет руками. Ну и пусть. К черту все это».

Обрывки голосов врачей из внешнего мира только подтверждали, что Стивена ждет не самый лучший расклад в его дальнейшем существовании. Говоря медицинскими терминами, Стивен Баркс находился в сопоре. Состояние куда более благоприятное, чем кома, но во сто крат хуже любого нормального человеческого положения дел. Как понял сам Стивен, сопор — это нечто вроде глубокого сна, из которого можно выйти с концами только с помощью оперативного лечения и, лишь временно, с помощью громких звуков и каких-либо других раздражителей. Но даже такое столь короткое пробуждение едва ли оставит след в памяти. Конечно, если бы Стивен находился в НАСТОЯЩЕЙ коме, то его разум не смог бы так просто витать в пространстве направо и налево, а потому все было бы куда хуже. Сам же Стивен обозвал свое состояние как: глубокая и сильная отключка всех отключек. А говоря

языком еще более простым, Стивен был овощем. Порой Стивен занимался тем, что иронично обсуждал с самим собой, каким именно представителем овощного сообщества он мог бы стать. Почему-то всегда побеждала репа. Наверное, так было потому, что в ту ночь Стивену пришлось пара ударов именно по его «репе».

Так или иначе, разум Стивена пытался воссоздать отчетливую версию последних событий, а именно причину тьмы, укутавшую все вокруг. Бесспорно, когда тебя бьют пару громил до тех пор, пока на их кулаках не начинает свисать твои ошметки кожи, то любые вопросы становятся излишними. Но почему все это произошло? Каждый раз внутри Стивена вновь закипала ярость. Его мыслительные процессы вырабатывали лишь три ключевых слова:

«Гарсеца. Героин. Мечь».

Стивен отмечал невидимой галочкой дополнительную пометку вроде:

«Засунуть этот чертов героин чертовому Гарсецу в его чертов зад, ибо это будет самая сладкая чертова мечь!»

Тогда картина становилась более четкой и куда более приятней.

Харло Гарсеца — мексиканец по меркам национальности и полный кусок дерьма в душе по меркам человечности. Зарабатывал он тем, чем зарабатывали многие мексиканцы по стереотипам большинства людей этого мира. Харло Гарсеца торговал героином. История наркобарона Гарсеца покрыта вуалью, и лишь по слухам можно было воссоздавать его прошлое. Версии не были подкреплены фактами, но не становились от этого менее интересными.

Говорили, что Харло начинал с самых низов и, будучи на побегушках у своего босса, сумел добиться таких высот, что в конечном итоге стал угрозой для бизнеса. Решение покончить с его жизнью не вызвало ни у кого из его окружения сомнений (и уж тем более сочувствия), но все понимали одно: с хитростью и напором Харло можно было срубить немало бабла. Открыто против него лезть никто не мог, да и ни хотел, а потому кончина Гарсеца была вопросом времени. Каково же было удивление криминальных авторитетов (да и всех вокруг), когда Харло, выбрав нужный момент, заставил сожрать собственного босса два килограмма героина. Харло спокойно смотрел на его попытки вдохнуть частичку воздуха, удобно сидя в его кабинете в его же кресле. Никто не знает, как Харло не словил пулю за подобный поступок. По слухам это стало началом его карьеры в наркобизнесе. Видимо, главари решили, что в Харло есть потенциал: он способен устанавливать в этом мире свои правила, способен добиваться своего и не бояться, если ради этого придется пойти на настоящее безумие. Новым боссом его, конечно, никто не сделал, но держать при себе подобного человека посчитали разумным. Приставленная к Харло охрана не отходила от него ни на шаг, а после Харло, как подобает становящемуся криминальному авторитету, занял тесную дружбу с полицией, основанную на старых добрых взятках.

Иные утверждали, что Харло Гарсеца никогда не пробивался «из грязи в князи», а с самого рождения имел титул «героинового принца». Отец Харло был крупным преступником, и его боялась чуть ли не вся Мексика. Но с появлением Харло старый разбойник понял, что не желает для единственного преемника такой же грязной жизни и кровавых дней. Муэрто Гарсеца делал все, чтобы Харло получил образование и потому сослал своего сына подальше от криминальных дел. Но кровь, в конечном счете, взяла верх.

Однажды до Муэрто дошли слухи, что некто вырезал чуть ли не всех его людей в одном из баров, и этот некто якобы прихватил с собой огромную партию героина, посчитав, что

имеет на нее свои права. Муэрто Гарсеца был в ярости. К вечеру ярость сменилась шоком. Отправив своих людей прочесывать местность в поисках наглого вора, старший Гарсеца обнаружил собственную ванну, доверху наполненной героином. Тогда никто не мог толком объяснить, кто-то мог пройти в покои Гарсеца незамеченным. На вершине героиновой горки Муэрто нашел письмо: «Дорогой отец! Если я смог обворовать самого влиятельного наркобарона, то за границей меня и подавно ждут великие свершения. С любовью, Харло. PS. Прости за смерть твоих людей, но они чертовски плохо выполняют свою работу. Смени охрану и не благодари».

Никто не знает, дословно ли передано письмо, но ходили слухи, что после этого происшествия даже такой тертый калач, как Муэрто слег с приступом сердца. Он не верил, что всегда спокойный и уравновешенный сын мог совершить подобное. Сам же Харло спокойно открывал наркоточки за пределами Мексики и отлично в этом преуспевал, плотно сотрудничая с все той же старой и доброй полицией.

На деле же Харло перебрался из Мексики куда подальше и неплохо преуспевал в своем бизнесе. А все слухи, так или иначе, сходились к одному: Харло Гарсеца, если быть точным, был настоящим психом. Из человеческого в нем осталось только имя и человеческая речь (хотя иные утверждали, что в перерывах между словами у Харло Гарсеца прослеживался отчетливый звериный рык). К сожалению, это не помешало Стивену Барксу опуститься до того, чтобы стать частью его героиновой империи. Быть мальчиком на побегушках оказалось совсем не сложно даже гордому Стивену. Сам Стивен считал, что нечестная работа, приносящая деньги и не позволявшая голодать его сестре, более уместна, чем благородное мытье полов и просроченный чизбургер на ужин. Но теперь Стивен был бы рад даже самому тухлому из всех гамбургеров. Еще лучше, если гамбургер был бы из Харло Гарсеца.

Теперь Стивен Баркс часто думал, у него было для этого достаточно времени. Уже несколько недель Стивен находился в "отключке" (так он понял по обрывкам разговора врачей). Стивен думал о том, что сделает, когда выйдет из своего плачевного состояния. Когда, а не если. Но если честно, была велика возможность совсем неприятной перспективы. Окунуться во тьму без остатка, на веки вечные. И слышать, как слезы Карен становятся все реже, а всхлипы — все тише. Стивену было больно. И тошно. Тошно от всего. От всего мира, который оставил их с сестрой вдвоем. От бросивших их родителей. От предательства чертова Гарсеца.

— Твою мать! — повторял Стивен. — Гребаная жизнь! Гребаная тьма!

— Как некрасиво, молодой человек. Вам стоит поучиться хорошим манерам.

На мгновение Стивен опешил. Ему понадобилось несколько секунд, чтобы понять, что это не был голос кого-то из врачей. Этот голос вообще не исходил из "внешнего мира". Он был внутри... внутри разума Стивена.

Стивену стало не по себе.

— Да-да? Кто там? — саркастически выдал он.

Ничего другого на ум не пришло. А не свихнулся ли он, в конце концов? Может быть, он уже давно лежит под землей, а не в палате. В дешевеньком гробу, и все это лишь последние всхлипы умирающего разума, который пошатнулся окончательно?

Но все оказалось куда сложнее.

— Я тот, кто укажет тебе путь из тьмы.

Когда голос отозвался вновь и явно ответил на его вопрос, Стивен понял, что не ошибся. Голос общался именно с ним. Он был слегка размытым, будто бы одновременно говорило

несколько людей. Мужчина и женщина.

В этот момент Стивен не стал отвергать до конца мысль о том, что съехал с катушек.

И голос возник снова:

— Жестокий мир, Стивен. Жестокая жизнь. Я дам тебе шанс показать всем, кто ты есть.

Дам шанс встать на ноги и покинуть эту тьму, выйти на улицу. На улицу, где нет тьмы, но есть мусор. Ты хочешь избавиться от мусора, Стивен?

Стивен решительно отказывался что-либо понимать. Но акцент на мусоре был явным намеком на то, что речь идет не о фантиках и пустых бутылках из-под энергетика. «Мусор»... именно этим словом Стивен обозначал таких, как он сам, таких, как Гарсеца.

— Ты что, дьявол?! — раздраженно воскликнул Стивен. — Какого хрена ты делаешь у меня в голове!? Чего ты хочешь?!

Возможно, это был всего лишь сон, но Стивен был слишком возбужден. Да и сны ему не снились уже очень давно. Стивен выжидал ответа больше, чем кайфа от дозы героина. Теперь он был не один, и пусть это было нереально, но это точно было. И если это могло отвлечь Стивена от надоедливой окружающей тьмы хоть на секунду, то оно того стоило.

— Я не дьявол, Стивен, — продолжал голос. — Но, как и он, хочу предложить тебе сделку. Твою жизнь на жизнь другого человека. согласишься, и ты очнешься, а если нет... посмотрим, сколько еще слез прольет Карен.

Возбуждение начало переходить в гнев.

«Голос знает ее имя. Откуда, черт возьми, он знает ее имя?!»

— Карен? Это не смешно! Ты рядом с ней? Если хоть волос с ее головы упадет, ты труп! Слышишь? Я выберу и прикончу тебя!

Голос молчал. А разум Стивена будто переводил дыхание в надежде заглушить быстро возникшую ярость. Наконец, после мучительной минуты ожидания ему пришел ответ.

— Прикончишь... да. Но для этого тебе нужно выбраться. Выбирай, Стивен. Ты хочешь этого? Хочешь к свету? Хочешь покинуть тьму?

«Ну все, ублюдок, — Стивен окончательно перестал себя сдерживать. — Хочешь играть со мной в игры? Давай!»

— К свету?! Еще бы, приятель! Вытащи меня, и я тебя так отблагод...

Последние слова Стивен буквально проглотил вместе с волной боли. Боли в глазах. Стивен давно не чувствовал боли. Чувствовать — значит жить. Так неужели?...

Окружающая тьма, которая была единственной обителью Стивена на протяжении последних месяцев, начала отступать, а разум стремительно падал куда-то вглубь, за пределы темной пустоты. Свет. В глаза Стивена начинал бить яркий поток света.

— Да кто ты такой? — прошептал Стивен, чувствуя, что постепенно теряет сознание.

И голос ответил одним единственным именем:

— Кейси. Приятно познакомиться.

***

А в это время, далеко-далеко, совершенно в другом неизведанном мире одинокий спящий мальчик на облаке дрожащими губами повторял лишь одно слово:

«Мама...мама...»

Глава 8: Птенчик

«В тот день она была одета в зеленое.

Мэри.

Неделя выдалась на удивление паршивой и все, что мне перепало от начальства, так это лишь простенький сюжет для развлекательной колонки. Колонки, которые печатают на последних страницах газет, возле пары-тройки анекдотов не самой первой свежести и телефонными номерами, набрав которые вы проведете увлекательнейшие сорок минут своей жизни. Вам дадут понять, что в вашем быту просто необходим пылесос новейшего поколения или хотя бы незаменимый во всех сферах жизни супер современный фен. Иными словами, на странице, о существовании которой среднестатистический читатель обычно и не ведает, моя колонка будет самым «интереснейшим» чтивом. Но это лучше, чем ничего. По крайней мере, я воплощу в жизнь слова и даже смогу их скомбинировать по своему усмотрению.

Работа журналиста была мне по душе. Писатель романов из меня так и не получился, а обозревание каждодневных проблем и подача событий для людей, живущих с тобой в одном мире, стала своеобразной отдушиной.

«Зарботок — не главное в жизни, — повторял я себе. — Не главное. Комфорт? Несомненно, с парой-тройкой тысяч в кармане ты худо-бедно обеспечишь себе лишний день существования. Но существование это не жизнь. И не показатель жизни. Нет, все намного проще. Ведь когда ты будешь лежать на смертном одре, сколько бы ты не заработал денег, с собой их не унесешь. Но если в этот момент тебя окружают родные и близкие люди, подарившие тебе яркие эмоции, тогда и умирать не жалко... И больше всего я боюсь лишь одного — умереть в огромном особняке за сто миллионов евро, в котором нет ни любви, ни души, не смеха. Ничего».

Экипировав себя блокнотом и ручкой — стандартным инвентарем любого журналиста, я направился в другой конец города, дабы посетить «Corrazon». «Corrazon» — название ресторана, в банкетном зале которого проходила подготовка к долгожданной свадьбе очередного владельца крупной фирмы и его спутницы жизни. Она, кстати говоря, являлась по совместительству владелицей еще более крупной компании, и все это под благословение их родни. По иронии судьбы о таком крупном событии будет напечатано в колонке, мельче которой никто не видал. Забавно.

Ничего интересного. Впрочем, меня привлекло другое событие на фоне малоинтересного брачного союза. Звали это событие Мэри Янг. Я сразу заметил ее, едва войдя в зал. Народу здесь было очень много, но Мэри так выделялась, что если бы я закрыл глаза, покрутился пару раз на месте и снова посмотрел в эту толпу, то первой, несомненно, опять бы увидел Мэри. Глаза будто бы сами знали, где ее искать. Никаких фокусов. Только я и она.

Зеленое платье, облегающее ее тело, освещало помещение не хуже настенных ламп, а искренняя улыбка будто бы кричала о том, что на данном празднике жизни королева она, а не счастливая невеста. Мэри обладала природным обаянием, и была по-настоящему красивой женщиной. В свои двадцать пять она имела длинные каштановые волосы, которые

почти всегда собирала в хвостик. У нее были довольно густые брови, но это только придавало ей женственности. Маленькие уши и нос делали ее миловидной, а красивые глаза всегда оставались чертовски добрыми и серьезными.

О существовании Мэри Янг я узнал от своего начальства. Вряд ли в мире искусства и СМИ, где я, собственно говоря, и кручусь, были люди, не успевшие услышать о новом выдающемся даровании арт-дизайна. Я даже удивился, почему сюжет о Мэри Янг остается без внимания (а если быть точнее, то меня крайне возмущало, почему сама Мэри все еще остается без МОЕГО личного внимания). Как я вскоре узнал, ее персоной занимался наш славный и всеми ненавистный выскочка Юлиус Лейн. В тот момент это меня жутко взбесило, но потом... Потом все стало иначе.

Но об этом позже.

Мэри, художница, проявившая себя на нескольких крупных мероприятиях по искусству, вызвала ажиотаж в мире творчества. Она совмещала краски и веселье. Казалось бы, ничего нового, простая идея, витавшая в голове каждого, но не каждый смог ее реализовать. И, черт возьми, реализация в исполнении Мэри пришлась многим по вкусу. Начать свое интервью я решил именно с нее. В тот момент я даже не мог предположить, что эта девушка станет моей единственной и любимой женой. Это были самые...»

Читать дальше у Эрика не было сил. Вся его жизнь от первых воспоминаний и до самой смерти, каждая его мысль была записана здесь, на этих самых страницах черными чернилами подчерком самого Эрика Майлза. Последняя страница заканчивалась на простой фразе, ставившей точку на всем.

«А потом вдруг стало совсем темно».

От бессилия Эрик выронил дневник, закрыл свое лицо руками и тихо застонал. По его щекам текли слезы.

«Это Ад, — подумал Эрик. — Настоящий Ад — не куча языков пламени и хвостатые черти, к которым я сейчас бы с радостью прыгнул, а боль. Боль, от которой бежал, возвращается вновь. Лишь боль тебя здесь и ждет. И больше ничего. Вот оно, наказание. Не за что? За то, что я хочу быть с ней? За то, что я не могу без нее? За то, что люблю ее? "»

Постепенно боль начала сменяться злостью. Злостью, которую было необходимо выплеснуть. Эрик посмотрел в окно своего нового пристанища и нащупал руками свой дневник. Он понял, что это ЕГО пристанище. Пристанище, которое, ждало его все это время здесь, среди пустоты.

Переведя взгляд на дверь, и снова, устремив свой взор в окно, Эрик подумал:

«По крайней мере, не будет соблазна вновь окунуться в воспоминания».

Тут перед глазами Эрика будто бы что-то вспыхнуло, после чего голове раздался щелчок.

«Воспоминания... нет, воспоминания не перенесешь на пару листов. Воспоминания не стереть из памяти. Воспоминания живут в сердце, пока ты жив. И я тоже... жив. А жив ли я? По-настоящему жив? Я мыслю, это факт. И пусть тело мое мертво, но я все чувствую. Значит, я живой. И боль тоже живая. И после всего, что случилось, я получаю это — буквы на бумаге. Нет, с меня хватит».

Взгляд Эрика был сосредоточен на дневнике, но при этом был совершенно пустым. Слова. Так любимые когда-то Эриком Майлзом и так ненавидимые сейчас.

«Прошлую жизнь нельзя забыть, но ее можно отпустить».

Спустя несколько секунд чугунная дверь за Эриком захлопнулась. Пейзаж был также

однообразен. Сугробы снегоподобной пыли и вьюга оставались точно такими, какими их застал Эрик в первые минуты своего пребывания здесь. Даже выпрыгивающие олени Санта Клауса казались бы более логичными для этих мест. Но главной фишкой этого места оставалась пустота.

Тут среди свиста ветра появился новый звук, который не звучал в этих краях прежде. Это был смех. Эрик издавал его все сильнее, на глазах наворачивались слезы. Если разнообразие не идет к тебе, то почему бы не сделать первый шаг самому?

«Покой. Я думал, что найду покой хотя бы тут. — Эрик улыбнулся своим мыслям. — Так пусть его обретет хотя бы мое прошлое».

Эрик открыл дневник и начал вырывать оттуда по странице. Каждый листок был тут же подхвачен ветром и огромным невидимым потоком унесен куда-то прочь.

— Лети! Лети прямо к солнцу! — кричал Эрик.

Смеясь, он отпускал очередные листки на свободу снова и снова, страница за страницей. Весело кружа, они устраивали короткий танец в воздухе и через некоторое время скрывались за горизонтом. Даже сам Эрик пустился в некое подобие пляса, прыгая по снегу, словно какой-то маленький зверек. Эрик кричал все сильнее, а страницы взмывали ввысь все выше. В какой-то момент слезы Эрика перелились в настоящую истерику, отчего смех казался жутким и пугающим.

Со стороны Эрик казался настоящим сумасшедшим.

— Быстрее ветра! Еще! Еще! Уииииииии!

На душе у Эрика впервые за все время после его смерти было абсолютно спокойно. Эрик прыгал на месте и кружился, словно заведенная механическая игрушка. Он спотыкался и падал в сугробы, но его смех лишь еще больше усиливался в окружающей вьюге. Он был возбужден как никогда, но при этом убийственно спокоен внутри. Это спокойствие, свойственное лишь тем, кто потерял все и кому совершенно нечего терять. С каждой новой вырванной страницей облегчение окутывало душу Эрика все сильнее. В конце концов он понял: когда от его дневника останется лишь обложка, сама суть существования Эрика Майлза обернется ничем.

И такой расклад бывшего журналиста устраивал как ничто другое.

— Это случайно не ваше?

Эрик не сразу обратил внимание на голос, думая, что это ветер издавал разнообразные звуки, похожие на человеческую речь. Но вторая фраза заставила его обернуться.

— Это случайно не ваше, Птенчик?

«Птенчик... - очередная страница в руках Эрика так и осталась сжатой в его пальцах, — так называла меня... мама».

Глава 9: Двое против всего мира

Глава 9: Двое против всего мира

Стояло раннее утро. Стивен, облаченный в белую больничную робу, расположился на своей койке, и вот уже в течение нескольких минут смотрел сквозь пол. Спокойно дожидаться окончания последних минут, проведенных в своей больничной палате, у него явно не получалось. Выйти из "отключке" во "внешний мир" в подобной ситуации являлось настоящим чудом, но даже сейчас Стивен чувствовал себя в этом месте также комфортно, как яичница на сковороде. Он был беззащитным и одиноким (не говоря об ощущении, что дело пахнет жареным).

Стивен боялся. Больше всего он боялся отвести взгляд от небольшого синего пятна на полу. Пятно напоминало размазанное чернило от ручки, которое так неудачно пролилось вниз. На мгновение Стивен представил в своем воображении образ важного доктора, в очках и с небольшой бородкой. Доктор этот был крайне горделив и буквально распираясь от собственной важности на повышенных тонах пытался что-то объяснить худенькой и пугливой медсестре. Считая недостойным тратить свое драгоценное время на скудоумную помощницу доктор раздражался с каждой минутой все сильнее, а в его речи то и дело появлялись новые нотки пренебрежительности и откровенного хамства. И вот, уже доведя хрупкую девушку до слез, коварного доктора тут же накрывает волна внутреннего удовлетворения, как вдруг... его ручка в грудном кармане халата начинает резко протекать.

Образуя темно-синее, почти что черное пятно в области груди, чернильные капли падают на пол больничной палаты так же быстро, как падает триумфальная победа злобного доктора над беззащитной медсестрой. Стивен так и представил себе перекошенную рожу обидчика девушки и как последняя, сквозь слезы, еле сдерживает свой звонкий смех. Справедливость восторжествовала. Злодеи получают по заслугам. И конечно, тайна чернильного пятна раскрыта.

Именно об этом Стивен Баркс размышлял все то время, пока его серые глаза изучали чернильное пятно. В своем воображении он представлял и другие, не менее скудные версии появления этого пятна, но при этом ни на мгновение не отводил своего взгляда от пола. Сделать лишнее движение для Стивена казалось непозволительной роскошью.

Стивен боялся. Трясаясь и дрожа, он больше всего боялся осознать, что все это лишь сон. Его пробуждение и выход из сопора, его возможность вновь управлять своим телом и видеть мир таким, каким он был всегда — не слишком ли все так удачно складывается? А может быть та самая яичница до сих пор таится в скорлупе разума Стивена Баркса, среди беспроглядной тьмы и нескончаемой пустоты? Так или иначе, Стивен предпочел не искушать судьбу и продолжал все так же пристально изучать чернильное пятно. За последние пол часа эта деталь общего интерьера стала для Стивена целым миром.

После того, как Стивен очнулся, чуть ли не весь персонал в госпитале бросил все свои обязательства и ринулся посмотреть на его чудесное исцеление. Сам Стивен разделял все радости собственного пробуждения в последнюю очередь, что впрочем, врачи списывали на естественное состояние после выхода из сопора. Врачи говорили, что теперь Стивен может испытывать чувство депрессии, потери во времени и крайне резкие перепады настроения.

Прийти в себя морально — вот, что по мнению докторов было самое важное для Стивена Баркса.

Сам же Стивен считал, что помимо внутренней гармонии ему и подавно не нужно было волноваться хоть о чем-либо еще. Организм Стивена чувствовал себя прекрасно. В глубине души Стивен понимал, что тот странный голос в его голове вполне мог быть галлюцинацией, и его пробуждение просто оказалось удивительным совпадением и забавным стечением обстоятельств. Однако, вероятность того, что к его выздоровлению приложили руки потусторонние силы, не давали Стивену покоя до сих пор. А если учесть, как долго обычно люди находятся в состоянии сопора, Стивен был почти уверен — без чего-то необъяснимого тут явно не обошлось.

Воспоминания о странном голосе периодически прерывались шумом из коридора. Лечащий врач Стивена, доктор Сэмпел, вел крайне важный разговор с Кейт о том, что подобные случаи пробуждения после сопора можно считать настоящим чудом.

— Ваш брат словно отсыпался несколько недель после бурной вечеринки, — именно так сказал доктор Сэмпел в тот день сестре Стивена. — Сопор — это далеко не то состояние, из которого можно выйти по собственному желанию. А если точнее, то это попросту невозможно! Сопор это угнетенное, крайне угнетенное состояние. Это словно беспробудный сон, при котором вся чувствительность сохраняется. Максимум, что было бы возможно в наших силах, в этой ситуации, так это вызвать у вашего брата ответную реакцию на болевые ощущения громкими звуками или резкими встряхиваниями, но... от такого невозможно очнуться. Очнуться... до конца. А в итоге Стивен... он просто проснулся сам, понимаете? Мы не сразу установили диагноз и только недавно приступили к лечению. Господи, да мы и половины манипуляций не успели провести! Инъекции, интубации, раствор глюкозы... конечно, это вам не о чем не говорит. Простите, должно быть со стороны я веду себя крайне непрофессионально. Просто поймите, была высока вероятность, что все это и вовсе перетечет в кому, но... ваш брат проснулся. Проснулся сам. Это невероятно. Воистину, это невероятно. Я... поздравляю вас. Просто я... я действительно потрясен. Такого еще... господи.

"Словно отсыпался несколько недель после бурной вечеринки..."

Со стороны это и вправду выглядело словно вечеринка. Самая настоящая и продолжительная вечеринка, все радости которой после двенадцати оборачиваются самой неприятной расплатой в виде головной боли, ватности всех конечностей и обещаниями больше так не веселиться (как это обычно бывает, все эти обещания честно держатся вплоть до следующей вечеринки). Но даже эти симптомы обошли Стивена стороной.

Зная Кейт, Стивен прекрасно понимал, что сейчас она слушала доктора Сэмпла по большей части ради приличия. На самом деле лечащий доктор Стивена не сказал ничего нового, чего бы ни упомянул в прошлой беседе. Тогда за все время разговора Кейт усвоила тот факт, что ее родной брат по всем характеристикам абсолютно здоров, и может быть выписан всего через два-три дня.

И вот три дня миновали, и Стивен был готов к выписке. Абсолютно здоровый, как никогда. Этот интересный и странный факт не давал покоя ни врачам, ни другому медперсоналу. Факт полного выздоровления Стивена Баркса даже пугал.

Доктор Сэмпел вспоминал тот день, когда Стивен Баркс пересек стены этой больницы. Со стороны он походил на человека, брошенного в мясорубку, который чудом остался живым. Тогда Стивен не разговаривал, не шевелился и почти не подавал признаков жизни.

Он лишь хрипел и пускал изо рта сгустки крови. На тот момент нельзя было точно сказать, где у Стивена находились синяки. В тот день он сам походил на огромный и болезненный синяк.

И вот прошло всего три недели, и Стивен Баркс был здоров. Абсолютно здоров. Он был как новенький. Он был, казалось, даже лучшей версией самого себя. И речь шла уже не только о чудесном пробуждении. Каждая царапина, трещина и болячка была словно стерта с тела короткостриженного сероглазого юнца, будто бы старательной резинкой.

— Хорошо — говорил себе доктор Сэмпел, сидя в своем кабинете и прокручивая в голове чудеса регенерации Стивена Баркса — допустим, на парнишке все заживало, как на собаке. Но некоторые увечья не могли зажить так быстро. Некоторые увечья были ТАКИМИ что для полного восстановления понадобились бы годы! Такой быстрый темп регенерации был физически невозможен! Даже несмотря на индивидуальность каждого организма! Однако вот он, Стивен Баркс, хилый мальчишка, едва ли старше моего сына, целый и невредимый.

Доктор Сэмпел пытался вспомнить, но, казалось, в памяти возник непреодолимый барьер, который прятал тот короткий промежуток, меняющий своего полумертвого пациента на абсолютно живого. Как бы доктор Сэмпел не пытался перепрыгнуть барьер, тот лишь с каждым разом увеличивался.

— Как будто парень излечился не за три недели, а всего лишь за один день! — восклицал доктор Сэмпел. — За определенный... день. Но ведь это невозможно. Почему я этого не заметил, почему...?

Туман, окутавший память доктора Сэмпла, так и не рассеялся. В конечном итоге доктор и весь персонал просто перестали биться над этой загадкой. Это было чертовски странно, но сути не меняло. Пациент был жив и здоров, а это главное.

Кейт по-прежнему обсуждала с доктором Сэмплом состояние своего брата. Доктор говорил о том, что Стивену предстояли повторные анализы, но бояться совершенно не о чем. Эта новость привела Кейт в неописуемый восторг. Сестра Стивена незамедлительно обратилась к молитвам.

Бог — вот кто был спасителем в ее глазах. Внезапный выход из сопора, полное восстановление организма от ран и синяков — это было частью большого божьего промысла.

Стивен даже иногда завидовал своей сестре.

«Черт, да с такой позицией идти по жизни, наверное, не так уж и сложно», — думал он порой про себя. Произнести подобное вслух при сестре Стивен, конечно, не мог.

Да, спасителем Стивена был, несомненно, Бог. Кейт не забудет напоминать об этом своему братцу в течение всей жизни с надеждой на то, что возможно даже удастся затащить последнего в церковь. Но это будет позже. А в данный момент Стивен пытался направить свои силы в конкретное русло.

Голос.

За последнее время Стивен прикладывал уйму попыток услышать его вновь, напрягая свой слух так, как только могут напрягать слух хищники, выслеживающие очередную добычу. (Или так могут напрягать свой слух жены, подслушивающие разговоры своих мужей. До сих пор ходят споры, чей слух острее — ревнивой жены или голодного дикого зверя).

Множество раз Стивен пытался уединиться. Доходило до того, что он запирался в

уборной на добрых полчаса, что вызывало двусмысленные предположения медицинского персонала: хочет ли мистер Баркс побыть в одиночестве или же это личное желание его кишечника?

Доктор Сэмпел в последний раз пересказал Кейт о возможных проблемах, которые могут возникнуть, и проинструктировал ее, как нужно ухаживать за братом. Стивен, наконец найдя в себе силы распрощаться с чернильным пятном, его личным спасительным кругом, покинул свою палату и дожидался свою сестру у главного выхода.

— Тебе нужно быть очень аккуратным, — с волнением в голосе начала Кейт, когда они покинули пределы госпиталя. — Ты мог и вовсе не проснуться, и даже сейчас твое здоровье может быть подорвано.

После этого Кейт сделала резкую паузу. Казалось, она хочет что-то сказать, но никак на это не решается.

Наконец она сумела себя перебороть.

— Давай уедем, Стив, умоляю тебя. Нас ничего не держит в этом городе.

Стивен посмотрел на свою младшую сестренку без злости. Она была так же красива и невинна, как и всю свою жизнь. Из двух оставшихся членов семьи Барксов Кейт являлась единственным лучиком надежды, который имел шансы на светлое будущее. Стивен же понимал, что своим существованием тянул ее ко дну.

«Закончить все и уехать».

Он думал об этом тысячу раз.

— Попрошу у Сэма плату за последний месяц, а там будем думать. — После секундного замешательства Стивен добавил: — Хватит нам скитаться по съемным квартирам. Сборы можно начать уже сегодня вечером.

Стивен не знал, какой реакции ожидать от Кейт, и получил невероятное облегчение, увидев улыбку на лице сестренки. Улыбку, сменившуюся настоящей радостью и крепкими сестринскими объятиями.

Старый добрый дядя Сэм. Барксы любили Сэма. Старина Сэм знал, каким именно способом подрабатывал Стивен последние годы своей жизни, но из жалости к его сестре предложил ему законную работу. Работу в своей забегаловке в качестве официанта. Стивен работал исправно. Эта работа оказалась на удивление легкой, не столько в физическом плане, сколько в психологическом. Сэм никогда не давил на Стивена и если поучал его, то разве что по-отцовски. Стивен чувствовал заботу, какой не знал уже очень давно и цеплялся за нее, как за нечто важное в жизни. Для него эта была работа, где он мог просто отключить свой разум от насущных проблем. Стивен на автомате совершал запись заказов и донесение пищи до клиентов (естественно, ко всему этому прилагая фирменную улыбку). Стивен дал слово не таскать на работу «дурь», которую должен был продать для Гарсеца, и между двумя представителями разных поколений окончательно произошло взаимопонимание.

Сэм знал историю Кейт и Стивена. Он знал об их спившейся и в итоге скончавшейся матери. Ее смерть пришлось на самые ранние годы Барксов, а потому для них это не стало чем-то по-настоящему трагическим. Детские умы так и не запомнили родную мать как следует. Не помнили, а потому и не оплакивали. Папаша Кейт и Стивена, принявший на себя весь удар родительской ноши, был не особо рад такому повороту событий: свою жену он не любил, но со временем привязался к ней, а теперь потерял.

Воспитанием детей отец семьи Барксов не занимался. Он только шлялся по барам и заглядывал в казино в поисках удачного билета от нынешней жизни. Жизни, в которой он не

видел рядом с собой двух вечно ноющих спиногрызов. Но надо отдать горе-отцу должное: решив бросить своих детей, он все-таки дождался совершеннолетия Стивена, дабы тот не кочевал со своей сестрой по сиротским приютам. Это была своего рода забота. Ну а потом... имея неплохую сумму денег и характер эгоистичного ублюдка, глава семейства скоропостижно покинул своих чад.

Через пару лет он нашел Стивена в забегаловке Сэма и предложил тому деньги. Компенсация за моральный ущерб или что-то вроде того. Тогда Сэм взглянул на Стивена, ожидая увидеть на его лице ненависть и злобу. Но вместо этого Сэм увидел то, от чего сердце его сжалось. Стивен Баркс, худощавый парнишка, который не видел в этом мире ничего, кроме злобы и жестокости был растерян и унижен, словно побитый пес. Таким его никогда не видели прежде. В тот день Сэм, предлагающий каждому клиенту свой фирменный кофе, предложил горе-отцу пинок под зад (причем, совершенно бесплатно). Персонал до сих пор с улыбкой вспоминал, как комично отец Стивена прокатился по асфальту. Тогда Стивен понял одну вещь: Сэм был единственным, кто знал о его семейных проблемах... Но при этом старик отнесся к Стивену и Кейт по-человечески. (По крайней мере, Сэм не сжимал в кармане нож всякий раз, когда разговаривал со Стивеном. А это уже говорило о некоем доверии к простому распространителю дури).

У Сэма был повод любить младших Барксов. Настоящий повод, не вызванный жалостью к детям, а скрывающий нечто большее. Жестоко говорить о том, что для человечности нужен повод, но сам Сэма в глубине души осознавал: его доброта к Стивену и Кейт объясняется отсутствием у него и его жены Маргарет детей, хотя они хотели этого больше всего. По результатам анализов супруги были совершенно здоровы. Главное, что в их маленьком мире всегда царила любовь, которой они хотели отдать кому-то еще. Кому-то родному. Но, видимо, не всем семьям дают детей по крови, и Сэм компенсировал свое нереализованное отцовство, приглядывая за юными Барксами.

И вот сейчас юные Барксы стояли посреди улицы в обнимку вдвоем. Никому не нужные брат с сестрой. Но сейчас это их ни сколько не волновало.

— Сборы сегодня вечером, — заморожено повторила Кейт. — Даже не верится, что ты сказал это. Боже, Стивен, это будет просто чудесно! Мы справимся, вот увидишь!

Одобряющей улыбкой Стивен дал понять своей сестре, что нисколько не сомневается в ее словах.

— У меня сегодня смена в клинике, — продолжила Кейт. — Я попросила Роуз подменить меня, но, думаю, вполне успеваю и сама. Стив, ты точно уверен, что тебе не нужно домой?

— Конечно, — с улыбкой ответил Стивен. — Отправляйся на свою работу, а я на свою. До вечера, сестренка.

— Кстати, когда ты успел позвонить Сэму? — опомнилась Кейт.

— Еще не успел. Это будет для него чертовски приятный сюрприз.

Кейт потянулась к волосам своего брата и нежно провела по ним своими пальцами после чего резко оттянула правое ухо Стивену.

— Не выражайся, братец. И... не ввязывайся ни во что. Господь уберег тебя от смерти. Не дай этому чуду пропасть даром. Кроме друг друга у нас никого нет.

Стивен нежно оттянул ее руку и, притянув к себе, по-братски поцеловал в лоб.

— Будет сделано. А теперь беги!

Дождавшись, пока Кейт скроется за первым углом, Стивен решил сделать все в

точности, как и спланировал.

«Нужно наведать Сэма. Если мы хотим убраться из этого города, то будет много расходов. Думаю, зная о моей ситуации, Сэм не откажет. Ну, Гарсеца, ты утонешь в своей собственной дури. Я обещаю. Даже если и не от моих рук... все вернется. Тебе все вернется.»

Глава 10: Сделка

Открыв дверь потрепанной временем забегаловки «Дядюшка Сэм» Стивен почувствовал, как резко стало легче на его душе. Забегаловка была совсем крохотной, но тот уют, который она создавала не только посетителям, но и всему персоналу, наполнял тебя с первых секунд твоего пребывания здесь. Здесь было много цветов и, как ни странно, они очень мило сочетались со светлыми тонами этого места. И это место было, хоть и крохотным, но своеобразным счастьем для многих, кто посещал его более одного случайного раза.

Первым делом Стивен попытался найти своего напарника по смене Гарри Саттерберга. Гарри был нанят на работу к Сэму одновременно со Стивеном, а потому между ними образовалось что-то вроде приятельства. И хотя Стивен не знал о Гарри совсем ничего, но это его нисколько не расстраивало, так как давало право ничего не рассказывать о самом себе.

Гарри как раз заканчивал обслуживать одну милую старушку и, увидев Стивена, быстрыми жестами поманил его к одному из окон, подальше от посетителей.

— Чувак! — в голосе Гарри чувствовалась искренняя радость с щепоткой легкого шока. — Ты где, черт возьми, пропадал? Я слышал, ты преставился!

Гарри говорил и вместе с тем прощупывал худощавое тело Стивена руками, словно полицейский, обыскивающий преступника на наличие оружия. Стивен понимал, что Гарри хотел убедиться, что перед ним действительно находится его напарник.

Стивен вкратце пересказал свою историю, за исключением, конечно же, загадочного голоса. Гарри периодически выражал свои эмоции словами вроде «Офигеть» и «чума», а к концу разговора даже присвистнул.

Когда Стивен наконец закончил свой рассказ, Гарри протяжно произнес:

— Да уж, вот это поворот. Надеюсь, эти уроды не узнают, что ты снова на ногах. Сэм сейчас на складе, посиди пока здесь. Он будет рад тебя увидеть. Может, кофе? За счет заведения, — хихикнул Гарри, и Стивен махнул рукой в ответ, мол, валяй.

В этот самый миг кто-то позади него произнес.

— Кофе? Два, пожалуйста.

Гарри заметил, как выражение лица Стивена резко изменилось, но тут же, придя в себя, он дал добро быстрым кивком головы, даже не обернувшись на источник столь знакомого голоса.

Гарри проводил взглядом Стивена и его спутника, который, как он мог поклясться, возник ниоткуда. Стивен медленно повернулся. С большим трудом, но он все-таки попытался сохранить в себе всю свою уверенность, разглядывая обладателя знакомого голоса. Теперь к голосу прилагался внешний облик. Темные волосы казались неестественно длинными для их солидного обладателя в костюме-тройке, а глаза были удивительного темно-зеленого цвета, какие Стивену и вовсе не доводилось видеть. Что же касается лица... Стивен мог поклясться, что перед ним находился мужчина, однако лицо было слишком милостивым. Почти что женским.

Незнакомец улыбнулся Стивену и произнес:

— Приятно видеть тебя на ногах, Стивен.

Стивен предпочел промолчать, продолжая пристально смотреть на незнакомца. Потом Стивен перевел взгляд на свои кулаки и непроизвольно начал сжимать свою челюсть. Глаза начали переполняться злобой.

Человек в костюме-тройке заметил взгляд Стивена, но это, казалось, лишь больше веселило незнакомца.

— Прости за слова о сестре, Стивен. Я лишь хотел дать тебе понять, что все знаю. И что многое могу.

— Кто ты? — сквозь зубы спросил Стивен, словно его слова были высечены топором на камне. — Демон? Я заключил сделку с демоном? Мы что, в гребаном кино?

— К счастью, в кино главные герои носят одежду поприличнее. Грязная ветровка и потертые кеды, значит? Хм, твой уличный стиль здесь крайне неуместен

Стивен начал напирать на незнакомца, словно бык на матадора. Но незнакомец лишь ухмыльнулся. Стивен начал злиться еще сильнее.

Тогда незнакомец, именуемый когда-то Вестником Смерти, слегка выставил вперед свои руки и прошелся ими по воздуху, показывая, что он безоружен и словно говоря о своих добрых намерениях. Одновременно с этим Стивен почувствовал холод, исходящий от своего собеседника. Вместе с тем юноша осознал что его ноги словно бы приковали к кандалам.

— Нет, Стивен, мы не в кино, — уже серьезно ответил Вестник Смерти. — И нет, я не демон. Я Вестник Смерти. Я забираю души людей и прочих существ после их кончины. Это вкратце, но большего тебе знать пока и не нужно. Твоей души, как видишь, дожидаться в моих планах не было. Но у меня есть график, и его нужно выполнять. Ты помнишь условие, о котором мы говорили?

«Твоя жизнь на жизнь другого человека», — вспыхнуло у Стивена в голове.

Вслух же юноша произнес:

— Говорили? МЫ говорили? Да ты просто лепетал какой-то бред, думая, что я в это поверю. Почему я? — он чуял подвох. Ему все больше казалось, что тут что-то не так.

"Да тут ВСЕ не так"

Вестник ожидал подобного расспроса. Сейчас он смотрел на Стивена, как на человека, который всю жизнь думал, что земля плоская и внезапно кто-то открыл ему страшную тайну.

Вслух Вестник произнес следующее:

— Потому что ты хочешь жить, Стивен. И я знаю ради чего, — тут Вестник слегка запнулся и юноша заметил, как возле них материализовался Гарри.

— Ваш кофе. Все в порядке?

Стивен посмотрел на Гарри самым спокойным взглядом, который только сумел из себя выдать и медленно кивнул в знак согласия. Однако Гарри этот жест не убедил.

И все же Гарри решил не вмешиваться и одарив Стивена недоброжелательным взглядом, официант удалился прочь.

— Итак? — напомнил о себе Вестник. — Я вижу, ты не особо рад мне, но ты знаешь, что я сделал ради тебя. Теперь ты должен сделать что-то для меня.

Стивен пытался осмыслить слова Вестника.

«Действительно ли я верю ему? Да, скорее всего именно этот тип и вытащил меня из этой чертовой. Но... с помощью какой-то загробной магии? Чушь. Возможно, он незаметно пробрался в палату и что-то вколол мне. Какую-то новую военную разработку или типа того.

То, что возвращает работу мозга в нормальное состояние. Поверить в это тяжело, но... поверить в то, что передо мной Вестник Смерти еще сложнее».

— Я не заключал с тобой договор, — сказал вслух Стивен.

«Хотя я ему не верю, однако нужно прояснить ситуацию».

В ответ на слова Стивена Вестник скорчил гримасу, говорящую что-то вроде: «Да ну!?».

Но вышло не очень убедительно.

— Ты сказал «да». Твоя душа кричала «да». Даже тьма вокруг тебя жаждала этого.

С этим Стивен не мог поспорить. Но поверить в то, что это дело рук потусторонних сил было все еще не просто.

"Неужели все это происходит взаправду?"

Тогда Стивен решил перейти в открытое нападение.

— Почему я должен убить кого-то? Ты не можешь сделать это сам? Если для тебя такие просьбы нормальные, то прости, ты обратился не по адресу.

Вестник Смерти посмотрел на Стивена сосредоточенным взглядом. Словно подбирая слова, он выдерживал некую паузу, но все же произнес:

— После некоторых событий я... ослаб. Оказалось, что забрать душу живого человека без последствий нельзя. Даже для меня. Но поверь, тот, кого нужно умертвить, стал причиной гибели двух хороших людей.

"О чем он, черт возьми, говорит?"

Воспользовавшись замешательством Стивена, Вестник решил вернуться в свою стихию.

— Ты не отказал мне. Это хорошо. Это правильно. Ты достоин жизни, но баланс требует равновесия. Недостойный должен умереть.

— А почему вы решаете, кто достоин жизни, а кто нет? Жить хотят все, и я повторяю — я ни о чем тебя не просил!

— Значит, ты хочешь снова вернуться во тьму? Это я могу устроить.

После этих слов Стивена словно бы передернуло.

«Ну уж нет, только не туда. Только не снова».

— А что мне мешает убить тебя? — после минуты молчания спросил Стивен.

Вестник улыбнулся и дотронулся своей рукой своего сердца.

— То, что уже мертво... — тут Вестник сделал небольшую заминку, — умереть не может.

К удивлению Вестника на лице Стивена Баркса появилась улыбка.

— У тебя на все есть отговорки. Моя жизнь важнее другой, а твоя и вовсе не жизнь! Я неплохой, и это дает мне право убить «недостойного». Похоже, вы работаете только с настоящими плохишами а, Кейси? — иронично произнес Стивен, вдруг вспомнив последнее слово, что произнес так называемый голос и немного удивляясь, почему потусторонняя сущность носит вполне человеческое имя.

"Кейси Диггенс. Нет... Кейси"

Тут же потеряв былое спокойствие, Вестник вдруг ударил кулаком по столу. Это не ушло от внимания Гарри, однако глядя на Стивена, тот лишь пришел в еще большую растерянность.

Юноша оставался крайне спокоен.

"Кейси".

Вестник отчетливо понимал, что это имя ему не принадлежит. И ему не принадлежит ни прошлая, ни настоящая жизнь человека, носящего это самое имя. Но Вестник осознавал

одно: он чувствует эту женщину.

"Кейси".

В голове Вестника Смерти мелькали тысячи разных картинок. Как будто он стоял в комнате охраны и наблюдал за десятками камер, каждая из которых отображала события, сливающихся в одну большую жизнь.

Кейси Диггенс была неплохой женщиной. Она придерживалась строгих правил, а как показывает практика, такие женщины добиваются всего, чего хотят, либо добиваются того, чтобы этого всего не было у кого-то другого недостойного. Такие женщины как Кейси в кино и книгах показаны в образе строгих учителей с волосами, всегда собранными в пучок и в вечно серой и длинной юбке. Они чересчур худые, глаза их впалые а цвет лица неестественно бледен и болезненный. И еще они выглядят куда старше своего возраста.

Такие женщины несчастны. И не потому, что против них все люди этого мира. Просто большинство из этих людей им не подходило. Кейси словно находилась в мире мозаики, в котором ее личная частичка пазла никак не могла уместиться в общую картинку. Ее просто не понимали. Не понимали коллеги по работе. Не понимал даже собственный отец. Отец Кейси, баснословно богатый человек, имел все богатства мира, кроме одного самого ценного сокровища — любви своей дочери. По крайней мере любви одной из своих дочерей.

Пенни, второй ребенка в семье Диггенсов, всегда затмевала свою сестру, хоть и не осознанно, а потому, хоть и изредка, но отец проявлял к ней большее внимание. К Пенни и больше располагалась родная мать Кейси. Главу семейства по большей части волновала только лишь одна работа. В погоне за прибылью от своего бизнеса отец Кейси и забыл какого это, быть родителем. А когда спохватился, сама Кейси уже сформировалась во взрослую и замкнутую личность. Личность, которая разочаровалась в родителе, моральных ценностях окружающего общества и жила лишь одной целью: создать свой маленький мир и прочно обосноваться в нем.

Позже отца Кейси убили. Говорили, что смерть главы Диггенсов было напрямую связано с его бизнесом, но, по сути, это ничего не меняло. На последок отец Кейси таки успел оставить небольшой презент дочери "второго сорта" в виде дорожущего Ford Excursion. Хоть и не сразу, но Кейси приняла прощальный подарок, а после окончательно покинула семью, лишь изредка связываясь с сестрой.

Прошло время. Кейси не была старой, и вот, в ее двадцать восемь лет жизнь могла только начинаться. Однако внешнее состояние девушки говорило об обратном. Кейси Диггенс была воплощением отчаяния. Она была настоящим мертвецом в мире живых. Или же напротив — живым в мире мертвых. Кейси всегда ощущала, что мир, в котором она живет, создан не для нее.

Но однажды в ее жизни появился Макс. Родной сын и единственный человек, которого Кейси по-настоящему смогла полюбить. Они всегда были вдвоем.

«Вдвоем против всего мира», — именно так Кейси воспринимала жизнь.

Отец Макса присутствовал в жизни Кейси только один раз — в момент его зачатия. Даже такая женщина как она во времена своей молодости позволила себе единожды пойти на безумство. В тот день Кейси позволила себе провести ночь с настоящим и с НЕЗНАКОМЫМ мужчиной. Он не был красавцем, и его речи не сводили ее с ума. Прост она была женщиной, а он был мужчиной, и что это за жизнь, где нельзя хоть раз перейти дорогу своим принципам?

Но после этой ночи все вернулось на круги своя. Того парня Кейси больше никогда не

видела. Да и не хотела. Все шло своим чередом, и так продолжалось до первого рвотного позыва Кейси. По истечении девяти месяцев в жизни Кейси появился первый человек, ставший для нее настоящей отдушиной.

А через восемь лет случилось ужасное.

В тот день был шторм. Дорогу почти было не видно из-за дождя, а о проблемах с автомобилем Кейси была вынуждена узнать лишь после роковой аварии. Кейси и Макс отправились на день рождения племянника. Кейси решила, что ради общего веселья она позволит себе повеселиться. И не потому что так было нужно. Но потому что появилось желание жить в этом мире. И причиной этому был маленький лучик света. Маленький Макс.

Но теперь его больше нет...».

— Дело не в том, кто есть кто, Стивен! — развеяв воспоминания, рявкнул Кейси (и отныне душа Кейси Диггенс имеет пол и тело своего нынешнего сосуда — Вестника Смерти). Дело в равновесии.

После чего Кейси неаккуратно, с явными признаками раздражения, провел рукой по своим волосам. Стивену показалось, что это было чересчур... по-женски.

Стивен не сразу понял, что так повлияло на поведение Кейси. Но он понял одно: У этого типа были очень серьезные намерения и какая-то проблема.

«Нужно узнать больше об этом чуде, пока он не спросил меня о том, что так жаждет услышать», — подумал Стивен.

Кейси протянулся к чашке кофе. Стивен не обращал на это внимание раньше, но тут ему стало не по себе. Его охватил неподдельный ужас. Стивен мог поклясться, что палец Кейси был лишен всех возможных оболочек, лишен мяса и кожи. Лишь костлявая фаланга пальца наворачивала очередной круг по краям чашки. Остальные посетители этого не замечали.

«Твою мать, — подумал Стивен. — Неужели его рассказы правда?»

Должно быть, Кейси посчитал, что его собеседнику будет полезно познать новый для него мир. «Это будет честно, и мне необходимо его доверие», — подумал он, а потому решил говорить открыто.

— Видишь ли, Стивен, человеческая душа имеет свой определенный... заряд. После смерти человека она автоматически разряжается и в большинстве случаев не опасна. Когда она выходит из тела, мой долг, как представителя самой Смерти, забрать эту душу для ее повторного перерождения.

— Как в индуизме? — сразу вставил Стивен. — Или где-то там еще. Я слышал что-то подобное от сестры. Это что, правда? Для этого есть особое место в раю... или где-то там еще?

— Отчасти правда, — подняв брови, ответил Кейси.

«Кейт была бы в восторге, услышав это», — подумал юноша. Ему становилось дурно.

— Так вот, — Кейси выдержал паузу, и Стивен стал более серьезен. — С разряженной душой все более или менее понятно. Но с заряженной душой иметь дело опасно. Нельзя прикасаться к душе человека, если он еще жив. Это равносильно обезвреживанию бомбы, которая должна взорваться. Душа — это сосуд. Сосуд всей жизни, эмоций, воспоминаний — попытаешься схватиться за него со всей силой, и эта конструкция рухнет прямо на тебя. Такая душа теряет способность к перерождению. И кто знает, что на тебя прольется.

Со стороны Стивена посыпались вопросы:

— А если прострелена башка и вываливаются мозги?

— Душа будет сохранена. Портится лишь твое тело. Такой человек уже не встанет, но

душа будет жить. Мы всегда рядом, — напомнил Кейси, — и ни одна душа не задержится в теле дольше нужного. Наоборот, мы способствуем ее скорейшему выходу из тела. Большинство смертей в этом мире должны происходить, когда это удобно нам. Так мы контролируем смертность и рождаемость. Смерть, Стивен, это не остановка сердца или дыхания. Это цикл бесконечного перерождения. Умирает тело, но душа не умрет никогда.

— Если это и так, — Стивену с каждой минутой становилось сложнее поверить в нечто подобное, — то хреново вы регулируете рождаемость.

— НАМ так нужно.

Стивен уперся глазами в стол и пережевывал информацию.

— Твое дело — расправиться с телом, а мое — с душой. Считай, что мы компаньоны.

— Великолепно, — с каменным лицом ответил Стивен, чуть ли не шепотом. В этот момент он не хотел отводить свой взгляд от стола.

«Может быть, сейчас все закончится? Может, если я просто подожду, все встанет на свои места? Как было раньше?»

Конечно же, ничего не изменилось.

Кейси поправил свой пиджак и встал из-за стола.

— Благодарю за компанию, мистер Баркс, надеюсь, мы сработаемся. — И уходя к двери, будто бы прочитав мысли Стивена, Кейси добавил:

— А если нет... незаменимых нет. И помните, это простой баланс сил. Если кто-то внезапно ожил, то другой просто обязан также внезапно покинуть этот мир. Просто теперь вы столкнулись с этим на практике.

Неестественно улыбнувшись, Кейси добавил:

— Добро пожаловать в мир живых, мистер Баркс!

— И если я откажусь, все будет как прежде? Загонишь меня в койку? — Стивен буквально выкрикнул это из-за стола. В его сторону повернулась вся забегаловка.

Многозначительная улыбка Кейси совсем не нравилась Стивену.

— А что, вы собираетесь отказаться?

Кейси выжидающе смотрел на юношу. Стивен принял этот бой... и почти сразу же сдался, опустив глаза вниз.

— Ах да, совсем забыл, — беспечно произнес Кейси. — Работа должна быть выполнена до конца этого дня.

— До конца этого дня!? — воскликнул Стивен, чуть ли не визжа. — Такие решения принимаются неделями! Ты спятил!!! Я ведь только утром вышел из больницы!

«Сборы можно начать уже сегодня вечером». Слова, слетевшие с губ Стивена еще утром, врезались в его голову, словно бейсбольный мяч. Теперь Стивен по-настоящему задумался о том разговоре.

«Я могу закончить все сегодня же и начать новую жизнь. Нужно просто потерпеть пару часов. Дождаться окончания дня и... А что и...? Ведь этот день может закончиться чьей-то смертью?»

— У меня сегодня были другие планы на вечер, — более спокойно сказал Стивен. — У НАС с сестрой были другие планы.

— А у меня нет ВРЕМЕНИ на ваши планы, — произнес Кейси со всей серьезностью.

Смягчив тон, он добавил:

— За окном еще нет и полудня. В вашем распоряжении не так мало времени, как вы думаете. Но и не так МНОГО. Будь я на вашем месте, Стивен, то поторопился бы. Если все

пройдет успешно, вечером будете свободны на все четыре стороны.

Кейси направился к выходу. Легкий кивок в сторону юноши, и вот он уже скрывается из виду, оставив Стивена одного со своими мыслями.

— Кто это был? — спросил подошедший Гарри, — Не понравился он мне. Какой-то мутный, что ли. И выглядит, как баба. Страшная баба.

Но Стивен ничего не ответил.

Стивен посмотрел в окно. Там, где должен был проходить Кейси, уже никого не было. Стивен интересовали последствия, но по зловещему тону чертова Вестник Смерти можно было понять: он не даст соскочить.

«Ему явно ничего не стоит вернуть меня в госпиталь. Вернуть меня во тьму. И если рядом будет Кейт... Что Кейси рассказывал о душе?»

Стивену казалось, что он узнал что-то важное, то, что еще пригодится ему, но никак не мог ухватить, что именно.

«Закон джунглей. Убей или будешь убитым». Эти мысли тяготили Стивена, но тут до него дошло:

— Я даже не знаю, кого убивать!

Однако замешательство была недолгим. Возле нетронутой чашки Кейси лежала салфетка. Стивен так и не понял, как он не заметил ее сразу, хотя удивляться такому, после своего воскрешения и всего, что он узнал за последние десять минут общения с паранормальной силой, было глупо. Стивен осторожно взял салфетку в руки. С обратной стороны кофейной гущей были выведены какие-то непонятные фразы. Посидев с минуту, юноша смог разобрать следующее:

«Госпиталь Святой Елены. Выписка в ближайшие два часа».

Дальше следовало имя пациента.

Стивен машинально посмотрел на прибитые к стене часы, висящие в кофейне. Короткая стрелка только что переступила порог одиннадцатого часа. До госпиталя Святой Елены добраться можно было за полтора часа.

Настроение Стивена пропало окончательно.

— Стив? — послышался голос Сэма. — Хвала богам! Ты живой! Черт возьми, парень, нам надо серьезно поговорить.

Но Стивен пропустил слова Сэма мимо ушей. Сейчас в его голове звучало лишь одно:

«Боб Гаррисон... да кто он, мать его, такой?»

Глава 11: Нитки и Колыбель

Городской морг располагался на окраине города, неподалеку от пирса. Этот морг никогда никому не нравился, если подобные заведения вообще можно было бы отнести к заведениям развлекательного типа.

Случай с моргом был сложным. Проблема заключалась в том, что морг располагался напротив швейной фабрики. Это не было преднамеренно, просто так вышло. Морг был построен чуть ли не с основания самого города, и имел все права стоять именно здесь и нигде иначе. Однако рабочих швейной фабрики это не утешало.

Начиналось все довольно безобидно. Работяги шли на утреннюю смену, увлеченные своими мыслями (или же банальным недосыпом), и редко обращали внимания на здание морга. Некоторые из них и вовсе считали, что здание напротив пустует — ждет своего часа, чтобы быть выкупленным и перестроенным в какой-нибудь ресторан или очередной супермаркет.

Но потом произошел несчастный случай. На фабриках случаются моменты, когда понятия «техника безопасности» и «человеческий фактор» бьются друг о друга, выясняя, кто сможет выдержать удар. Ник Эдисон удар не выдержал. Банальная ситуация — неаккуратное обращение с электротехникой стоило Нику жизни. Тот день стал настоящей трагедией для всех работников швейной фабрики.

А потом настал новый день. День, повергший всех в ужас. Новость о том, что тело Ника Эдисона, бывшего закройщика и просто хорошего человека, находится в паре десятков метров от фабрики, вызвала у персонала бурю эмоций. После этого каждое новое утро стало настоящей пыткой. Некоторые работники искали обходные пути, дабы добраться до фабрики дорогой, которая позволяла обойти морг стороной. Другие же решили не менять свой привычный маршрут, но, проходя мимо морга, автоматически закрывали глаза. Для тех, кто знал Ника не так хорошо... ничего не изменилось.

Потом произошло еще пару несчастных случаев. Всего на веку этой швейной фабрики их было четыре, но для кого-то этого было достаточно. Некоторые работники подали заявления об увольнении. Дошло до того, что один раз пришлось вызвать скорую помощь: швея билась в истерике, утверждая, что видела в окне морга проходящего мимо покойного Ника Эдисона. Она клялась, что его обгоревшее лицо (после того случая с проводами) постоянно стояло в ее глазах. Этот случай окончательно разрушил привычную обстановку в стенах фабрики.

Через несколько лет фабрику закрыли. Причиной тому стали совсем иные, никак не связанные с трагедией обстоятельства. Однако именно несчастные случаи оставили неизгладимый след в стенах фабрики и в сердцах многих работников.

***

«После некоторых событий я... ослаб», — слова, произнесенные Кейси, отозвались в его голове вновь.

В городском морге было тихо. Было неуместно шутить о том, что здесь царила могильная тишина, но это соответствовало правде. Здесь веяло холодом. Здесь покоились

мертвые тела людей. Это было временно, но оставляло свой отпечаток и создавало ауру. Ауру, в которой Кейси чувствовал себя как дома.

Отсек хранения трупов напоминал заведение офисного работника. Стальные и огромные шкафы с выдвижными ящиками будто были напичканы сотнями бумаг и документов, в которых ни черта не смыслишь. Однако в морге хранились совсем не документы. Сейчас в отсеке хранения трупов был открыт лишь один «ящик».

Содержимое этого ящика было бережно изъято и перенесено в дальний угол помещения. Там же, на холодном кафеле сидел и Кейси, бережно укутывая в своих объятиях тело мертвого мальчика. Его холодное окоченевшее тельце, его синие губы и закрытые глаза... казалось, на коленях у Кейси лежит кукла, похожая на человека. Казалось, еще немного, и кукла откроет свои стеклянные глазки. Ее нарисованные зрачки будут резкими движениями окидывать помещение, а окоченевшие руки будут медленно и хаотично двигаться то взад, то вперед. От представленной картины на душе становилось жутко.

— Если бы только можно было вернуть тебя к жизни, — произносил Кейси вновь и вновь, — вернуть тебя к жизни... вернуть тебя...

В этот момент Кейси еще сильнее сжал в своих объятиях хладный труп, после чего поцеловал его в холодный лоб.

Оторвав губы от мертвого ребенка Кейси зло посмотрел в сторону открытого "ящика". Рядом с ним, за закрытой дверцей еще одного "ящика", среди холода и тьмы, лежало бездыханное женское тело.

— Ты его не уберегла — тихо прошипел Кейси — МЫ его не уберегли. Но теперь все изменится. Вот увидишь, МЫ все исправим. Теперь МЫ знаем выход.

Кейси вновь посмотрел на мертвое тело мальчика и раздражение на лице тут же сменилось спокойствием и умиротворением.

Из уст Кейси начала звучать тихая мелодия, напоминающая колыбель.

А потом последовало женское пение:

— Мертвецы танцуют ночью,

Под землей пируют черви.

У могильщиков воочию

Не выдерживают нервы.

В полночь Мрачный Жнец прибудет,

Собирая урожай

И плохие нынче люди

Тоже попадают в рай.

В помещении стало по-настоящему жутко. Могильный холод ощущался все сильнее.

А в этот момент на швейной фабрике напротив морга раздался душераздирающий свист. И хоть это был всего лишь ветер, гуляющий по давно заброшенному зданию, но издаваемый звук заставлял сжаться даже самое храброе сердце.

Глава 12: Мальчик по имени Мэлоу

Глава 12: Мальчик по имени Мэлоу

"Это случайно не ваше, Птенчик?"

Голос, возникший среди снегов затих так же быстро, как и возник. А потом...

Эрику понадобилось не так много времени, чтобы определиться с тем, в какой обители он оказался на этот раз. Выбирая между подземельем, замком времен благородных рыцарей и безумных королей или канализационными ходами, он решил, что все три составляющие вполне могут быть одним целым. А потому Эрик твердо решил, что в данный момент он находится в самом настоящем канализационно-подземном дворце.

Стены из огромных серых камней были увешаны в ряд причудливыми картинами. Изображение на них разнообразных лиц было столь аристократичным, что поневоле хотелось сделать реверанс. На некоторых из картин кусками висела паутина, но к слову, на фоне окружающего интерьера она смотрелась вполне гармонично. Красная ковровая дорожка, расстилающаяся по всему огромному коридору, была исписана золотистыми узорами, а настенные свечи, расположенные между картинами, были вставлены в подсвечники с необычайно красивой резьбой. Несмотря на огромное количество свечей, везде царил таинственный полумрак. В подобном месте это было весьма кстати, т. к. придавало ощущение, что ты находишься в самом настоящем замке, атрибуты средневекового дворца могу узнать любой ребенок или взрослый, смотревший хотя бы раз мультфильмы про короля Артура или графа Дракулу.

Незнакомый мальчик шел впереди. Эрик не понимал, как он оказался в его владениях, но в том, что замок принадлежал этому ребенку сомневаться не приходилось. Хотя бы потому, что с такой походкой по незнакомым местам разгуливать можно только с ОЧЕНЬ большой уверенностью в себе, особенно если ты простой маленький мальчик. Впрочем, мальчик вовсе не был прост. В этом ребенке ощущалась какая-то сила. Неуловимая для глаз, но Эрик ее чувствовал. «Такой ребенок мог бы заткнуть за пояс любого взрослого», — подобная мысль возникла у Эрика сама собой, что только подтверждало его ощущения.

Выглядел мальчик причудливо, но важно: черные короткие шорты, длинные белые гольфы с блестящими коричневыми башмачками и темно-синий парадный фрак, разве что без бабочки. Он все шел и шел, огибая бесконечные однообразные коридоры и Эрик, не задавая вопросов, шел следом.

Постепенно коридор преобразился. Картины на стенах сменились нетипичными для подобного места предметами. Груда разнообразных вешалок, прибитых в каменные блоки гвоздями, на которых аккуратно висели галстуки и бабочки. Ремни и море разноцветных шнурков из-под кроссовок. Были тут и приколотенные настенные лампы, которые сменили свечи так неожиданно, что Эрик не сразу заметил подмену. Эрик посмотрел вниз и обнаружил, что его ноги больше не шагают по красивому красному ковру. На смену ему пришли выстланные в ряд шкуры самых разнообразных невиданных зверей. Создавалось ощущение, что местный декоратор был либо шарлатаном, либо очень уверенным в себе человеком.

Изменения продолжались. Вдали показались неясные, но огромные силуэты. Вскоре

неясные образы предстали перед Эриком в виде... больших плюшевых игрушек. Двухметровые животные самых разных видов смотрели на Эрика своими пуговичными глазами, словно живые, что поневоле бросило Эрика в дрожь. На полу были разбросаны различные игрушечные солдатики и машинки, а на потолке Эрик заметил настоящий стробоскоп! Это было чересчур, однако мальчик, идущий впереди, казалось, не замечал нелогичности обстановки. Внезапно Эрику пришла мысль, что для ребенка эта обстановка была бы вполне естественной.

Наконец вдали показался тупик. Эрик увидел огромную створчатую деревянную дверь, которая распахнулась сама собой, стоило путникам подойти поближе. Эрик никогда не видел ничего подобного — немой восторг и очарование охватили каждую клеточку его тела. Его взору предстал невообразимый и самый сумасшедший интерьер в его жизни: огромный стол, занимавший половину помещения, был уставлен донельзя разнообразными и аппетитными яствами. Не исчезни после смерти у Эрика потребность в потреблении пищи, он бы, несомненно, позабыв про все рамки приличия, набросился бы на первые же попавшиеся закуски. Добрую половину морепродуктов он видел лишь на картинках. О разнообразии сладостей можно было и вовсе не говорить. В центре комнаты находился камин и два сиреневых бархатных кресла с пледами. Оставшееся пространство занимали книжные полки с тысячами книг различными по объему и величине. Почему-то обложки книг показались Эрику странно знакомыми. Огромные окна показывали неизменный в этих краях пейзаж — бесконечный снег из песчинок и белоснежное зимнее небо.

«Значит, я все еще тут, — подумал Эрик, — все еще в этом Аду. Но не стоит огорчаться, похоже, самое интересное впереди».

Оглядевшись получше, Эрик вновь заметил не подходящие для дворцового зала вещи. Возле стола стояли игровые автоматы. У них было много ярких мерцающих кнопок. Некоторые автоматы даже издавали какие-то причудливые звуки. Возле камина стоял потрепанный старый телевизор, а около окон расположился... автомобиль! Как и зачем он был помещен в этот зал, Эрик даже боялся предположить.

Стиральная машина и старинные подсвечники, джакузи и печатная машинка — вещи из разных эпох будто бы столкнулись в этом месте в битве не на жизнь, а на смерть. Это была самая настоящая коллекция современности и древности! Воистину, замок создавал сумасшедший.

— Присаживайся, — донесся до Эрика детский голос.

Эрик посмотрел на мальчика. Мальчику можно было дать от десяти до двенадцати лет. Слишком худой. Лицо — самое обычное: тонкий нос, чересчур выраженные скулы. Но что действительно привлекало, так это глаза. Они были необычайного цвета индиго и сияли так ярко, что Эрику показалось, будто мальчик смотрит в самое сердце океана. На фоне черных, как ночь волос ребенка, это сияние производило двойной эффект.

Мальчик невинно смотрел на Эрика, словно ожидая от него каких-то действий. Ноги Эрика сами повели его к чертовски удобному креслу.

— Я в Аду? — вопрос, который терзал Эрика столько времени, наконец-то вырвался из его рта. — Я вроде был мертв, а тут... я немного запутался. Знаете, такое бывает, когда ты разбиваешься в лепешку.

Эрик тут же мысленно выругал себя за столь бесцеремонное общение. Он посчитал свое заявление оскорбительным для подобного места. Однако мальчик ответил на это лишь звонким детским смехом.

— Учитывая, как это место называли другие, твой вариант вполне гостеприимен. —

После коротких смешков мальчик продолжил:

— Нет, Эрик, ты не в Аду, всего лишь у меня в гостях.

— В тринадцатом веке? — Эрик решил разбавить дело шуткой, и трюк удался. Мальчик снова залился звонким смехом. В нем не ощущалось злобы, радость была искренней. Однако сам Эрик начал нервничать. Почему-то как бы удобно Эрик не пытался усесться на кресле, оно никак не хотело отвечать ему взаимностью. Эрик ощущал, что кресло словно наполнено враждебностью. Оно прокалывало все тело Эрика. Казалось, что он проходит сеанс акупунктуры.

Но о дискомфорте пришлось позабыть, так как мальчик заговорил:

— Ты смешной. Я родился в этих краях очень давно и особо не размышлял, как называется это место. Оно находится здесь, сколько я себя помню. Кажется, вы называете подобное место домом? — мальчик посмотрел на Эрика, ожидая ответ, но Эрик явно был в замешательстве, а потому мальчик продолжил:

— Прости, я забыл представиться. Меня зовут Мэлоу.

«Мальчик по имени Мэлоу, так значит? Не самое устрашающее имя для хозяина Ада», — подумал Эрик.

— Приятно познакомиться..., наверное, — Эрику было сложно настроиться на общение с собеседником, который был втрое младше и казался неадекватным. Хотя, может это Эрик сошел с ума? А вокруг все было логичным?

— Тут довольно... необычно, — с некой неловкостью произнес Эрик, — тут много всякого того и... этого. Тут явно не скучно.

В ответ на это Мэлоу оглянулся по сторонам. Пройдясь по каждому предмету, находящему в зале, Эрику казалось, будто бы сам Мэлоу не перестает удивляться столь дикой обстановке. По окончании Мэлоу вдруг устремил свой взгляд прямо в потолок и произнес:

— Если тебе интересно, то в столовой располагается сцена для рок группы, а на одной из башен есть вертолетная площадка.

— Эм, вертолетная площадка? С настоящим вертолетом?

— Ну, насколько я помню, в последний раз там стоял танк. А уж то, что хранится в моей темнице...

Эрик, выразив недоумение всем своим лицом, на мгновение потерял дар речи. Ну а потом... вспомнив где он находится лишь издал дружелюбный смешок. В ответ на лице Мэлоу показалась столь же дружелюбная улыбка. Хотя после слов о темнице искренности в ней было так же мало, как и джема в булочках, что покупал Эрик в свое время еще в школьной столовой.

Мэлоу и Далматинец... кто они такие? Эрик задался этим вопросом вновь, глядя на сумасшествие окружающей обстановки. Вдруг ему стало даже смешно. Именно, и как он не догадался до этого раньше! Все, что происходило, напоминало Эрику Страну чудес, о которой он читал в «Алисе» Кэрролла. Сравнение было вполне уместным — его окружало царство юной искательницы приключений.

«А ты, должно быть, кролик по имени Мэлоу. Веди же меня, ушастик!» — Эрику стало смешно от собственных мыслей.

В Эрике боролись уважение к хозяину дома и мягкость к простому ребенку. Но он хотел получить ответы на свои вопросы о сомнительной реальности:

— Зачем ты привел меня... в гости? Что-то должно случиться? Все мертвые проходят через это?

— Спасибо, Томас.

— Эм, вообще-то я не Томас..., - начал было Эрик, но по взгляду мальчика понял, что фраза адресована не ему.

Обернувшись, Эрик увидел у двери мужчину средних лет, не старого, но уже успевшего обзавестись сединой. Этот господин имел строгие черты лица и равнодушный взгляд. По выдержке и форме одежды Эрик заключил, что перед ним стоит или бывший военный, или (что более подходит для этого места) дворецкий.

Томас, как человек, знающий свою работу от и до, не издавая ни звука, молниеносно положил на стол поднос и незаметно исчез из комнаты.

«Наверное, так и происходит в жизни людей, у которых есть прислуга. Не дворецкий, а чертов ниндзя», — подумал Эрик.

— Говорят, под горячие напитки разговор идет куда приятнее, — произнес Мэлоу, будто не замечая растерянности Эрика.

Эрик взглянул на поднос. На нем располагались две чашки, от которых шел приятный запах... какао? Эрик осторожно взял одну чашку из рук Мэлоу и принялся. Слюноотделение Эрика усилилось, а во рту словно бы пересохло.

«Вряд ли меня привели сюда только для того, чтобы отравить», — подумал Эрик и жадно испил из чашки.

Только тут он по-настоящему понял, что чувствует не только запах какао, но и ощущает его вкус! Это было просто божественно, только мягкое кресло все также не хотело становиться мягким для Эрика, хотя вкус какао сумел снять раздражение по этому поводу.

— Это ваш дворецкий? — поинтересовался Эрик. — Кроме вас тут больше никого нет?

— Да. Мы с Томасом живем совсем одни. И он не столько дворецкий, сколько... просто Томас. Он многое умеет. Честно говоря, почти все.

Эрик дружелюбно кивнул и уткнулся вновь в свою чашку.

«Они словно Альфред и Брюс Уэйн. Еще чуть-чуть, и мне предложат стать новым Робинотом»[1]. Вслух Эрик этого не произнес, но сама мысль его позабавила.

— Я нахожусь здесь достаточно и уловил одну закономерность, — вдруг начал объяснять Мэлоу. — Тебе будет интересно это услышать. Так выходит, что сюда попадают только те, кто добровольно лишил себя жизни. Это для того чтобы ты понял, где же все-таки находишься. Видимо, для других существует Рай. Но ты тут, Эрик, значит, здесь тебе и место. У меня было много гостей, подобных тебе. Их отличала только форма самоубийства и мотив. Если захочешь, я могу рассказать тебе пару таких увлекательных историй.

Внезапно лицо Мэлоу из беззаботного стало очень серьезным.

— Знаешь, где все эти люди сейчас?

У Эрика перехватило дух.

«Неужели это особняк маньяков, которые заманивают гостей на чашку какао, а после расчлениют и хранят в подвале?»

Но тут же Эрик отбросил подобные мысли: «Да нет, я ведь уже мертв. Фух, хвала богам. Иногда хорошо быть мертвым».

— Что? — произнес Эрик вслух. — Эм, прости, где, ты говоришь, эти люди?

Мэлоу молча направил свою руку на огромные окна.

«Этот снег... неужели это...?»

Мэлоу решил внести некоторые объяснения:

— Да. Это именно то, о чем ты подумал. Когда-то они были людьми. Но время здесь способно убить даже мертвых. Не сразу, конечно. На это уходит от нескольких минут до... самой вечности. Это зависит от стойкости, но итог у всех один. Сюда попадают сотни людей каждый день. Ты даже не представляешь, сколько людей заканчивают жизнь самоубийством ежечасно! И каждый скитается здесь, в своих памятных коттеджах.

Эрик окончательно потерял дар речи, и Мэлоу решил объясниться более подробно, наконец, расставив все точки над «I».

— Памятные коттеджи, — повторил он. — Ты ведь нашел дневник именно в нем? Их тут тысячи. Но ты можешь увидеть лишь свой. Так это устроено. Это место каждого заставляет страдать в одиночестве. И каждый станет частью этого мира. Частью моей истории.

Мэлоу кивнул головой в сторону книжных полок. Эрик взглянул на эти стопки книг, и его пронзило озарение. Это были дневники. Сотни дневников жизней сотен людей. Тут явно побывали многие, но....

Не она.

«Сюда попадают только те, кто добровольно лишил себя жизни...»

«Мэлоу так и сказал, а значит...»

«Значит, Мэри значит, моей Мэри здесь... нет».

— Долгожданная встреча не состоялась, да? — словно прочитав мысли Эрика спросил Мэлоу. — Прости, я научился понимать этот взгляд. Твоя возлюбленная?

— Моя жена. Она... — голос Эрика дрогнул. — Она умерла... не добровольной смертью.

Эрик был абсолютно подавленным. Мэлоу не принимал попыток продолжить разговор и просто смотрел на разгорающийся огонь в камине.

Эрик вдруг вспомнил обрывок воспоминаний из своего детства. Вот он, юный Эрик Майлз, еще совсем кроха, но, как и все дети, необычайно юркий и шустрый. Тогда было рождество и Эрик жил только лишь мыслями о предстоящем рождественском подарке. Переполненный энергией, Эрик то и дело терроризировал свой собственный организм, пока не уставал от бесконечных игр и не валился с ног. Эрику нравилось такое времяпрепровождение. Ведь чем скорее он уставал, тем скорее засыпал. А это был самый прямой путь к перемещению в завтрашний день. День, приближающей его к получению новогоднего подарка. Радиоуправляемый самолет. Тогда чуть ли не все мальчишки в городе обсуждали новую модель какого-то современного и навороченного самолета. Модель из прочного пластика, высота в тридцать сантиметров! Это была самая настоящая крылатая мечта.

И вот наступил долгожданный день. День, когда Эрик с самого утра был готов стартовать из своей комнаты прямо к рождественской елке. День, когда скорости юного мальчика позавидовал был любой самолет, пластмассовый и даже самый настоящий. И день, когда Эрик впервые в своей жизни ощутил настоящее чувство разочарования и неоправданных надежд.

***

«Если ты тут Эрик, значит, здесь тебе и место».

«Значит, Мэри... значит, моей Мэри здесь... нет».

Проведя какое-то время в молчании, хозяин дома первым прервал тишину:

— Хочу кое-что тебе показать, это заставит тебя взглянуть на ситуацию иначе.

Мэлоу встал с кресла и направился к огромному окну. Эрик безвольно направился за ним, дальнейшая судьба его не волновала. Для Эрика Майлза все было кончено.

«И каждый станет частью этого мира. Частью моей истории».

Обрывки фраз Мэлоу возникали в голове Эрика снова и снова.

"Значит, отсюда нет выхода..."

— Я перечитал миллионы дневников миллионов людей, от безжалостных тиранов до безобидных филантропов, — продолжал Мэлоу. — Я узнал о вашем мире столько, что мог бы написать учебник истории с самыми достоверными и правдивыми фактами. Но когда в дневниках описывается снег, то почему-то все пишут одинаково. Описание красоты снега и зимы занимает десятков листов. Снегу посвящают даже стихи! Я бы очень хотел увидеть настоящий снег, Эрик.

Собеседники не отрывались от пейзажа за окном. Но Мэлоу смотрел заворожено, а на лице Эрика не дрогнул ни один мускул.

— Это души, Эрик, — произнес Мэлоу после длинной паузы. — Каждая песчинка, парящая в небе... это душа. Не снег, увы.

— И больше... совсем ничего? Ни через сотни километров?

Закрыв глаза Мэлоу медленно начал мотать головой из стороны в сторону.

— Ни... через тысячу? Только души и... ничего больше? — отчаянно произнес Эрик, все никак не унимаясь.

— Ни даже через миллион. Тут только ты. Ты, твои мысли и твоя боль.

— Значит, я стану таким же? И отсюда совсем нет выхода? — тускло прозвучал голос Эрика. — Знаешь... оно и к лучшему.

На мгновение Эрику показалось, что Мэлоу хотел что-то сказать. Но в конечном итоге мальчик предпочел отдаться молчанию.

Теперь Эрик посмотрел на песчаную бурю под другим углом зрения.

«Они так спокойны, летят себе куда-то вдаль и только. Их ничего не тревожит. Ни боль, ни тревога. Они порхают, подхваченные ветром, и просто отдаются течению. Ничего больше».

Затуманенный взгляд Эрика не замечал, как песчинки резко меняли траекторию, разлетаясь, кто куда, и вновь возвращаясь в привычную колею. Мэлоу тем временем продолжал:

— Я знаю лишь одно, Эрик. Таким как прежде тебе уже не стать. Ты уже начал рвать свою душу на куски. Твой дневник — это и есть твоя жизнь, понимаешь? Отпустишь ее, и все кончено. Я видел, что ты чувствуешь, прощаясь со своим прошлым. У меня редко бывают по-настоящему интересные гости, — Эрик почувствовал в голосе Мэлоу настоящую грусть. — Твое какао остывает.

В этот момент возле Эрика внезапно материализовался дворецкий Томас. Быстрым движением руки он учтиво поменял старую чашку на новую и направился к двери.

— Спасибо, Томас, — произнес Мэлоу. Один кивок и дворецкий скрылся за дверью.

— Кстати, если дневник все еще нужен тебе, то он на столе в углу. Правда, вырванные страницы уже не вернуть. — Мэлоу жестом указал на стол.

Эрик увидел свой дневник, но сейчас он его не волновал:

— Ты был всегда один? — Эрик посмотрел на Мэлоу прямо в его сияющие глаза. — У тебя не было родителей?

Мэлоу посмотрел на свою чашку, и она медленно начала наполняться жидкостью сама по себе, будто по волшебству.

Мэлоу произнес:

— Однажды ко мне пришла женщина. Пришла сама, потому что так ей захотелось. Она была не из вашего мира. И она была очень красивой. Она сказала мне, что приходит ко всем, когда настает время. Когда-нибудь она придет и ко мне. Но в тот день она сидела в этом самом кресле, и мы пили какао. Как сейчас пьем его с тобой. Она похвалила мой замок и сказала, что я изрядно постарался, создавая его. Хотя я не помню, чтобы приложил к этому руку. Замок всегда был тут. Точно помню, что прочитал о нем из дневников. А еще я прочитал про игрушки, машины и так далее. Все предметы, которые я захочу, появляются у меня, точно выпрыгнув из страниц дневников. Так я познаю ваш мир. Однако, сколько бы я не читал о радости первого снега, но настоящий снег так и не появился в моем мире. Но я не расстраиваюсь. А еще в тот день загадочная женщина рассказала мне о моих родителях. Об ангелах и о том, как все устроено.

Родители.

Эрик не раз задумывался над тем, каково будем тем, кого он оставил на земле. Говорят, что труднее тем, кто остается внизу. Ты умираешь, но боль никуда не исчезает. Она передается им. Всем твоим родным и близким. Из родных Эрику людей у него остался только отец. Они никогда не были с Эриком в теплых отношениях, но и чужими их нельзя было назвать. Просто они были совершенно разными и не похожими друг на друга. Их ничего не объединяло, а значит и близость возникнуть не могла. Но в их жизни был человек, которым оба дорожили.

Натали Майлз.

Мама Эрика и жена Роджера Майлза была самой доброй и отзывчивой женщиной на планете. Эрик до сих пор помнил, как она целовала его в лоб. Чтобы ни случилось, она говорила, что мир прекрасен, и все будет хорошо. Она придавала Эрику уверенности, и он думал, что такой настрой в их семье будет вечно. Для Роджера Натали также была неоценимой поддержкой, лучшим другом и супругой на всю жизнь. В любой ситуации эта женщина была опорой. Одна ее улыбка отводила беды. И, отряхнув колени после очередного падения, можно было пойти вперед.

Но потом Натали не стало.

Как это бывает со всеми сильными душой женщинами, ее тело было полной противоположностью. Слабое здоровье подкашивало Натали не раз, а однажды болезнь взяла верх. Натали умерла, а единственная связь между сыном и отцом порвалась безвозвратно. Роджер так и не оправился от удара, доживая жизнь в одиночестве. Эрик повзрослел. С Роджером они виделись лишь по праздникам, телефонные разговоры со временем сменились на открытки два-три раза в год. Эрик все еще мысленно общался со своей матерью. Воспоминания о ней теплились в его сердце.

Несмотря ни на что Эрик любил отца и очень надеялся, что весть о кончине сына не станет для него убийственной. Думая об этом, Эрику становилось мерзко от самого себя. В глубине души он понимал, что новость о его смерти станет для отца фатальной.

«Мама... где же ты? — Эрик посмотрел на заснеженное небо. — Смотришь ли ты на меня? Встретила ли ты Мэри там, наверху? Она бы тебе понравилась. Мне не хватает ее, мама. Мне не хватает тебя...»

Вернувшись к реальности и развеяв воспоминания о старой ране, Эрик продолжил

разговор:

— Когда я умер, за мной пришел странный человек...

— Это был работник той самой женщины, Эрик. Она знала моих родителей. Смерть. ОНА говорила, что мой отец был самым красивым ангелом, а моя мать была самой доброй женщиной. Я никогда их не видел, но почему-то поверил ЕЕ словам. ОНА сказала, что с небес нет пути на землю. Но мой отец спустился в мир людей и полюбил мою мать. Она тоже полюбила его, тогда ангелы изгнали моего отца. Смерть сказала, что он скитается где-то здесь, — в этот момент Мэлоу указал за окно. — Но я никогда его не видел. Как и свою мать. Ее звали Анабель. Я не знаю, что с ней случилось. Не знаю, почему оказался здесь. Смерть сказала, что это место для меня. Мне нет места в другом мире. Вот и вся моя история, и когда-нибудь она займет место на книжной полке.

Неожиданно Эрик понял, что растерялся. Телом он находился во дворце, но его разум покинул обитель. Никогда Эрик еще не ощущал такую потерянность. Мира, каким он знал его прежде, больше не было. Эрик не знал, что собой представляет мир на самом деле. Единственное, что он ощущал в данный момент — безумную жалость к Мэлоу.

— Ну что ж, — Мэлоу, как ни в чем не бывало, поднял чашку какао. — За знакомство, Эрик.

Эрик отошел от окна и сел в кресло.

«Мэлоу мог быть счастливым ребенком, окажись он на земле», — подумал Эрик.

Безжалостное кресло снова предприняло попытку сдвинуть тело Эрика в своих не самых нежных объятьях. Раздраженный Эрик окончательно потерял терпение и резко встал, обретая кожаное орудие пыток на одиночество.

— Прости, Мэлоу. Кресло немного неудобное.

Мальчик посмотрел на Эрика очень серьезно. Он переместил свой взор на кресло и его будто что-то осенило. Так же быстро озарение сменилось грустью на его лице.

Наконец, Мэлоу произнес:

— Это ты, прости, Эрик. Оно чувствует тебя после него. Чувствует твою боль.

— После него? — непонимающе спросил Эрик. — После кого?

Мэлоу посмотрел Эрику прямо в глаза. Не отрывая взгляда, мальчик произнес:

— Еще не так давно на этом самом кресле сидел человек по имени Дэнниэл Берджиран. Человек... убивший твою жену.

[1] Персонажи комиксов о Бэтмене

Глава 13: Дорога в бездну

Глава 13: Дорога в бездну

Бобу Гаррисону снился сон: он ехал по бескрайней дороге на своем излюбленном грузовике Мерседес Акторс. Во сне Акторс выглядел просто чудесно и не имел ничего общего с той грудой металла, в которую грузовик превратился после недавней роковой аварии.

Капот блестел под уходящим в закат солнцем так, словно был отполирован несколько минут назад. Левая передняя фара, свисавшая после столкновения с «Ford Excursion», была прикреплена к раме, как ей и полагается. Выглядела она как новенькая. Трещины на лобовом стекле, словно по волшебству, рассосались сами собой, давая в полной мере разглядеть удивительный пейзаж заходящего солнца вдали. Салон был чист и ухожен. Мелкие вмятины, трещины и пробоины — все исчезло. Одним словом, Боб во сне рассекал дороги на грузовике, который выглядел так хорошо, как не выглядел, должно быть, никогда прежде.

Таким Мерседес Акторс полагалось стоять в автосалоне, заставляя пускать слюни даже самых тертых ценителей этой марки. Боб был очень доволен. В такой машине ты не задумывался, куда едешь и зачем. Единственное, что волновало: как бы поудобней расположиться на своем сидении и с наслаждением слушать свист ветра и звук какой-нибудь чертовски приятной песни, звучащей из колонок старого доброго "Мерса".

Из него доносилась песня «Love Machine» группы «Road rock». Боб знал эту группу еще с юности, когда в моде были длинные бакенбарды и шевелюры — Аля семидесятые. Большинство песен «Road rock» Боб помнил почти наизусть и поныне. Вот и сейчас, мчась напрямиком к уходящему солнцу, он распевал очередной куплет:

«Детка, твой крик подобен визгу шин.

Твои злобные глаза сверкают ярче, чем фары.

И у меня в голове нет больше причин,

Не оседлать тебя, как я это любил делать ранее».

После этих слов начиналось небольшое соло, и Боб с наслаждением отдался власти музыке.

Вдруг Боб почувствовал чье-то присутствие. Волосы на его руке встали дыбом. И хоть Боб смотрел только вперед, на дорогу, он мог поклясться, что рядом кто-то есть. Медленно повернув голову к соседнему сиденью, Боб увидел маленького мальчика. Боб посмотрел на него совершенно спокойно, как будто внезапное появление ребенка в грузовике было самым обычным делом. Лицо мальчика показалось ему смутно знакомым, но, сосредоточив внимание на дороге, Боб не мог как следует рассмотреть ребенка.

Слегка убавив громкость музыки, Боб, будучи подозрительно спокойным, обратился к мальчику:

— Куда едем, мальчуган?

Ребенок ничего не ответил. Он лишь перебирал свои маленькие пальчики на руках, рассматривая мелькающий за окном пейзаж. Разглядеть лицо ребенка было невозможно.

Боб заметил, во что был одет мальчик: бежевые шорты и светло-желтая футболка были

покрыты грязью, обуви на мальчике не было, а весело раскачивающиеся голые стопы подавались то взад, то вперед. Боб подумал, что этот ребенок испачкает грязью весь салон, но осмотрев мальчика еще раз, Боб стало его жалко. Оторвав взгляд от одежды, Боб еще раз попытался разглядеть его лицо.

В этот момент крик застрял у Боба в горле.

Мальчик все так же смотрел в окно, поэтому Боб мог лицезреть затылок своего нового попутчика. Затылок, весь запачканный кровью. Боб попытался нажать на тормоз, но верный грузовик, словно проигнорировав команду хозяина, лишь ускорил свое движение. Бобу стало страшно.

Надавив на педаль тормоза еще сильнее, Боб попытался докричаться до ребенка.

— Эй, парень! Ты меня слышишь? Что с тобой случилось? Эй! Эй!

Ребенок не отозвался. Страх Боба начал наполняться растущей злобой. Держа руль одной рукой, Боб одернул руку мальчика так, чтобы тот, наконец, повернулся в его сторону. В этот момент крик, застрявший в горле Боба, наконец вырвался наружу. Будто бы ужаленный насекомым, он отпрянул от мальчика и, вжавшись в свое сиденье, начал судорожно бить ногами по педалям тормоза. Картина, представшая перед Бобом, повергла его в шок.

Лицо мальчика, бледное и исхудавшее, смотрело на Боба своими черными, как тьма, глазами. Казалось, глаз у мальчика не было вовсе. Лишь две пустых глазницы, сверлившие водителя и заставлявшие его содрогаться с каждой секундой все сильнее и сильнее.

Неожиданно Боб понял, что солнце давно ушло в закат, наступила ночь. А грузовик набирал скорость все больше и больше. Со стороны он походил на размытое пятно, несущееся по трассе гоночного заезда. Видимость за передним стеклом стала почти нулевой. Ребенок не шевелился, но Боб был почти уверен, что тот набросится на него в любую минуту. Боб попытался открыть дверь автомобиля и ко всем чертям вылететь из него как можно скорее. Плевать, если он расшибется в лепешку. Не волновался Боб и о грузовике. Сейчас это был уже не Мерседес Акторс. Не ЕГО Мерседес Акторс. Это была самая настоящая машина смерти.

«Это сон, — мысленно пытался успокоить себя Боб, — это всего лишь чертов сон! Проснись! Ну же, проснись!»

Но как бы Боб не старался себя успокоить, лучше ему не становилось. Дверная ручка не поддавалась, как бы сильно Боб ее не дергал. Боб понимал, что машина заперла его и выпускать явно не собиралась. Тогда Боб посмотрел вперед, на дорогу.

«Возможно, удастся разбить переднее стекло и тогда...»

Попытавшись разглядеть в этой крошечной тьме за окном хоть что-либо, Боб опять пришел в ужас: всего в нескольких сотнях метров дорога уходила в огромную пропасть.

Следующие несколько секунд промелькнули словно мгновение. Окоченевший с ног до головы Боб не мог пошевелить даже пальцем. Он кричал, но на этот раз крика не было слышно. В этот момент в паре десятков метров от обрыва появился размытый силуэт молодого человека. Он неподвижно стоял на месте и, казалось бы, ждал, чтобы массивный грузовик сбил его на полном ходу. Боб начал судорожно махать ему руками. Боб кричал. Кричал сильнее прежнего, но его голос утратил свою силу. Тогда Боб зажмурил свои глаза и...

Как только грузовик въехал в незнакомца, неясный силуэт взорвался ярким белоснежным сиянием. На мгновение взрыв окутал окружающую тьму, после чего свет

окончательно растворился в ночи. Мерседес Акторс слетел прямо в обрыв. Боб в последний раз посмотрел на мальчика. Теперь у него был окровавлен не только затылок. Все лицо мальчика было испачкано свежей кровью. Сиденье под ребенком из привычного серого цвета быстро превратилось в темно-алый. Но мальчик с улыбкой посмотрел на Боб и медленно протянул ему свою руку.

— Она придет за тобой — прохрипел мальчик и его нечеловеческий хрип буквально парализовал все тело Боба — Она меня не уберегла. Но теперь все изменится. Вот увидишь.

***

Проснувшись в холодном поту, Боб Гаррисон принялся судорожно хлопать себя по всему телу. Резкая боль пронзила его ребра и отдалась звоном в голове. Пот стекал маленьким ручьем со лба. Бобу понадобилось несколько секунд, чтобы понять, где он находится. Больничная палата.

«Господи, — подумал Боб, — лицо ребенка. Я узнал его. Это же...»

Глава 14: Исповедь

— Значит, та девушка просто появилась посреди дороги?

— Не совсем, — раздался в ответ голос Денниэла Берджирана — в тот день я должен был забрать из школы свою дочь, Элизабет. После развода с женой, — в этот момент Денниэл сделал небольшую паузу, — мы договорились, что несколько раз в неделю я смогу навещать ее. Мы с дочерью часто виделись после ее школьных занятий и занятий по танцам. Элизабет просто обожала танцевать. Да, вот, эм...

Денниэл посчитал нужным объясниться. Его собеседник не высказал по этому поводу возражений.

— Иногда она даже приглашала меня на воскресный семейный ужин. Каждый раз, переходя порог когда-то нашего общего дома, я видел в глазах жены, что мое присутствие здесь лишнее. Но против желания дочери она пойти не могла. Так что в такие дни мы словно возвращались в прошлое. Словно снова становились настоящей семьей. Ради мой Лиззи.

Денниэл будто увидел перед глазами короткую вспышку и на долю секунды зажмурил глаза. Он виновато улыбался, словно сморозил какую-то несуразную глупость. Однако собеседник Денниэла воздерживался от каких-либо комментариев.

Тут Денниэла словно бы осенило. Широко раскрыв глаза, он произнес:

— Простите, вы ведь спрашивали совсем не о том. Да, та девушка... я помню ее.

При упоминании о девушке голос Денниэла начал дрожать, а слегка пухлые губы сжались, словно хотели быть проглоченными собственным ртом.

Собеседник ждал. Он давно разглядел Денниэла, и не обращал внимания на его причудливость речи и комичную жестикуляцию. Денниэл был слегка полноватым мужчиной с коротко подстриженными русыми волосами и очень маленькими ушами, которые на фоне большого и широкого лица смотрелись, словно две бусинки. Лицо Денниэла было невероятно детским. Как будто в теле тридцатилетнего мужчины развивалось абсолютно все, только не то, что находилось выше шеи. Мужские джинсы, мужской свитер, мужские кроссовки и... детские розовые щечки. Это умиляло и вызывало жалость одновременно.

Собеседник отметил и то, что на протяжении всей беседы господин Берджиран нервно барабанил своими пальцами по кружке, смотря при этом куда-то вниз. Решиться посмотреть куда-то выше уровня ног Денниэл не мог.

Но собеседник Денниэла ждал. Действительно, его не волновала внешность человека напротив. Важны были только чувства, которые испытывал тучный мужчина. Боль, которой ему необходимо было поделиться. Исповедь.

— Не волнуйтесь, Денниэл, — произнес собеседник, — все хорошо. Вы ведь сами начали разговор о том дне, и продолжать ли его или нет, решать также вам.

На мгновенье Денниэл поднял голову. Он хотел улыбнуться и показать, что эта тема не так болезненна, как было на самом деле. Однако от своих чувств не убежать. Не выдержав прямого взгляда своего слушателя, Денниэл снова опустил голову, но при этом стал смотреть немного в бок.

— Погода за окном просто ужасает, — заметил он. — Еще раз спасибо, что пригласили

меня. Я даже и не заметил, что на дворе январь в самом разгаре. Столько снега...ну, я о том, что... думаю даже для суровых земель Сибири это было бы много. И взялся он словно бы ниоткуда! Да и сам снег какой-то странный, вы не находите? Хех.

И вновь тишина.

— Эм... очень вкусное какао. Правда.

— Спасибо, Денниэл, — отозвался слушатель.

Изо рта Денниэла донеслось нечто вроде «угу».

Произнося каждое слово с особой серьезностью, Денниэл оставил сомнительность и нерешительность в голосе позади. Взвзвываясь из ниоткуда решимость воодушевила его. Боясь потерять ее также быстро, как приобрел, Денниэл торопливо начал повествование о том дне, который стал в его жизни последним. Последней точкой, после которой не будет написано ни одного предложения. Ни слова, ни буквы.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Я помню его глаза. Человека, который был рядом с ней. Так странно. Я сбил человека насмерть, но почему-то, когда я вспоминаю тот день, то перед глазами возникает ни тело той девушки, а его лицо. Лишь ЕГО лицо. Его звали Эрик. Эрик Майлз. Тогда он словно бы умер. Не физически, конечно, но те изменения, произошедшие в его взгляде, они были необратимы.

Денниэл вдохнул большой глоток воздуха, после чего продолжил:

— Моя Лиззи кричала на заднем сидении. Я пытался ее успокоить и одновременно следил за происходящим снаружи. Я оставил Элизабет в машине, пропуская мимо ушей все, что она говорила. Помню, она плакала. Нет, она редела и билась в истерике. Но я, словно замороженный, был уже снаружи и смотрел на тех двух людей. Сначала мне показалось, что это происходит не со мной. Но потом я понял — все взаправду. Меня обуял настоящий страх. Люди вокруг охали и ахали. Но тот человек, Эрик, не произнес ни слова. Он казался таким спокойным. Я никогда не видел человека в столь глубоком шоке.

Постепенно слова Денниэла начали съедаться. Говорить становилось все тяжелее. Губы Денниэла потянулись к опустевшей кружке какао машинально, но на удивление отыскивали искомую жидкость. На душе стало немного спокойнее.

Слушатель по-прежнему молчал.

— Я помню, как упал на колени перед Эриком и его подругой Мэри. Потом я узнал, что они супруги. Тогда я понял, что все кончено. Мэри была мертва. Эрик все продолжал гладить ее лицо, прижимая к себе, словно хотел отдать ей свое тепло и энергию в надежде на то, что Мэри, наконец, очнется. Я не нашел смелости заговорить с человеком, чью жену я только что сбил посреди дороги. Эрик посмотрел мне прямо в глаза. И я окончательно понял, что не смогу выдавить из себя не единого слова. Во взгляде этого человека отражалось то, что невозможно описать ничем. Ни единым пером. Это была ненависть. Ненависть и полная опустошенность, которую я не видел никогда прежде. Это было ужасно.

Денниэл сделал глубокий вздох. Казалось, самая сложная часть его монолога была окончена. Дальше он говорил спокойнее.

— В то время Элизабет уже успела позвонить матери. Она примчалась так быстро, как только смогла. Когда они встретились, то долго плакали. Лиззи плакала из-за случившейся аварии, а моя жена... на нас многое свалилось в последнее время, понимаете? Этот случай окончательно порвал последнюю нить, которая связывала нас с женой после развода. Однажды она сказала, что в определенный момент просто поняла одну простую вещь — она

не любит меня. Но сейчас, после этого ужасного происшествия, она сказала, что вычеркивает меня не только из своего сердца, но и из своей жизни. Она сказала, что наша семья умерла окончательно, как и та девушка, Мэри. Потом я их больше не видел. Меня уволили с работы, был суд, но знаете, что самое удивительное?

В этот момент Денниэл впервые посмотрел на своего слушателя с абсолютным спокойствием.

— Меня не посадили в тюрьму. Мэри и правда будто возникла ниоткуда. Тогда для нее горел красный свет. Я знал это. Просто шок затмил эту очевидность. Господи, да я же убил человека! Будучи невиноватым, я остался жив, а она нет. Самое ужасное было то, что на следующий день ничего не изменилось. Мир остался прежним. Я остался безнаказанным.

Лицо Денниэла стала по-настоящему серьезным. Наклонившись к своему слушателю, Денниэл едва ли не шепотом сказал:

— Но я помню... я до сих пор помню его глаза. Они и сейчас преследуют меня.

Теперь Денниэл теперь откровенней и свободнее:

— Прошел месяц. Я надеялся, что Эрик придет и застрелит меня. Осознает, насколько все стало ужасно. Но он не пришел. Просто не пришел. Я больше его ни разу не увидел! Тогда я начал скитаться по городу. Безо всякой причины. Только я и этот мир. А потом я встретил вас.

Закончив свой рассказ, Денниэл посмотрел прямо в глаза своего слушателя. Но каким бы сильным Денниэл не пытался казаться снаружи, внутри него все было сломлено. Он был одним большим куском боли.

— Что ж, — попытожил Мэлоу, впервые оторвав взгляд от Денниэла и посмотрев за окно, — вы правы.

— В чем именно? — выдавил из себя Денниэл. Исповедь окончательно вымотала его.

— Погода за окном ужасная.

Денниэл нашел в себе силы улыбнуться.

Мэлоу ответил ему той же улыбкой.

— Наверное, я засиделся, — виновато произнес Денниэл. Он устал, и ему хотелось просто уйти. Неважно куда. — Не подскажите, в каком я районе?

— Ни в каком, Денниэл. Вы мертвы. Сегодня днем вы застрелились в гостинице отеля. У вас была сильная депрессия. Вы просто не смогли с этим справиться.

Казалось, слова Мэлоу не подействовали на Денниэла никоим образом, но так было лишь на первый взгляд.

Внезапно Денниэл встал с кожаного кресла и, поставив кружку с какао на стол, направился напрямиком к окну.

Мэлоу, немного выждав, последовал его примеру.

— Значит, я теперь свободен? — спросил, наконец, Денниэл. С его лица не спадала улыбка, а из глаз, не переставая, текли слезы. Странно, но ощущалось, что этот человек по-настоящему обрадовался.

Смотря вдаль, Мэлоу ответил:

— Это решать не мне, Денниэл. Вашу свободу определяете лишь вы.

Денниэл повернулся к Мэлоу и жестом попросил его отойти. Потом рука Денниэла коснулась рамы окна и, будто по волшебству, окно распахнулось, впуская в обитель Мэлоу снежную пургу.

— Я свободен, — шептал Денниэл, — я свободен... спасибо... господи... простите

меня... простите.

Мэлоу наблюдал за происходящим позади. Он видел, как Денниэл повернулся в его сторону, сказал в очередной раз «спасибо», после чего Денниэла не стало. На том месте, где только что находился человек, кружились белоснежные песчинки. Подхваченные ветром, они унеслись вдаль вместе с остальным песчаным потоком. Потом огромные окна сомкнулись, и на ковре остались лишь мокрые следы от слез.

***

Мэлоу закончил свой рассказ и посмотрел на человека у окна. Эрик выслушал его, ни разу не повернувшись и не перебив. Казалось, он ждал какого-то продолжения. Эрик погрузился в воспоминания прошлых дней, а вернувшись в реальность простодушно сказал:

— Я и правда ненавижу его. Даже хотел убить. Но потом... Мэри бы никогда не подарила мне свою любовь, будь я убийцей. Наверное, если все так случилось с ним, значит, так и должно было случиться.

Мэлоу вместо ответа внезапно встал со своего кресла.

Его взгляд устремился в центр зала. Казалось бы, не произошло никаких изменений, но Мэлоу произнес:

— У нас гости.

Проследив за взглядом Мэлоу, Эрик остановил свой взор на середине зала. Ему представился знакомый силуэт.

В голове Эрика промелькнуло лишь одно слово:

«Далматинец».

Глава 15: Из огня, да в полымя

Утреннее солнце, озарявшее госпиталь Святой Елены, нежно пробивалось своими лучами во все окна палат и кабинетов. Наконец Боб Гаррисон был свободен. Он многое выдержал, и последние события стали хорошим доказательством этого. Боб стойко переносил бесконечную суету врачей, которая так отличалась от его вялотекущего состояния здоровья. Каждые пять минут кто-нибудь из персонала считал своим долгом проверить, хорошо ли наложен гипсовый корсет и насколько качественно сделана перевязка головы. Причем никто даже и не думал предложить Бобу закурить. Этот факт огорчал его больше всего.

Также выдержка Боба проявилась в бесконечно нудных беседах с полицией, которой тратить свое время на какие-либо разговоры хотелось еще меньше, чем самому Бобу. Один раз наметанный глаз бывалого дальнбойщика четко и явно разглядел в кармане куртки одного из полицейских пачку сигарет, но ни одна из заветных сигарет так и не попала к нему в руки! Пережить эту суету в одном флаконе даже такому тертому калачу, как Боб, было тяжело, но по окончании своего пребывания в госпитале он так никого и не треснул по голове. Это был хороший знак.

Когда экстренная помощь прибыла на шоссе, Боб Гаррисон был уже без сознания. Импровизированная повязка на голове полностью пропиталась кровью, а бледное лицо Боба вполне можно было спутать с настоящим силуэтом полтергейста.

Первым делом, придя в себя в больничной палате, Боб спросил об участии других участниках аварии. Как говорилось ранее, обвинения Бобу Гаррисону никто не предъявлял. Маленькая надежда все же таилась в душе Боба. К сожалению, ответ был неутешительным — семейство Диггенс погибли на месте. По словам врачей, Макс Диггенс потерял слишком много крови вследствие черепно-мозговой травмы. Врачи попытались утешить Боба тем фактом, что при подобной травме и в состоянии шока смерть мальчика была безболезненной. Однако Боба это ни капли не утешило. Он все еще не отошел от ночного кошмара, и любое упоминание о мальчике вызывало у него приступ легкой дрожи. Облик мертвого ребенка до сих пор стоял перед ним — с пустыми глазницами и весь в крови.

«Смерть мальчика была безболезненной».

Ага. Как же.

Что касается Кейси Диггенс, ее кончина была весьма удивительна, но вместе с тем не вызвала вопросов. По словам экспертов, Кейси погибла не сразу, какое-то время сердце в ее груди билось, как у любого живого человека. Но, видимо, это самое сердце не выдержало ужасной смерти сына. И в какой-то момент сердце Кейси Диггенс просто разорвалось.

Обвинения по данному делу озвучивать никто не стал. В этом не было никакого смысла. Экспертиза показала, что тормоза автомобиля Кейси Диггенс действительно были неисправны. Тормозные колодки износились окончательно, но Кейси — женщина, единственным мужчиной которой был ее восьмилетний сын Макс, не обладала достаточным опытом и знаниями, чтобы предугадать исход событий. Это дало печальные результаты.

Так же медицинский персонал на ряду с представителями власти не могли не заметить,

что больше судьбы семейства Диггенс Боба удручала участь его Мерседеса. Кто-то мог бы подумать, что при данных обстоятельствах это было чересчур жестоко по отношению к Диггенсам. Но Боб был иного мнения. У него имелась склонность, которую следовало бы держать в узде: в мозгу Боба Гаррисона всегда было четкое разграничение, что важно в данный момент, а что более не имеет ценности. Так вышло, что семейство Диггенс больше ценности не представляло. Даже если бы к нему ворвались разъяренные родственники и начали колотить и винить Боба. Грузовик Боба в отличие от Диггенс еще имел шанс на жизнь, хоть и не долгу. И больше тут нечего было сказать.

Дальнобойщики всегда считались тем контингентом водителей, которые, если бы у них и имелась страховка, использовали ее лишь в качестве запасной туалетной бумаги. В нынешнем положении Боба работать ему запрещалось еще не одну неделю, а то и месяц, но для человека, живущего только этой самой работой, подобный отпуск был большой роскошью. Врачи просили и даже настаивали на том, чтобы Боб воздержался от необдуманных поступков. Они предупреждали, что выходить из клиники на половине процесса выздоровления крайне неразумно. Боб пробыл в больнице всего две недели, но только одним его ребрам был необходим месяц времени на восстановление. На врачебной памяти госпиталя Святой Елены подобные выходки позволили себе только два человека (невеста с переломом ноги в день своей свадьбы и какой-то хиппи, болеющий гриппом, но еще сильнее болеющим премьерой нового фильма о «Звездных Войнах»). Оба в конечном итоге вернулись обратно.

Невесту можно было понять. Ведь все мы знаем, что в день своей свадьбы не найдется ни одной девушки, для которой сломанная нога будет препятствием. Более того, некоторые девушки, сломай они себе обе ноги и обе руки, будут также уверенно цепляться зубами за землю, медленно, но верно, перемещаясь к алтарю. Для них замужество запрограммировано на генном уровне. И с этим ничего не поделаешь.

Что касается хиппи... медицинский персонал до сих пор гадал, как такой щуплый парнишка смог спуститься с окна четвертого этажа больницы. Посреди рабочего дня. В одних трусах.

Боб Гаррисон, человек с переломанными ребрами и сотрясением мозга, решил, что займет твердое третье место в данной эстафете. По крайней мере так решил сам Боб, а для него собственные решения были чем-то сродни официальной выписки. К тому же больница всегда ассоциировалась для него, как обитель смерти и наводила откровенную тоску. Сейчас бывалому дальнобойщику нужен был свежий воздух, ощущение свободы и открытое пространство.

Перед уходом из палаты Боб еще раз взглянул на себя в зеркало. Растительностью он оброс еще больше прежнего. Рыжая борода закрыла даже его приличных размеров нос картошкой, а мелкие посаженные глаза теперь вовсе казались двумя пуговицами. Брови Боба имели уникальную форму, из-за чего казалось, что тот вечно хмурый и не в настроении. Так или иначе, несколько раз обмочил свое лицо водой, Боб вышел в коридор, в котором не было никого, кто не имел бы на себе белый халат.

Боб был пожизненным холостяком, детей не имел. За жизнь длиною в пятьдесят два года, у бывалого дальнобойщика было много женщин и каждая была не похожа на предыдущую. Однако ни одна из них не смогла высосать из Боба те чувства, которые подкреплялись соответствующими поступками, куда более серьезными, чем долгие ночи в постели и мимолетное прощание на следующее утро. Боба это несколько не расстраивало.

Он всегда считал, что не все эмоции можно взять и выдавить из себя. Не все и далеко не для всех. Нужна подходящая женщина, и, хоть по Бобу Гаррисону этого не скажешь, в нем жила романтика.

Женщины менялись снова и снова, а та единственная так и не сумела проникнуть в его сердце. В этом и была основная проблема. Боб был уверен: если ты пытаешься проникнуть куда-то, то изначально двери в искомое место были закрыты, а значит, это место не для тебя. Твое место там, где никто не запирается на ключ. Двери Боба всегда были открыты, и бывалый дальнбойщик верил: наступит день, когда в эту самую дверь войдут, словно в собственный дом. И тогда Боб поймет, что пришла не просто очередная женщина, а настоящая любовь.

Родители Боба, жившие на другом конце земли, давно приняли позицию своего сына. Не противились они и тому, что их родное чадо выбрало для себя жизнь вечно странствующего водителя-дальнбойщика, транспорт которого был для него и домом, и работой, и семьей. Потому, пересчитав все сбережения, отец и мать Боба решили податься в путешествие и прожить остаток дней на берегу какого-нибудь красивого озера, в деревянном домике с собственной домашней козой (ну кто не мечтает о своей домашней козе?). В домике, где нет ни забот, ни телефона, по которому родители узнали бы о трагедии Боба. Сам Боб принял решение родителей жить на отшибе так же спокойно, как они приняли образ жизни своего родного сына. После помощи с переездом он периодически навещал своих стариков.

«Пусть доживают свою жизнь в тишине и уюте, — повторял себе Боб, — они заслужили это».

Боб часто вспоминал те яркие моменты, когда они с мамой проводили часы напролет на кухне, воплощая очередное блюдо из поваренной книги в жизнь. Это не только научило Боба готовить, но и сближало его с родной матерью. Сближало особенно сильно. В такие моменты, кухня ненадолго превращалось в их особенное место. Место, пропитанное теплом и уютом. И конечно же вкусными запахами из духовки.

Что касается родного отца Боба, то тот однажды, когда его родной сын разбил колени, пытаясь научиться кататься на велосипеде, сказал: «Бобби, в этом мире мы постоянно куда-то двигаемся. Крутим педали и мчимся навстречу своим желаниям. Мы преодолеваем трудности, забираемся в горы и порой не оставляем время на отдых. Но падая, мы всегда можем рассчитывать на опору. И она будет ближе, чем ты думаешь». В тот день отец Боба вручил сыну самодельные защитные пластинки на колени и локти.

Родители подарили Бобу не только счастливое детство, но и один простой урок — поддержка важна. Но никто, кроме твоих стариков, не станет для тебя той каменной стеной, той опорой, в которой нуждается каждый хотя бы иногда.

Все эти мысли прошлого пронесли в голове Боба в одно мгновение, в тот короткий период между тем, как бывалый дальнбойщик вышел в коридор больницы и тем, как он осознал совсем нелицеприятный факт. Боб Гаррисон все еще думал о семействе Диггенс.

"Поддержка важна"

"И кто теперь поддержит их, скажите мне на милость — спросил Боб, обращаясь в собственной голове ко всем и одновременно ни к кому — черт, и почему такое дерьмо должно происходить в этом мире?"

И хотя Боб Гаррисон официально считался невиновным в смерти семейства Диггенс, сам Боб никак не мог принять то, что он стал частью чей-то кончины. Стал частью увядания

человеческой жизни. Не свидетелем, но одним из ключевых персонажей этой непростой драмы. И Бобу Гаррисону такая роль была весьма не по душе.

Оказавшись в коридоре Боб знал, что не увидит своих родителей, сидящими на скамейке. Он знал, что они не ждут его, но почему-то сейчас хотел этого больше всего. Он ощущал, что ему как никогда нужна поддержка.

Но это чувство исчезло так же быстро, как и появилось. Боб вернулся в реальный мир, напоследок оглянулся по сторонам и покинул стены госпиталя. Он никогда не был любителем легких прогулок, но весь его торс был изрядно перегибсован, и врачи настояли на том, что пока ребра не срослись, необходимо совершать определенные дыхательные движения. А потому Боб решил пройтись по дороге, ведущей к улицам города через аллею. В планах Боба Гаррисона воображаемым маркером в голове было трижды подчеркнуто: «Зайти в мастерскую». Для более весомого напоминания полицейские вручили ему визитку от мастерской. Они даже предлагали личное сопровождение, что для полиции, какой ее знал бывалый дальнбойщик, было не совсем свойственно, но Боб любезно отказался. Однако намекнул, что на улице ему не помешала бы какая-никакая рубашка поверх его грязных вещей, которые позже были постираны и приведены в порядок.

В итоге заветная рубашка нашлась довольно быстро — его собственная рубашка, о чем Боб узнал немного позднее. Одна медсестра сказала, что некоторые вещи в его грузовике уцелели, среди них была одежда и любимая бейсболка Боба. Боб был рад, но потом радость начала спадать. В голове Боба пронеслась мысль, не дававшая ему покоя.

«Как же странно. В этой аварии погибло два человека. Всюду были пламя и огромные куски металла, разлетевшиеся кто куда. Но рубашка и те чертовы сигареты... их смерть обошла стороной».

«Смерть мальчика была безболезненной».

Боб вспомнил окровавленную одежду Макса Диггенс и окончательно утратил радость от того, что наконец покинет стены госпиталя.

Полицейский сказал Бобу, что его грузовик находится недалеко от города. Полиция также известила дальнбойщика, что о его приходе в автосервисе будут оповещены заранее. На самой визитке Боб разглядел напечатанные золотыми буквами на фоне зеленых лесов слова: «Дикий мотор».

И если не в больничной палате, то логичнее всего было бы предположить, что эту ночь Боб Гаррисон обязан провести в каком-нибудь дешевом отеле. Единственный вариант для человека, находящегося в чужом городе, среди чужих людей и чужих мыслей. Но сам Боб, конечно же видел лишь одно решение. Сегодня Боб Гаррисон, дальнбойщик до кончиков пальцев, был уверен — его средство передвижения сегодня станет для него ночлегом, и хоть для дальнбойщика это являлось обыденным, но добраться до машины в подобном состоянии обыденным явно не было. Так или иначе, для начала нужно было размять ноги, а там и на такси можно было наскрести.

Оставлять машину в автосервисе нужды не было, хотя график поставки товаров был давно нарушен. Ящики с импортными сигарами, которые и являлись грузом Боба, не пострадали, но дела были плохи. Начальство еще в больнице дало понять Бобу по телефону, что в связи с его состоянием товар, хоть и должен быть возвращен, более не является востребованным. Ведь прошло полмесяца и вместе с давно ушедшим заказом, мимо пролетели остальные запланированные. Одним словом, Боб Гаррисон выбился из своей колеи дальнбойщика основательно. Также начальство Боба довольно жестко намекнуло,

что тому не помешает отдых. В конце концов, он не стал противиться. Все равно лучше бы не стало, а хуже могло бы.

На дворе только-только минул полдень. На аллее перед Бобом предстали ряды из зеленых крон деревьев и опадающей листвы. Ее было так много, что дети могли здесь играть в прятки, ловко зарываясь в листву поглубже. Однако здесь проводили время лишь пациенты, что было естественно. Свежий воздух порой бывает лучшим лекарством от всех болезней.

Однако Боба не покидало чувство, что за ним кто-то наблюдает, и этот кто-то не был пациентом и кем-то из медицинского персонала. Более того, этот кто-то стремительно сокращал дистанцию между ними. Это чувство возникло само собой, внезапно. А уж если чему Боб Гаррисон и научился за свою жизнь, то только одному — своим чувствам надо доверять, как ничему другому.

Боб снял с себя свою бейсболку, которая закрывала повязку на голове и, протирая козырек, сделал вид, что обронил головной убор. Внезапно Бобу стало трудно дышать. Покалеченные ребра давали о себе знать. Слегка просидев в полусогнутом положении Боб поднял бейсболку и на секунду оглянулся. И оказался прав. Вслед за ним шел человек. На вид это был совсем молодой парень. Слишком худощав. С виду он напоминал отморозка, что трясет мелочь из школьников. Под глазами мешки и казалось, что они формировались годами толи от недосыпа, толи от чрезмерного употребления наркотиков.

Но так же Боб отметил, что лицо этого человека было совсем не злое, а растерянное. Наверное, одень он белую рубашку и поспав чуть больше, чем обычно и перед Бобом стоял бы вполне приличный и симпатичный парень. Однако незнакомец имел серьезный и совсем другой вид и его намерения были, скорее всего, так же серьезны. Бобу подумалось, что такие люди воскресную школу явно не посещают. Сейчас этот незнакомец имел вид настоящего бандита.

Заметив короткий взгляд Боба, незнакомец смутился и начал оглядываться по сторонам. Мыслительный процесс в голове Боба зашевелился как никогда активно. Его рука автоматически что-то сжала в кармане. Возможно, после травмы головы у Боба развилась паранойя, но он прожил слишком много на этом свете и мог отличить пешую прогулку от слежки. Боб еще раз взглянул на своего преследователя и... пришел в ужас. Он не был уверен в этом до конца, но ощутил страх каждой клеткой своего тела.

«Тот силуэт во сне... его лицо. Как же чертовски их лица похожи!»

Боб развернулся и уверенно направился дальше, не прибавляя шагу. Незнакомец следовал за ним.

Глава 16: Незванный гость

Ожидание длилось слишком долго. Молчание давило все сильнее и сильнее. Казалось: соверши кто-либо находящийся в зале одно неловкое движение, тут же началась бы перестрелка. По выражению лица Мэлоу, Эрик понял, что подобного гостя тут явно не ждали. Что касается самого Эрика... что ж, у него были свои счеты с прислужником самой Смерти.

В этой гнетущей тишине Вестник Смерти, он же Альбинос и Кейси, как ни в чем не бывало, просунул руку во внутренний карман своего пиджака. Вестник то останавливал свою руку, то напротив, углублял ее в карман все сильнее. Он будто что-то упорно искал, но никак не мог уловить своими пальцами. Эрика даже посетила мысль, что вопреки всей логике, содержимым кармана мог оказаться «ствол» из боевиков 90-ых годов, тогда бы началась неплохая заварушка. Перестрелки было бы не избежать.

«Благо, дневниками памяти тут отбиваться можно чуть ли не бесконечно, — саркастически подметил Эрик, — на худой конец добрая половина яств могла бы вполне сойти за холодное оружие».

Сейчас Эрик Майлз не удивился бы ни чему. Прихвостень самой Смерти, плод любви Ангела и человека и Эрик — живой мертвец. Недурная, однако, компания. Но тут Эрик вспомнил, что именно Вестник был причиной его неоправданных надежд. Наполняющий все тело гнев буквально кипел в нем.

Не дожидаясь пока Вестник что-то предпримет, Эрик решил взять ситуацию в свои руки. А именно вывалить на Вестника все то, что осталось на душе Эрика после их встречи:

— Ты, Далматинец! Ты обманул меня! Ты сказал, что здесь я найду свои ответы! Но решения ответов находится не здесь! ТЫ отправил меня не туда!

Не обращая внимания на обвинения Эрика, Вестник наконец вытащил руку из пиджака. В ней он сжимал всего лишь обыкновенный листок бумаги. По крайней мере, так Эрику показалось на первый взгляд.

— Разве вы не получили ответы? — спокойно ответил Вестник, попутно разглядывая листок, словно и сам видел его впервые. — Кажется, это ваша, мистер Майлз.

С этими словами Вестник протянул бумажку Эрику. Тот замешкался лишь на несколько секунд.

«Не доверяю я тебе, приятель, — проговорил про себя Эрик, глядя на Вестника, — посмотрим, что ты приготовил на этот раз».

Пальцы Эрика аккуратно сжали таинственный лист бумаги.

Мэлоу эта картина ничуть не смутила. Со своим непривычным для ребенка спокойствием он медленно перемещал взгляд то на одного гостя, то на другого. Однако в замке находился тот, о ком было упомянуто ранее, и кто в данный момент, увы, спокойствием похвастаться не мог.

Томас, неизменный дворецкий Мэлоу, стоял позади своего хозяина, прижимаясь к нему почти вплотную. Со стороны он больше походил на наемного убийцу. Томас в отличие от Мэлоу зафиксировал внимание лишь на Вестнике. В руках Томас сжимал нож для резки

тостов. И хотя всем присутствующим в зале было очевидно, что таким оружием Вестника не остановить, Томас показывал своим видом, что при необходимости он будет **ОЧЕНЬ** изобретателен в вопросе защиты хозяина.

Это был первый случай, когда во владения Мэлоу пришел кто-то, не наложивший на себя руки. Мэлоу не был растерян, но его глаза по-прежнему следили за гостями. Томас также продолжал следить за Вестником. Казалось, его взгляд был острее ножа.

Добрых две минуты Эрик решался взглянуть на бумагу. Мельком взглянув на находку, Эрик тут же вцепился в нее взглядом снова, жадно пожирая содержимое листка, как будто на нем было нечто очень важное. Лицо Эрика изменилось до неузнаваемости. Эрик быстро переводил взгляд с листка на Вестника. Так продолжалось снова и снова.

В руках Эрика Майлза был не просто лист. Это была фотография, фотография Эрика... и Мэри.

— Я нашел ее возле вашего тела в день вашей смерти, пару недель назад, — решил объяснить Вестник, — должно быть, она выпала из вашего кармана и была унесена ветром, а потом прилипла к ближайшей витрине.

Эрик как будто не слышал. Он впервые увидел Мэри после своей смерти. Увидел ее лицо. Тот факт, что она была неподвижно запечатлена на клочке бумаги, не играл роли. Воспоминания вновь нахлынули на Эрика, как волна, и Мэлоу заметил искреннюю улыбку на лице Эрика. Улыбку без грусти и сожалений.

«Я помню это фото, — сказал себе Эрик, чувствуя как подступают слезы — в тот день мы сидели у наших старых друзей. По нелепой случайности мой бокал дрогнул, и я пролил на Мэри последние остатки красного вина. Я думал, она разозлится, но Мэри лишь засмеялась своим громким смехом. Она шутливо назвала меня растяпой и нежно потянула мою щеку, наигранно отчитывая меня за безалаберность. Я был дико сконфужен в тот момент. Ее прекрасную улыбку и мое глупое выражение лица друга запечатлели на камеру. О, Мэри...»

У Эрика возникло непреодолимое желание показать фото Мэлоу. Мальчик с неподдельным интересом впился в нее, разглядывая содержимое, окончательно позабыв про Вестника. Томас по-прежнему был на стороже.

«Это первое фото в его жизни, — подумал Эрик, — Настоящее, а не образ, воплощенный из тысячи чужих воспоминаний. И пусть это и не собственное фото мальчика, но...»

Эрик обратился к Вестнику:

— Спасибо... но ты пришел только за этим? И... погоди... ЧТО? Ты сказал, что нашел это пару недель назад?! Прошло **ТАК** много времени?!

Эрик перевел взгляд на Мэлоу, и тот ответил одобрительным кивком.

— В вашем мире время идет иначе, нежели за его пределами. И да, я здесь **НЕ ТОЛЬКО** за этим, — ответил в своей спокойной манере Вестник, хотя Эрику послышалась явная напряженность в голосе.

И этот вид. Волосы из бывшего черного цвета стали заметно светлее, а глаза будто бы подменили на два ярких зеленых изумруда. Талия приобрела явно женские очертания и теперь даже неизменный костюм-тройка казался на несколько размеров больше. А голос... голос и вовсе стал намного... тоньше.

"Возможно, во владении Мэлоу реальность меняла даже слуг Смерти — подумал Эрик"

— Видите ли, мистер Майлз, я теперь знаю, что значит потерять близкого. И я хотел бы

дать вам возможность увидеть вашего любимого человека снова. Скажем, вы стали победителем одного исключения из правил, что... случается слишком редко.

— Чт... что? — только и выдавил из себя Эрик. — Ты... не шути так... ты...

Это был один из тех моментов, когда ты абсолютно точно и четко уловил слова с первого раза, но, чтобы мозг смог переварить услышанное, ты задаешь ответный вопрос, дабы дать себе время прийти в себя, не выпрыгнуть из собственных штанов и не завопить от неожиданности.

«Мэри... моя любимая Мэри... боже».

— И все? Так... просто? — осторожно спросил Эрик, хотя на самом деле ответ на предложение Вестника уже рвался из его уст.

"Один раз я уже обжегся, но... черт, он знает за что меня зацепить. И если это очередная липа клянусь богом, я..."

— Она... Ты знаешь, как попасть к ней?! Ты отведешь меня прямо к ней!? Без шуток? — последний вопрос был задан Эриком с особой злобой. Не удержавшись, уже через пару прыжков Эрик оказался перед Вестником, вцепившись ему в пиджак мертвой хваткой.

Вестник посмотрел на Эрика, как смотрят любящие родители на своих детей. Мэлоу это насторожило. Но сам Эрик не заострил свое внимание на взгляде Вестника. Сейчас вообще мало что могло заставить Эрика думать о чем-то, что не было связано с его возлюбленной. Руки Эрика дрожали на пару с его губами и казалось сейчас мужчина впадет в настоящую истерику. И только мысли о возлюбленной позволяли Эрику оставаться в ясном, хоть и расшатанном сознании.

«Мы будем вместе, Мэри... мы будем вместе».

Вестник не попытался удовлетворить интерес Эрика, как не пытался вырваться из его рук. Он лишь спросил:

— Вы готовы? — и вновь протянул руку навстречу Эрику.

Эрик посмотрел на Мэлоу. Мальчик протянул ему фотографию, но тут Эрик его остановил:

— Оставь себе, — произнес Эрик, немного успокоившись, — с тем темпом, что я путешествую из одного мира в другой, я думаю, мы еще увидимся. И очень скоро. Я бы хотел познакомить тебя с ней. Она всегда любила детей. Храни ее фото и помни: в этой фотографии вся моя любовь к ней. Твои родители тоже хотели подарить тебе любовь.

Мэлоу отвел взгляд. Эрику показалось, что впервые Мэлоу что-то тронуло за живое. Однако мгновение спустя мальчик произнес самым серьезным тоном:

— Я всегда буду рад угостить тебя кружкой какао, Эрик. В любое время. И спасибо, что не оказался безжизненным угрюмым типом. Только такие самоубийцы ко мне и приходят. Это слегка утомляет.

— Ну, — задумчиво произнес Эрик, — самоубийство — это просто очередное решение в твоей жизни. На склад характера оно никак не влияет. Ты можешь быть самым счастливым человеком на свете, но завтра... кто знает, что может случиться завтра, не так ли? Завтрашний день нам не обещает никто. Спасибо и тебе за приглашение. Твое какао замечательное. И... ничего, что я так бесцеремонно ухожу?

— Скажем так, — медленно и с нарастающей улыбкой произнес Мэлоу, казалось она была чересчур наигранной — подобное случается не в первый раз. Ты ведь не думал, что ты единственный за всю историю человечества, кому удавалось менять законы этого мира?

Эрик опешил, но лишь на мгновение.

"Все это уже не важно"

После Эрик улыбнулся и протянул руку Мэлоу. Тот на секунду опешил, но сразу же скрепил ее своей рукой. Вестник терпеливо стоял в стороне и ждал. Эрик обратился к Мэлоу в последний раз:

— Надеюсь, история моей жизни пришлась тебе по вкусу, — произнес Эрик, головой указывая на край стола. Однако книги там уже не было. Мальчик нежно держал ее, прижав к груди. Эрик посмотрел на Вестника. Он не чувствовал ни страха, ни грусти. Рай или любое другое место, куда он мог попасть, — что бы там не поджидало Эрика Майлза, он твердо знал: там будет Мэри. Большого ему и не нужно.

— Твой отец, — прошептал Эрик в пустоту, но Мэлоу прекрасно знал, к кому обращена реплика, — если вы когда-нибудь увидите вновь. Если есть хоть один шанс, что он и правда скитается где-то здесь... то вы обязаны сыграть в мяч. Эта традиция, которая скрепляет узы отцов и детей как ничто другое.

— Это так, — согласился Мэлоу, но без враждебности в голосе, — о твоих играх с отцом я уже успел прочитать. Редкие, но запоминающиеся так? Поверь Эрик, если когда-нибудь в этот зал войдет мой отец, мячом мы не ограничимся.

Тогда Эрик улыбнулся и произнес фразу, которая заставила Мэлоу рассмеяться. Позже мальчик вспоминал ее не раз.

После этого Вестник сказал Эрику довольно странную фразу:

— Это всего лишь комар, смахните его.

Не успел Эрик удивиться, как Вестник, быстро коснувшись его, растворился в воздухе. Впрочем, как и все остальное.

***

Мэлоу и Томас остались в зале вдвоем. Немного постояв на месте, Мэлоу подошел к окну. Он медленно поднял свою руку и приложил ладонь к стеклу. Внезапно погода за окном резко изменилась. Огромный поток песчинок за окном поменял свое движение. Те из них, что плавали по течению воздуха, взметнулись вверх, к самому небу, оставив своих собратьев внизу. Оставшиеся песчинки давно манила невиданная сила. Мэлоу отчетливо видел, куда направляются **ОСТАВШИЕСЯ** песчинки.

Он видел это не раз.

Вдали, в самом конце горизонта виднелась огромная глыба, похожая на наконечник очень большой стрелы, высеченной будто бы из камня. Теперь ее было видно с любого расстояния. Удивительным было то, что эта огромная глыба произрастала не из земли, а совсем наоборот. Свисая сверху вниз, она словно бы разрезала небеса пополам. Вблизи ее сияние было настолько ослепительным, что находившиеся рядом песчаные сугробы и хребты просто меркли. Если бы вы оказались у этой странной глыбы в нескольких миллиметрах, то вам представилась бы отличная возможность узнать, куда все это время направлялись некоторые песчинки. Они словно пронизывали глыбу, впиваясь и навечно вмерзая в этот огромный кусок неизвестного происхождения.

Из замка Мэлоу глыба казалась совсем черной, и это даже пугало.

— Ледяной Клинок стал больше. Намного больше, — произнес Мэлоу, — он тянется к самому низу своим острием. Тебе не кажется?

— Да, юный господин, — раздался голос Томаса. Хотя по выражению лица Мэлоу трудно было определить, нуждался ли он в ответе дворецкого.

— Осколки душ... частицы душ... их что-то манит. Что-то хочет вырваться отсюда. Как

ты думаешь, что произойдет, когда осколок станет слишком близко к земле?

— Господин?

— Этот осколок... как долго он находится здесь? Слишком долго, Томас, вот что я думаю. Я помню, когда-то он был еще чуть выше рыцарских доспехов, что стоят в коридорах замка. А теперь... Тысячи, сотни тысяч заблудших душ, я чувствую их, — продолжал Мэлоу. — Они скитаются так давно, что хотят вырваться. Они тянутся к земле, чтобы расколоть ее в пух и прах. Они устали. Они хотят покоя. Но где? Куда двигаться дальше? Что может быть ниже этого места? Что может быть там, внизу? Другой мир? Неужели что-то поменяется? Неужели это произойдет? Как много вопросов, Томас, и как мало ответов.

Впервые за все время Томас решил сказать чуть больше трех слов за один раз:

— Я не знаю, что произойдет, когда осколок расколется землю и расколется ли он ее вообще, но если мы покинем этот мир, то непременно попадем в другой, не так ли? Однажды вы сказали: если где-то что-то убыло, то значит, появится место, где это что-то непременно прибавится. Это математика.

— Это жизнь, — машинально отозвался Мэлоу. — Но... зачем это нужно им? Ведь они попали сюда именно потому, что жизнь потеряла всякий смысл. А теперь они зашевелились. Теперь они действуют СООБЩА.

— Возможно смысл как раз в этом, юный господин, — подметил Томас. — Возможно, это место существует именно для того, чтобы осознать, что есть что-то хуже смерти. Что есть вечная жизнь, полная боли, которую не отпустить. Возможно, это место — второй шанс. Ведь как вы однажды прочитали из дневника одного судьи: тюрьмы созданы не для наказания, они существуют для перевоспитания.

Томас взглянул Мэлоу. Глаза его господина были закрыты, а на лице застыла печальная улыбка.

Самым грустным голосом Мэлоу произнес:

— Я ведь хотел... я почти сорвался. Опять. Хотел вцепиться в этого Вестника и попросить забрать меня отсюда.

Подобное высказывание Томас предпочел оставить без комментариев.

— Ты сказал: "тюрьмы созданы не для наказания, они существуют для перевоспитания". Но тогда... почему я здесь?

Ответ на этот вопрос так же не последовало.

Мэлоу посмотрел на Томаса. На лице дворецкого не дернулся ни мускул.

— Ведь и твой образ взят из дневников памяти. Я создал его сам. Я придумал его..., однако твои мысли я придумать не могу. А значит, если ты говоришь об этом, то это имеет место быть. Нам остается лишь ждать, верно? Ох, отец, и почему мне кажется, что ты неразрывно связан с Ледяным Клинком?

Томас молчал. В его взгляде впервые читалось что-то схожее с нерешительностью. Его лицо старалось этого не выдавать, но душа словно кричала об этом.

От Мэлоу этот факт не ускользнул.

— Ты что-то хотел сказать, Томас?

"Только то, что возможно Ледяной Клинок, как вы его называете, и ваш отец куда теснее связаны, чем вам кажется."

Однако постояв в нерешительности еще несколько секунд, Томас, наконец, завел разговор о том, в чем разбирался лучше всего:

— Юный господин! Может быть... еще какао?

Глава 17: Звезды

«Он заметил меня, черт возьми, он точно заметил меня!»

Стивен уверял себя в этом с каждой минутой все сильнее и сильнее, в голове эта мысль становилась все громче и громче. Но, кажется, особого беспокойства со стороны Боба Гаррисона не наблюдалось. По крайней мере, так казалось.

«Так или иначе, он в зоне видимости — говорил Стивен, обращаясь к самому себе — Что он сделает? Подойдет ко мне? Попробует со мной заговорить? Так даже лучше. А если он все же попытается скрыться? Я должен быть наготове. Я должен...»

От этих мыслей Стивену стало не по себе.

«Неужели я уже все для себя решил? Убить человека? Нет. Преследовать. Да, именно преследовать. Пока об убийстве не может быть и речи. Иди, Гаррисон. Неважно куда, просто двигайся. Просто двигайся, черт возьми».

Стивен не был убийцей. Даже мысль о возможном освобождении из лап Кейси уже не грела, ведь цель была близка, и с этим надо было что-то делать. Провернуть убийство. Но убийство ли это? Мир так относителен. В природе не существует понятия убийства, но существует понятие о выживании. И если от жизни Боба Гаррисона зависела жизнь самого Стивена, то что остается?

«Нет, Боб Гаррисон живой — осек себя Стивен — он живой. Живой человек. Возможно, у него есть семья, друзья, и он не хочет быть убитым каким-то сомнительным парнем, разговаривающим за чашечкой кофе с чертовым коллекционером душ из другого мира или чего-то там еще. Убийство есть убийство. Как ты его не оправдывай, в итоге мы приходим к одному — к той грани, что изменит нас навсегда».

Но ведь у Стивена тоже была цель и он об этом не забывал. Жить со своей любимой сестрой, а лучше и вовсе без нее. Она заслуживает лучшего. Стивен был уверен, что должен дать ей шанс стать кем-то больше, чем родственницей загнивающего в криминальном мире барыги.

Тогда Гарсеца почти успел оборвать его жизнь. Стивен знал, что работа на подобного человека не кончается выходом на пенсию. От подобной работы не ждешь, что твой начальник, отпустив тебя по тем или иным причинам в свободное плавание, напишет рекомендательное письмо или даст тебе пару советов на будущее. Дать по лицу или по ребрам — вот чем обычно качивались подобные прощания.

Но тогда Стивен и не думал никуда уходить. По крайней мере, не в ближайшее время. Еще немного денег никогда не помешает, чтобы начать новую жизнь. Это были большие деньги, даже если речь шла о мелких сошках. Толкни немного дури там, поднакопи тут, начни питаться неделю-другую гамбургером с колой, и вот она — достаточная сумма, которая может превратиться в билет в один конец. Превратиться в билет, где начальное местоположение — это помойка, а конечный пункт — любое другое пристанище, где на расстоянии пяти метров ты бы не смог повстречать наркомана или барыгу. Стивен упорно шел к этой цели. Но прокололся.

Толкать героин на улицах никто не запрещал... почти. Вернее, был закон, да еще и с

большой буквы Закон. Тех, кто не одобрял порошкообразную массу на словах, было не пересчитать. Но когда ты работаешь на противоположную сторону морали и закона, правила в игре резко меняются. Так думал Стивен до того момента, когда не узнал простую истину — даже у беззакония есть свои правила. Первое из них было высечено на криминальном монументе четко и понятно, а именно — не продавай дурь конкурентам.

Стивен был не против этого правила. Он прекрасно понимал, что даже Гарсеца, который находился на пике героиновой горы, возьмется за любого самого невзрачного барыгу с помойки, если тот вздумает распространять его товар не тем людям. Или же не его товар, но на родных улицах (Гарсеца искренне считал все улицы, с которых идет хорошая прибыль, родными). Игнорировать подобный факт было невозможно. Спускать такое с рук означало потерять репутацию, а ни одна, даже самая вооруженная до зубов криминальная группировка, не могла оказывать влияние на других, не имея уважения со стороны других. Это бизнес, ничего личного, и не дай бог тебе оказаться личной помехой таким, как Харло. Но ведь в каждом человеке теплится нечто вроде: «А вдруг прокатит?» Так думал и Стивен.

Не прокатило.

О том, что Стивен стал механизмом, вылетевшим из общей машины наркодилерства, он понял быстро, неожиданно и с ноткой дикой и неконтролируемой боли. Это случилось за несколько часов, перед тем как доктор Сэмпел впервые увидит своего будущего пациента.

Тогда стоял вечер. Отработав свою смену официантом у "Дядюшки Сэма", Стивен по своему обыкновению вышел через черный ход. В одной руке Стивен держал небольшой пакет с ужином для Кейт. В другой же руке Стивена располагался большой и черный мусорный мешок, чья конечная остановка носило гордое название: "мусорный бак, что в ближайших десяти метрах".

Дойдя до бака и выкинув в него мешок с отбросами Стивен еще некоторое время стоял на месте, подняв голову к небу. Темно-бордовое, с десятками разбросанных по небосводу звезд, вечернее небо каждый раз подстегивало Стивена уехать из этого города. Оно показывало Стивену как же огромна вселенная и как огромен весь тот мир, что окружает одинокого торгаша наркотой и его сестру.

Посмотрев на содержимое бака Стивен с ухмылкой подумал:

"А ведь это мы с тобой, сестренка. Заложники этого огромного мусорного бака. Не когда-нибудь мы уедем. Когда-нибудь мы уедем из этого огромного мусорного бака. И тогда все будет по-другому."

Стивен курил редко и почти всегда это происходило в моменты его размышлений о будущем. Закурив сигарету и покинув территорию забегаловки, Стивен вышел из переулочка на главную улицу, сделав долгую и приятную для уставшего разума затяжку.

Последнюю затяжку.

Тот момент, когда хруст ребер Стивена был слышен по всему кварталу, надолго останется в ушах молодого беззаконника. Этот хруст напоминал тонкую корку льда, которая с громким треском ломалась под напором ваших ног.

Первый удар пришелся по Стивену со спины. Стальная бита буквально вьелась в его ребра, заставив Стивена отлететь в ближайший закоулок. Дым от сигарет, застряв в легких, заставил Стивена загнуться в приступе кашля. Уже через секунду мощный пинок в спину и вовсе отправил Стивена на встречу грязной луже на асфальте.

Сигарета, словно в замедленной съемке, упала прямо в лужу и через секунду была поглощена ею, оставив напоследок шипение раскаленного фильтра. Отчего-то Стивен

запомнил момент очень хорошо и в тот миг он подумал:

"Ну вот и всею Сейчас погасну и я"

Стивен попытался подняться, но резкая боль в ребрах заставила его скукожиться вновь, словно повторяя позу эмбриона. Чтобы видеть происходящее вокруг Стивен нашел в себе силы развернуться и следующий укол боли в груди сказал ему о том, что это были его последние попытки хоть на секунду пошевелить и самой крохотной частичкой своего тела. Боль стала настолько сильной, что Стивен даже подумал, а не лопнет ли его грудь в какой-то момент.

Два силуэта перед собой Стивен узнал без особого труда, даже испытывая такую дикую боль. Палачи Гарсеца — тупые, но верные и никогда не боящиеся замарать свои руки в чужой крови. Стивен хотел было что-то им ответить, но легкие словно сдавило. Сэм и Гарри его не услышат. Помощи ждать не откуда. Теперь все что мог делать молодой торговец наркотиками, так это молча наблюдать, как над его лицом возвышается ботинок одного из палачей.

Один резкий выпад вперед и нос Стивена с очередным хрустом изогнулся под давлением подошвы ботинка неприятеля. Кровь хлынула из носа, быстро пачкая и согревая лицо Стивена. При этом боль в ребрах немного спала, а от следующего пинка по голове и вовсе ушла в забвение. Перед глазами все плыло. Теперь Стивен не чувствовал ни боли, ни даже собственного тела. Лежа в луже, которую теперь помимо грязной воды наполняла кровь, Стивен ни нашел ничего лучше, чем продолжать смотреть в ночное небо. Один миг и вот уже Стивен был совсем в другой реальности, где яркие звезды были так красивы и близки, что казалось их можно потрогать руками.

Конечно, палачи Гарсеца не забыли кричать Стивену что-то вроде: «Зря ты толкал дурь кому попало» или «Ну что, доносил героин конкурентам, э?». Но их противный смех и посаженные голоса теперь были слишком далеки и приглушены.

"Не продавай дурь конкурентам"

Этот урок Стивен запомнил надолго. И возненавидел тупоголовых верзил-палачей Гарсеца, а главное — себя. Хорошая жизнь дорогого стоит. Но не смерти.

Но это мысли придут в голову Стивена позже, когда тьма поглотит его сознания и от прежнего Стивена Баркса ни останется ничего. А пока эти мысли еще не успели сформироваться должным образом, важным были лишь звезды. Звезды, глядя на которых окровавленный и избитый до полусмерти Стивен Баркс думал лишь об одном.

Чтобы они забрали Кейт из этого города. Туда, где ночное небо так же красиво как и сейчас. Красиво всегда. Думая об этом, под очередной порцией ударов и пинков, Стивен Баркс по-настоящему улыбнулся.

А потом наступила тьма.

Вернувшись из воспоминаний в реальность, Стивен задался новыми вопросами.

"И что теперь? Что, черт возьми, мне теперь делать?"

И теперь, неожиданно для себя, Стивен вдруг осознал, что сам оказался на месте палачей. Палачей, которые сегодня прольют чью-то кровь.

Глава 18: Бей и беги

Глава 18: Бей и беги

Внезапно в кармане Стивена завибрировал телефон, который в отличие от своего владельца, в тот роковой день, чудом остался цел и невредим.

Входящий звонок был от Кейт.

— Стив, привет, у меня выдалась свободная минутка... я думаю, что скоро освобожусь, — тороплива начала она. — Ты был у Сэма?

Стивен ответил не сразу. Набрав в грудь побольше воздуха, чтобы выровнять голос, он попытался ответить максимально непринужденно:

— Да, конечно. Теперь у нас есть немного денег для начала. Но Сэм настоял, чтобы я дождался окончания смены. Он хочет поговорить со мной. Ты не против?

— Ты еще не дома?! — Кейт была явно расстроена. — Я думала, ты пробудешь там не больше часа! А прошло больше двух! Тебе еще нельзя находиться на ногах так долго, Стивен! Ты точно у Сэма? Только не говори, что...

— Нет, нет, нет! Кейт, ничего такого, я просто решил поговорить с Сэмом напоследок, и только. Все же мы уезжаем навсегда. Как знать, когда мне представится возможность вновь увидеть старика. Когда ты приедешь, я буду дома. Обещаю, Кейт.

— Ну да, я бы тоже хотела попрощаться с Сэмом — грустью ответила Кейт и недовольство в ее голосе постепенно начало угасать.

«Только не сегодня, — мысленно подумал Стивен, — сегодня лучше бы тебе сидеть дома и никуда не выходить».

Между тем, Кейт продолжала говорить.

— Ты сказал, что дождешься окончания смены... ты что, будешь там весь день?

— Ну да, — быстро ответил Стивен. Сама того не ожидая, Кейт обеспечила своему брату отличное алиби на весь день. — Так будет проще, нежели тащиться до нашей съемной квартиры. Ты же знаешь, тут есть кушетка в подсобке. Сэм и Гарри тут. Ничего со мной не случится.

«Предупрежу Гарри, на случай если Кейт захочет проверить мою "легенду". И дело в шляпе».

— Ну хорошо, — облегченно произнесла Кейт, — тогда я за тебя спокойна.

С облегчением вздохнул и сам Стивен.

В трубке повисла небольшая тишина.

— Мне точно стоит начать собирать свои вещи или...? — голос Кейт опять приобрел новую волну волнения.

«Стоит... а стоит ли? Ты же уже все решил для себя, так ведь, Стивен? Или же...?»

— Конечно, стоит, — посмеявшись, уверил свою сестру Стивен. Смех вышел довольно неестественный.

— Хорошо, — волнение Кейт немного спало, — но не задерживайся, Стив. Я волнуюсь за тебя. Все хорошо?

— Конечно, — печально улыбнувшись, ответил Стивен, — скоро увидимся. Я люблю тебя! — не дожидаясь ответа своей сестры, он торопливо положил трубку.

Спрятав телефон в карман, Стивен нащупал в нем клочок бумаги. Стивен инстинктивно вспомнил о разговоре с Сэмом и тут же попытался отогнать все мысли прочь.

«Если бы Кейт видела то, чем я сейчас занимаюсь, — подумал Стивен, — Если бы она только знала...».

Стивен вспомнил, как все начиналось: те времена, когда отец бросил его, восемнадцатилетнего шкета, четыре года тому назад. Кейт тогда исполнилось пятнадцать, и она уже пристрастилась к молитвам и прочей религиозной лабуде. Тогда она смотрела на Стивена глазами, преисполненными надежд. Глядя в эти глаза, Стивену становилось дурно. Он считал не достойным себя всего этого. Они всегда были близки с сестрой, и она видела в нем героя, который вынесет все беды этого мира ради Кейт. Только Стивен не был героем. Он все еще был ребенком, которому было страшно. Большой страх и большая ответственность за новую семью свалилась на восемнадцатилетнего подростка.

Попечительство по опеке помогло Стивену с работой и со съемной квартирой. Тогда они еще не были уверены, может ли такой человек как Стивен позаботиться о своей сестре и главное о самом себе. Однако разговоры о детском доме приводили Кейт в истерику. Она начинала кричать, что убежит жить на улицу, если ее разлучат с братом. В конечном итоге все вышло в пользу Барксов.

Стивен подрабатывал то тут, то там. А Кейт ежедневно посещала монастырь и занималась хозяйством. Монахини монастыря приняли Кейт как родную. Они вместе молились, а Кейт по возможности оказывала монастырю различную помощь. Она ездила в детские дома и дарила детям одежду. Ей всегда нравилось говорить о том, сколько благодарности можно увидеть в невинных и чистых детских глазах. Так же она занималась тем, что кормила бедных... ну и все в том же духе.

А потом произошел тот самый случай.

Говорят, что дети — самые жестокие существа на земле. По большому счету такое мнение строится из-за того, что для несовершеннолетних нет достойного наказания. Чувство вседозволенности переполняет их, и это дает плохие результаты. Прибавьте ко всему прочему стадный инстинкт, и вот она — агрессивная и жестокая толпа малолеток, которая жаждет пролить чью-то кровь.

В этот раз была пролита кровь... Кейт. Стивен помнил, как она пришла домой. Под ее глазом виднелся здоровенный синяк, губа была разбита, волосы взъерошенные, а одежда порвана и вымазана грязью. Стивен смотрел на свою сестру и был в шоке. А та... та только лишь улыбалась и плакала.

«Господи, — подумал тогда Стивен, — и она шла так всю дорогу домой. Кто... кто это сделал с тобой... кто?»

Добиться каких-либо объяснений от сестры Стивену не удалось. Его трясло, должно быть, сильнее, чем саму Кейт. Наспех обработав сестре раны Стивен вылетел из их съемной квартиры, словно пуля. Он обошел ближайшие два квартала, не до конца понимая зачем и почему, но тогда ему казалось это важным. Сидеть на месте сложа руки он просто не мог. Тогда Стивен шел и просто не мог остановиться. Остановившись он был уверен, что переполнявшие его эмоции просто взорвутся и тогда жди беды.

Наконец успокоившись и придя домой Стивен ожидал, что Кейт будет спать в своей постели, однако та дожидалась его, не сомкнув глаз. Она принялась с порога отчитывать брата за то, что тот гуляет среди ночи, совсем не думая о себе. И тогда Стивен не выдержал. Глядя на Кейт, избитую и униженную, он вдруг понял, насколько ей все равно до всего

этого. Все, что ее волновало был Стивен.

"Боже — подумал Стивен в ту ночь — на ней живого места нет, а она думает обо мне"

Кое-как уложив свою сестру спать, Стивен просидел на кухне всю ночь плача и в очередной раз проклиная этот город.

Уже на следующий день он отправился с работы в монастырь. Там от монахинь он узнал, что местная ребягня часто дразнила Кейт. Для Стивена это было настоящим откровением, ведь сестра никогда не упоминала о чем-то подобном. Стивен заметил, как за все время разговора монахини смотрели на него с опаской, будто бы готовясь в случае чего пригнуться или отпрыгнуть в сторону. Монахини рассказали Стивену, что дети кричали ей обидные слова, говоря, что она грязная сирота и религиозная фанатичка, а ее брат — законченный наркоман.

«Теперь мне понятно поведение этих долбаных монашек, — подумал в том время Стивен, — нашли чему верить. Наркоман, блин!»

Нет, Стивен никогда не принимал наркотики, но уже тогда начинал бешено вертеться в наркобизнесе. Позже он станет скрывать от сестры правду, но она, конечно же, все равно все узнает. Она наивная, но далеко не дура. Она будет делать вид, что все хорошо и лишь один раз спросит Стивена, принимает ли он сам ту дурь, что толкает на улицах. Стивену будет так хреново, как не было никогда. Он поймает на себе взгляд сестры, которым она смотрела на их отца. Взгляд полный разочарования. Это станет первым происшествием, отдалившим юных Барксов друг от друга. Это будет ужасно.

Но это будет потом.

Стивен выяснил от монахинь, что издевательства над Кейт продолжались довольно длительное время. В Стивене вновь запылала безудержная злость. Он был зол на свою сестру за то, что она скрывала это от него. Был зол на монахинь, которые бездействовали и не пытались защитить Кейт. Он был зол на самого себя. Когда они остались с Кейт вдвоем, без родителей, Стивен поклялся, что защитит ее. Но он не смог.

Этим же вечером Стивен нашел тех самых задир. Он не помнил того, что произошло позже, но он помнил, как оказался дома. Кейт встретила его с ужасом в глазах. Руки Стивена были залепаны кровью. Когда все прояснилось, сестра не разговаривала с братом неделю. Стивена это несколько не удивило. Даже если бы те малолетние ублюдки переехали ее машиной, Кейт бы ни за что не одобрила вендетту своего брата. Не по-божески, видите ли. Ну и пусть.

До суда дело не дошло, но работу Стивен сменил, а Кейт больше не посещала тот монастырь. Квартиру также пришлось сменить. Стивен боялся, но не за себя. Боялся, что все повторится уже со стороны разъяренных родителей малолеток, и тогда Кейт не отделается парочкой синяков. Стивен понял одну простую вещь — кроме друг друга, у них не было никого. И они должны выжить в этом мире. Выжить во чтобы то ни стало. А избитые им подонки получили по заслугам. Хоть они и были детьми, но для Стивена это была лишь внешняя оболочка.

"Таких ублюдков нужно душить в младенчестве — думал он — и если их родители не смогли вдолбить им, как вести себя в обществе, то это сделаю я"

Оторвавшись от воспоминаний прошлых лет, Стивен понял, насколько сильно он успел отстать от Боба. Аллея кончалась и уже были видны огромные черные ворота, ведущие на городские улицы. Гаррисон был почти у них.

«Моя жизнь тоже имеет цену, я тоже кому-то дорог — сказал себе Стивен — Я сделаю

все ради того, чтобы мы выжили в этом мире. Я обещаю тебе, Кейт. Мы будем вместе. Всегда».

С этими мыслями Стивен Баркс, послав ко всем чертям осторожность, ринулся к воротам. Каким-то образом Боб обернулся именно в этот момент, но ни паники, ни волнения в его глазах не отразилось. Он уже был у ворот и, ускорив шаг, скрылся за стенами госпиталя. Стивен отметил, что потеряв Боба, он успокоился и заволновался одновременно.

«Убегай. Ты должен бежать. Я не хочу тебя убивать, так что беги, прошу, черт возьми!»

Однако ноги Стивена уже несли его к воротам на всех парах. Когда ворота были позади, Стивен машинально оглянулся по сторонам. С правой стороны расстилалась прямая дорога, ведущая к близлежащему аэропорту. На дороге почти никого не было.

«Не успеет. Он не в состоянии передвигаться так быстро. С его-то травмами он точно не успеет скрыться».

Стивен стал рыскать взглядом по левой стороне, ведущей на городскую площадь. Там было оживленнее. В конце дороги находился перекресток. Путь от него до ворот был достаточно короткий, чтобы успеть скрыться в любом из возможных направлений. Но тут среди прохожих Стивен отметил знакомую бейсболку, направляющуюся к той улице, что вела к метро. Стивен рванул, но бейсболка Боба уже успела исчезнуть. Перебежав дорогу на красный и в два прыжка достигнув входа, Стивен быстрыми и короткими шагами устремился по лестнице, ведущей в подземку. На пути ему встретилась толпа разношерстных прохожих, но никого похожего на Боба в бейсболке он не разглядел. К сожалению Стивен, головных уборов на головах прохожих не наблюдалось.

«Он мог снять свою чертову бейсболку!» — прокричал Стивен в собственном сознании так грозно, что испугал бы даже Кейси.

Возвращаться и проверять каждого, кого Стивен успел обогнать не было ни времени, ни смысла. Купив, наспех, жетон, Стивен чуть ли не перепрыгнул через турникеты и уже через несколько секунд оказался на просторной станции. Народу тут было меньше, чем наверху. Но и тут никого похожего на Боба Стивен не нашел. На одной из сторон приехал поезд, и люди новым потоком заполняли его со всех сторон.

«Больше некуда, — подумал Стивен, — поезд на другой стороне не мог отъехать за секунду то того, как я оказался тут. Я бы услышал его отъезд. Он еще не приехал, а значит, Гаррисон может быть тут».

Стивен запрыгнул в центральный вход поезда. В его вагоне было мало людей, даже оставались свободные сиденья. Стивен прошел в конец вагона и посмотрел через дверь в следующий вагон. Тот был пуст. Но Стивен отказывался верить в то, что Боб Гаррисон не сел в поезд.

«В одном из вагонов, не в этом, но в каком-то он должен был быть. Несомненно».

Стивен знал, что Боб его заметил. Знал, что Боб пытался уйти. Уйти, но не прятаться. Стивен видел Боба впервые в своей жизни, но понял сразу: такой человек не станет прятаться за ближайшим углом в платном толчке, только чтобы переждать опасность. По крайней мере он сделает это не из-за страха.

В противоположном вагоне людей было примерно столько же, сколько в вагоне Стивена, но разглядеть кого-то было весьма затруднительно. Стивен понимал, что ему остается перебираться по вагонам на каждой станции.

«За это время Боб может слиться с толпой или не выходить вовсе, пока не поймает удачный момент. Я в заднице, черт возьми! Я в полной заднице!»

Поезд продолжал свое движение. Стивен успел выровнять дыхание и слегка успокоиться, вместе с этим в его голову пришли новые мысли.

«Видел ли меня Кейси? Если да, то почему он не помог мне?»

Но тут же в его сознании мысли вступали в противоречие.

«А нужна ли мне помощь? Если я упущу Гаррисона, Кейси даст мне отсрочку. Ничего не случится. Ну как далеко уйдет какой-то мужик с пробитой головой, сломанными ребрами и без гроша за душой?»

Из колонок вагона женский голос объявил название следующей станции. Постепенно поезд начал замедлять свое движение. Стивен стоял прямо у входа, а его рука сжимала поручень так сильно, что пальцы начинали выглядеть, словно пара мелков, прилепленных к железяке. Внезапно, всего лишь на мгновение, в вагоне стало совсем тихо.

Голос, который бы Стивен Баркс хотел слышать меньше всего, произнес:

«Выходи».

В этот самый момент двери вагона распахнулись, и все посторонние звуки вновь заиграли в привычном для них ритме. Стивен подумал, что это знак и, выйдя из вагона, стал осматривать станцию своими бешено вертевшимися глазами. Людей было слишком много. В этот момент Стивена кто-то тронул за плечо. В один поворот, почти на автомате, он схватил рукав незнакомца, а второй рукой занес кулак над своей головой.

Перед ним стоял Кейси.

— Какого... Гаррисон...он — запыхаясь, выплеснул Стивен.

— Ушел. Причем давно. Вместо того чтобы взойти с тобой на поезд, он отправился в отсек проверки багажа. Охрана чуть не выпнула его, но этого времени хватило, чтобы обдурить тебя. На отсек ты не обратил никакого внимания.

Мысленно Стивен выругал себя. Действительно, отсек располагался прямо позади турникетов. Разглядывать их казалось пустой тратой времени. Однако в глубине души Стивен был даже рад.

«Кажется, пока можно было вздохнуть спокойно».

Уловив взгляд Стивена, Кейси словно бы прочитал его мысли:

— Ничего страшного. Я нашел его.

Лицо Стивена тут же поменялось с усталого и растерянного на испуганное и злобное. Он уставился на Кейси и смутился. Приглядевшись к Кейси, он увидел, что его волосы стали длиннее, а само тело будто бы вытянулось и стало стройным, как у женщины. Теперь костюм-тройка выглядел на Кейси слишком большим. Лицо и голос Кейси выдавали в нем... нечто женское.

Прокрутив еще раз сказанное Кейси ранее, Стивен ошеломленно воскликнул:

— Нашел? Черт возьми, так ты все время был тут и не помог поймать его?!

Кейси с ледяными нотками в голосе произнес:

— Кажется, поимка Боба Гаррисона — это ТВОЯ работа.

Стивен слегка сбавил свой тон и спросил:

— И что теперь? Где его искать?

— Дома, — ответил Кейси и слегка улыбнулся, — в определенном смысле.

— В каком это таком смысле, а? Ты сказал, что нашел его. Он живет рядом? Хватит говорить загадками.

— В каком смысле, говоришь? Только в одном. Его дом в этом городе в его машине. И теперь мы знаем, где она.

Кейси протянул Стивену руку с небольшой пластиковой карточкой.

«Дикий мотор» — прочел Стивен и посмотрел на Кейси. Тот лишь пожал плечами.

— Она выпала из кармана его рубашки. Надеюсь, очень скоро мы встретимся, Стивен.

Стивен окончательно пришел в себя. Ему вспомнилось выражение лица Боба Гаррисона, когда тот заметил слезку.

«Его лицо, — подумал Стивен, — он посмотрел на меня так, словно увидел призрака. Боб Гаррисон, кто же ты все-таки такой?»

На станции стало просторнее. Кейси удалялся прочь, а мысли Стивена начали преобразовываться во что-то новое, совсем не связанное с последними событиями минувших двадцати минут:

— Эй, Кейси?

Кейси остановился и наполовину повернулся к Стивену. Тот улыбнулся и крикнул:

— Мне надо бы по пути заскочить в одно место. Но мне понадобится твоя помощь. Интересно?

Кейси смотрел на Стивена выжидающим взглядом. На подобное предложение ни один Вестник Смерти не обратил бы и толики внимания, однако ту часть Вестника, что занимала Кейси Диггенс, все же что-то подвигло ответить легко и просто одним-единственным словом:

— Да.

***

Бар «Дартс» был одним из тех баров, в которые даже в дневное время заглядывать было опасно для жизни. Радиус поражения распространялся даже вокруг самого бара, а потому если в подобном месте и случались конфликты, то лишь среди постоянного контингента «Дартса». В таких случаях в «Дартсе» оставалась лишь половина конфликтующих. Другая половина находилась вне бара с переломанными руками и ногами. Обычно завсегдатаи «Дартса» называли это серыми буднями.

Но, кажется, сегодня не повезло абсолютно всем. Сложно было сказать, кому не повезло в особенности: тем бедолагам, что вылетели через все имеющиеся в баре окна, несчастные, кому довелось пробить двери входа собственными черепами или оставшиеся посетители, кому было суждено познать на собственном позвоночнике прочность каждого стола в баре. А еще там была мука. Она находилась везде, покрывая полы и стены, оседая на дне еще закупоренных напитков за стойкой. Но больше всего муки было на владельце «Дартса», человеку по имени Харло Гарсеца. Возможно, все эти события были бы предотвращены, если бы вовремя приехала полиция. Но Харло был в хороших отношениях с полицейскими и, зная славу «Дартса», первые двадцать звонков по традиции служителями закона были вежливо проигнорированы.

Кейси и Стивен шли по улице. Подошвы Стивена оставляли странные порошкообразные белые следы, а карманы его куртки заметно прибавили в весе. В тот же вечер полиция обнаружила заметную убыль различных купюр в сейфе Гарсеца. Самому же Харло пришлось долго объяснять, почему его прямая кишка буквально до краев была заполнена героином, и почему человек в костюме-тройке, в которого Гарсеца высадил всю обойму, не упал замертво, как того бы Гарсеца не хотел, а лишь ненадолго замедлился, пока пули от пистолета просто не выпали из тела своей цели. Этот рассказ свяжут с употреблением Харло героина в особо крупных размерах. И на этот раз его тесные связи с полицией вряд ли помогут.

Глава 19: Мэри

Первым, что почувствовал Эрик, был запах. Запах цветов. Их аромат был повсюду. Казалось, он наполнял каждую клетку Эрика жизнью. Еще не открыв глаза, Эрик ощутил новый для себя мир с помощью обоняния.

Эрик уже и не помнил, когда в последний раз мог различить какой-либо запах по-настоящему (кроме недавнего запаха божественного какао). Здесь же пахло всем сразу. Пальцы его рук нащупали что-то жесткое. Это что-то очень сильно напомнило траву. Запах травы воодушевил Эрика, казалось, даже больше запаха цветов. Этот запах напомнил ему времена, когда он играл на заднем дворе родительского дома, будучи ребенком. Делая куличи из земли и выкапывая червяков, этот аромат пропитывал все вокруг. Он ассоциировался у Эриком с гармонией и спокойствием. С самой жизнью, в лучших ее проявлениях.

Тогда Эрик пошел дальше и начал вспоминать запах леса. Запах гор и бескрайних равнин. На секунду Эрик даже подумал, что все, что с ним происходит лишь простой сон. Проснувшись и уничтожив этот фентезийный и совершенно иной мир, Эрик поймет, что все это время спал на теплой травке какого-то поля близ города или где-то еще. Тогда бы вышло, что на деле Эрик Майлз жив, а все его бесконечное путешествие лишь плод сновидений.

Самое паршивое для Эрика в этой ситуации было бы понять: а что же делать дальше? Если это и было так, то самому Эрику ничего не оставалось, как подняться с земли, открыть свои глаза и увидеть все то, что успело почувствовать его тело.

Это было неопишимо. Вокруг Эрика, и правда, прямо на глазах расцветали цветы. Их было тысячи, самой невероятной и разнообразной окраски и величины. Они расстилались по всей поляне, вплоть до горизонта, где кончалось ясное небо. Поляна цветов была бескрайней и уходила куда-то в неизвестность, оставляя за собой лишь переливающуюся дорогу из цветочных красок. Эрик прищурил глаза, разглядывая забытое солнце. Это было удивительно, ведь мертвецам солнце не светит, но Эрик инстинктивно все же сузил свои веки и попытался закрыть свое лицо рукой.

После этого, немного помассировав глазные яблоки, Эрик предпринял еще одну попытку встретиться взглядом с большим желтым шаром. Боль уже не была столь резкой, а кожу на лице слегка припекало лучами солнца. Эрик чувствовал себя по-настоящему живым. Это пугало и завораживало одновременно.

Когда глаза полностью привыкли к окружающей обстановке, Эрик огляделся по сторонам еще раз. Далматинца поблизости не было, но этому факту Эрик не удивлялся. Только сейчас Эрику удалось разглядеть огромное зеленое дерево чуть поодаль от расстилающейся цветочной поляны. Казалось, дерево выросло за несколько секунд, прорываясь через недра земли напрямик к облакам, а его огромная крона затмевала под собой все вокруг огромным черным полотном тени. Эрик направился напрямик к дереву.

Все эти перемещения были слишком быстрыми. Не успеешь привыкнуть к одному месту, как очередное обстоятельство вынуждает оказаться в совершенно новом. Неужели так происходит со всеми после смерти? Или же подобная суматоха происходит только с теми,

кто сам наложил на себя руки? Должно быть, ни то ни другое. Случай Эрика особый, и он прекрасно это понимал. Попадал ли кто-либо сюда из владений Мэлоу? Может быть да. может быть и нет. Эрик понял это по гнетущей атмосфере в зале замка. Эрику было уготовано место среди вечных мучеников самоубийц, и ему дали это понять четко и ясно. Но вот он здесь. Первый. А возможно тысячный. В иных мирах и ответы совсем иные. Размытые. Однако эти цветы... что это вообще за место? Вопросов было слишком много, но, увы, ответить было некому. Прочем, подобным вещам Эрик уже давно перестал удивляться.

Подойдя к дереву совсем близко, Эрик заметил, что под его кроной начал вырисовываться какой-то силуэт. Эрик постарался напрячь свой взгляд. Под навесом тени было невозможно разглядеть того, кто под ней скрывался. Несмотря на всю красоту окружающего пейзажа, Эрика охватило несвойственное для подобного места чувство — страх. Страх того, что человек, который с каждым метром становился все ближе, окажется миражом.

«Ну, конечно же, — подумал Эрик, — это она. Это определенно она!»

Силуэт, наконец, заметил его приближение и, повернувшись к нему, начал разглядывать своего нового гостя. Тем временем Эрик уже без оглядки мчался к своему заветному видению. Однако, как только он приблизился к дереву вплотную и оказался в паре шагов от женского силуэта, то рухнул на колени. По его щекам текли слезы, а спустя пару секунд плач Эрика перешел в настоящее рыдание. Он не пытался заговорить с девушкой напротив него и не пытался поднять на нее свой взгляд. Все, что мог совершить Эрик Майлз в это мгновение, так это выпустить свои чувства. До последней капли. Выпустить и утонуть в них.

Девушка в белоснежном летнем платье и соломенной шляпе, закрывающей каштановые локоны, мило улыбалась. Она опустилась на колени рядом с Эриком. Ее ноги были босы, а голубые глаза смотрели прямо на Эрика.

Улыбнувшись, она произнесла:

— Здравствуй, Эрик.

В ответ Эрик только лишь всхлипнул. Он попытался закрыть лицо руками, но девушка нежно взяла его руки в свои. Тогда Эрик, поднял на нее свой взгляд. От этих прикосновений он дрожал. Дрожал, словно ему вдруг стало невероятно холодно.

Эрик ответил не сразу. Ему не хватало воздуха, но, наконец, он сумел совладать с собой:

— Здравствуй, Мэри.

Приветствие прозвучало довольно нелепо. Эрик попытался успокоиться, но все еще периодически всхлипывал. Его руки сжимали ладони Мэри. Они были такие нежные и такие теплые, что Эрик сжал их еще крепче, в надежде, что они размякнут настолько сильно, что буквально пропитают все его тело. Сейчас он не смог бы отпустить их ни за что на свете. Наконец Эрик Майлз встретил ее. Наконец Эрик Майлз встретил свою любовь.

— Мы в... я даже уже боюсь спрашивать, где мы, — тихо произнес Эрик. Казалось, этот вопрос был простой формальностью. Рай, ад... какая теперь разница? Он с Мэри. Большег ничего Эрику не было нужно.

Теперь, когда Эрик успокоился, то уже мог смотреть Мэри прямо в глаза.

— Мы дома, — улыбка Мэри стала еще милее.

— Здесь... здесь...

— Никого нет. Только ты и я.

Как же давно Эрик не слышал этого голоса.

— Я ждала тебя. Все это время, Эрик.

Переполюняющие чувства уже не могли совладать с разумом и Эрик, резко притянув к себе Мэри, дал полную волю своим эмоциям. Он не знал, сколько они просидели вместе. Может быть, прошло пять минут, а может быть, целая вечность, но Мэри была совершенно не удивлена. Эрик ощущал ее тепло, и этого было достаточно.

Под огромным деревом заблудившийся в столь дивных краях путник мог бы разглядеть два силуэта: мужчину, склонившего голову к самой земле и лежавшую у его колен девушку, нежно опустившую на них голову. Глаза девушки были закрыты. Мужчина нежно касался ее волос и смотрел в ясное небо.

— Я пытался идти дальше, — голос Эрика периодически вздрагивал, но он старался говорить ровно, — я правда пытался. Но я не смог. Я знаю, ты бы остановила меня, если бы могла. Но когда ты лежала там, на дороге, когда я держал твое тело на своих руках, ты...

На мгновение Эрик замолчал. Его глаза были закрыты. Немного погодя он шепотом произнес:

— Я не мог жить в этом мире без тебя, Мэри. Мог, но... не хотел. Это была не жизнь.

Мэри все также лежала с закрытыми глазами. Она не проронила ни слова, но ее улыбка стала еще шире и еще милее.

— Что будет теперь? — спросил Эрик, и вопрос, повиснувший в воздухе, будто улетел куда-то вдаль. Эрик, наконец, осознал, что его путь окончен.

— Теперь мы будем счастливы, — промурлыкала Мэри и вновь коснулась щеки Эрика своей ладонью.

«Это всего лишь комар».

Фраза, возникшая в голове Эрика и произнесенная точно таким же голосом в момент последнего разговора с Далматинцем, внезапно уколола Эрика в самое сердце.

— Ты была здесь с самого начала? — Эрик попытался унять возникшее беспокойство.

— Да, — голос Мэри совсем не изменился, переходя из спокойного в умиротворяющий голос. — Я оказалась в этом месте и... я знала. Знала, что когда-нибудь это будет наше место.

«Смахните его!»

Эрик огляделся по сторонам. Затем поднял голову высоко в небо. Ему не давал покоя этот голос. Комар. Причем здесь комары?

— Знаешь, я встретил одного мальчика. Он сказал, что на небе живут ангелы. А здесь ты видела хоть кого-нибудь из них?

Вместо ответа Мэри привстала и устремила свой взгляд на Эрика. Она смотрела на него долгим любящим взглядом, как умела лишь она. Со стороны казалось, что Мэри что-то считала в уме. Она притянула Эрика за шею и нежно прошептала ему:

— Видела. И этот ангел стоит прямо передо мной.

После этого Мэри запрыгнула на Эрика, повалив его на землю. Маленьким комком они покатались со склона по поляне, постепенно удаляясь от огромного дерева прямо в гущу цветов. Быть может, их горячий поцелуй длился целую вечность. Как же давно Эрик не испытывал этого обжигающего покалывания у своих губ. Повалив Мэри на землю, он прижал ее руки к земле и жадно начал целовать ее шею. Мэри весело смеялась и пыталась выбраться из объятий своего возлюбленного. В ответ Эрик одарил ее порцией щекотки. Смеясь, Мэри тут же потянулась к нему сама, жадно питая его губы своим поцелуем.

Эрик оттолкнул Мэри к земле и медленно начал спускаться к ее груди. Смех Мэри постепенно перешел в стон. Эрик перестал контролировать не только собственный разум, но

и тело. Дыхание Мэри стало слишком громким и частым.

— Мэри, — выдавил из себя Эрик. Его дыхание никак не могло выровняться. — Прости... я... я не знаю, что на меня нашло, я...

В этот момент Мэри схватила его лицо двумя руками и притянула к своему лицу. Ее губы впились в губы Эрика с новой силой.

Тело Эрика Майлза словно окаменело. Больше он не мог сопротивляться своей страсти, и его руки слились с нежными бедрами Мэри.

Говорить что-либо было незачем. Это было так похоже на них. На Мэри. На то, что связывало их, и чем они жили все эти годы.

«Это наша страсть. Наша любовь. Это наш рай. Настоящий рай».

Эрик прижимал Мэри к себе все сильнее, но она одним рывком перевернула его, прижав руки к земле. Внезапно левая рука отозвалась сокрушительной болью.

«Это всего лишь комар! Смахните его!»

Эрику казалось, что кто-то вцепился в его руку чем-то невероятно острым. Словно клыки дикого зверя смыкались на его плече, безжалостно дробя все кости и мышцы на своем пути. Эрик вновь посмотрел на Мэри. В ее глазах больше не было нежности. Эта была животная страсть. Эрик попытался немного отстранить ее от себя.

— Послушай, Мэри, что-то не так.

Но Мэри, замешкавшись лишь на секунду, откинула его руки назад и снова вдавила в землю. Ее сила казалась нечеловеческой.

— Мэри, хватит! — закричал Эрик, но отстранить ее теперь казалось невозможным.

«Что-то не так, — паника в голове Эрика нарастала, — что-то явно не так! Мэри? МЭРИ! ЭЙ, МЭРИ!»

В этот момент взору Эрика предстало то самое огромное дерево. Листья его уже не были столь яркими. Они иссохли и опадали один за другим.

«ЭТО ВСЕГО ЛИШЬ КОМАР! СМАХНИТЕ ЕГО! СМАХНИТЕ ЕГО!»

В этот момент боль в руке стала совсем невыносимой. С трудом Эрику удалось вырвать свою правую руку от цепких пальцев Мэри и буквально одним рывком впиться пальцами в левую.

Внезапно Мэри остановилась и произнесла с самой грустной улыбкой, которую Эрик видел в своей жизни:

— Я люблю тебя.

Боль достигла своего предела. Эрик начал терять сознание. Оставшиеся силы он вложил в каждый палец своей руки и вдруг, что-то нащупав в своей левой руке, резким движением вырвал это что-то наружу. Последнее, что успел увидеть Эрик, это лицо Мэри. С ее щеки катилась одинокая слеза. А после этого Эрик отбросило назад.

Земля вокруг исчезла. Исчезло и все остальное. Синее небо постепенно сменилось белым фоном, а рука Эрика как оказалось, до сих пор что-то яростно сжимала мертвой хваткой. Все еще находясь в полубморочном состоянии, Эрик потратил последние силы, чтобы притянуть свои пальцы поближе к лицу. Его пальцы сжимали нечто острое. Через пару мгновений Эрик сумел понять что это — игла от катетера! После этого Эрик Майлз окончательно потерял сознание и провалился в небытие.

Глава 20: Каталина

Бобу нравилось это место. Да, однозначно оно не могло не радовать. Обычно, единственный пейзаж матерого дальнбойщика состоял в быстроменяющихся картинках за окном. Деревья и горы, горы и деревья. Иногда Боб видел их, даже когда закрывал свои глаза. И все это всегда происходило под старые добрые роковые пластинки, потрепанные царапинами и временем.

Но это место было совсем иным.

Вечернее уходящее солнце совсем не портило общую картину. Это место было одним из тех, что еще явно не успело намозолить глаза. Мастерская находилась у окраины реки, чуть поодаль от города, на самой его границе. Дорога, идущая от города и пересекающая "Дикий мотор" была завалена слоем разноцветных листьев, а почти полное отсутствие автомобилей создавала природную и успокаивающую тишину.

Дальше дорога расстилалась и выходила во внешний мир: обширный и необъятный. Где-то там вдали находилось и ставшее печальным для Боба шоссе, но матерый дальнбойщик не стремился держать путь настолько далеко. Воспоминания об аварии Боб гнал, как сгоняют с лица и тела назойливых комаров, однако здесь возле мастерской атмосфера была совершенно противоположная душевному состоянию Боба Гаррисона. Сейчас ему вообще отчетливо казалось, что именно тут он бы и хотел встретить свою железную старушку. А возможно даже и собственную старость.

Тут было легко. В таком месте тело, словно само по себе отталкивалось от земли и, наполняя каждую клетку свежим воздухом, было готово порхать между десятками деревьев. Оно было готово прокатиться по свежей траве и под конец отдаться течению прозрачно-чистой реки. Тело словно было рождено стать частью всей этой лесной красоты.

Боб даже представил себе один день из жизни в такой местности: вот он выходит из своей лачужки, сонно пинает шишки и камни, добираясь до берега чистой и прозрачной реки, бодро оmyвает ледяной водой свое лицо и, наспех позавтракав, отправляется в такую вот мастерскую — ничем не примечательную, но давно ставшую родной.

Боб любил машины. А если учесть, что его хобби сопровождалось не только заработной платой, но и красотой природы, то что еще нужно? Несомненно, это было бы так: после рабочего дня Боб Гаррисон, разведя костер, занимался бы приготовлением какой-нибудь наваристой похлебки, приготовленной по старому рецепту и пахнувшей так, что слюнки текли бы даже у слюнок. Под конец дня, попивая сваренный и горячий кофе, Боб уткнулся бы в какую-нибудь бессмысленную книжку, периодически прислушиваясь к тишине и покою. Вот как все это видел Боб Гаррисон.

Мечтая, Боб побрел к самой мастерской. Свой первый и, как надеялся Боб, последний грузовик он приобрел совершенно случайнейшим образом. Его малышка — Мерседес Акторс успела заработать неплохую популярность еще в конце девяностых. Как правило, Акторс приобретали очень часто, и какой-то их процент приходилось видеть не только в салонах, но и в мастерских. Свою «Каталину» Боб встретил именно в такой вот мастерской. По началу он был удивлен, что такая машина делает в подобном месте, но приглядевшись к ней

поближе все вопросы отпали. Уже тогда Боб знал — он получит эту красавицу.

Среди дальнбойщиков это было распространенное явление — водительская романтика. В дороге, не считая дорожных путан, любимую женщину могла заменить тебе только твоя старушка на колесах. И у каждой такой старушки было имя. Обычно это было имя женщины, когда-то давно разбившей тебе сердце. Но при всем при этом это была любимая женщина. Это было самое важное. И действительно, свой Акторс Боб назвал именно в честь женщины, давно не молодой и, самое важное, верной, чего в современном мире так не хватает.

Он часто вспоминал ее. Вспоминал, как подобрал на дороге, когда его автомобилем был далеко не Акторс. Она не сопротивлялась Бобу, хотя не доверяла ему. Обессиленная и обезвоженная, она дала взять себя на руки и уже через несколько минут ехала в грузовике Боба, в тепле и уюте. Боб попытался разговаривать незнакомку, но та лишь молчала и злобно смотрела ему прямо в глаза, ожидая очередного подвоха. Тогда Боб доехал до ближайшей забегаловки и купил себе и своей попутчице немного еды. Вкусный запах манил изголодавшую незнакомку, однако инстинкт самосохранения был сильнее и потому, стоило Бобу ослабить бдительность, напуганная попутчица отчаянно набросилась на своего спасителя.

Шрам от укуса до сих пор красовался на руке Боба Гаррисона, но порой все что он вызывал была не боль, но лишь приятный и теплые воспоминания.

Боб помнил, как тот день подходил к концу. Незнакомка, окончательно выбившись из сил все же поддалась своему опустошенному организму и мирно спала на соседнем сиденье Боба. Сам же Боб лишь с улыбкой поглядывал на попутчицу, переводя взгляд с нее на свою забинтованную руку.

Прошло время и незнакомка все же сумела найти общий язык с Бобом. А через семь лет она умерла. Бродячая собака, которую Боб назвал Каталиной, до сих пор рассекала дороги вместе с ним, в его сердце. Боб верил в это. Верил, как верит в восходящее солнце, но никогда не говорил об этом. Никогда и ни с кем.

Мерседес Акторс Боб Гаррисон приобрел в 1997 году. Уже тогда эта малышка выглядела не лучше, чем сейчас, в этой самой мастерской. Бобу Акторс досталась почти даром, так как мало кто верил в ее воскрешение. Но Бобу удалось собрать «Каталину» почти с нуля, в конечном итоге все его сбережения были истрачены.

«Все же самые большие деньги мы вынуждены тратить на самых дорогих нам женщин», — так тогда подумал Боб и за все эти годы ни разу не пожалел о своих вложениях.

Мастерская выглядела не слишком внушительно, однако тут было на удивление чисто и уютно. Само здание мастерской выглядело, как хорошо отделанный старый амбар, заточенный под починку автомобилей.

Небольшое двухэтажное здание треугольной широкой крышей в бело-красных тонах напоминало Бобу и другую постройку. На ум сразу пришел большой муляж гараж, заполненный пожарными машинами и разношерстными пожарными. Эта мысль заставила Боба улыбнуться и на мгновенье он подумал, что возможно это место не выглядит презентабельно, но отчего то внушает спокойствие и улыбку. Как и все вокруг.

Пройдя в мастерскую, Боб сразу разглядел свою «Каталину». Помимо нее на горизонте виднелись лишь две развалюхи, обеим судьба явно уготовила участь попасть под пресс.

Выглядела его старушка просто ужасно. Весь перед машины был опален, вогнулся внутрь, прямиком в салон. Со стороны казалось, что грузовик не попал в аварию... в него

всего лишь кинули гранату. Бобу тут же пришла пугающая мысль. Он смотрел на свое водительское сиденье, видел степень разрухи и понимал, что не должен был остаться в живых. Однако он тут, он выжил. Впервые Бобу пришла ассоциация — чудо.

Так или иначе, Боб был почти цел. А вот его Акторс...

Когда полуживой Боб выкарабкивался из «Каталины», его разум не мог адекватно воспринять весь удар, который взяла на себя его старушка. Нет, конечно большая часть машины осталась в неизменном виде, но дело было даже не в этом. В этот момент Боб испытывал настоящую грусть. Смотреть на то, что дарило тебе смысл жизни, даже если это простой кусок железа, и видеть, как оно «страдает»... Ведь сколько лет они пробыли вместе? И что еще есть такого ценного в жизни Боба?

"Всего лишь развороченный к чертям перед, взорванный аккумулятор, подумаешь... не смешите"

Для Боба Гаррисона это было слишком.

Боб вспомнил те моменты, когда его домом была почти такая же автомастерская. В ней он спал, в ней он ел, днями и ночами собирая свою Каталину с нуля. Для дальнобойщика проводить свое время с машиной было равносильно времяпрепровождению с ребенком. Ты точно так же балуешь ее новыми игрушками (новыми запчастями), поишь ее из бутылочки (меняешь масло и заливаешь бензином) и... ты разговариваешь с ней. Так делают многие. Толпы суровых брутальных мужиков, грязных и перепачканных в масле собственных машин и держащих тяжеленный гаечный ключ в руках, будут ласково разговаривать со своими автомобилями и грузовиками.

«Ласточка моя, ну же, заводись, не расстраивай папочку.»

Или, например, «Сейчас обуем тебя в зимнюю резину, и будешь самая красивая».

Эх, теперь и его девочка, его Каталина стала уже совсем взрослой. Точнее, постаревшей и тяжело больной.

В здешних местах клиенты были редким экземпляром. Боб понял это по слишком счастливой физиономии молодого автомеханика, бегущего к нему навстречу со всех ног. И вот уже юнец в стандартном рабочем комбинезоне синего цвета и бейсболкой с эмблемой гаечного ключа и канистры машинного масла, стоял напротив Боба.

— Вам чем-нибудь помочь, сэр? — воодушевленно поинтересовался он.

— Мой Акторс, вы занимались им? — спросил Боб, но про себя он знал ответ. Полицейские его заверили, что машина будет неприкасаема. Такая забота была лишь для проведения кучи экспертиз, но Боба не волновали причины. Ему было спокойно от факта того, что в его отсутствие с его грузовиком взаимодействовать будут по минимуму. Пусть даже это были эксперты своего дела.

— Так это ваша? Точно, нам сообщали о вашем появлении. Примите мои соболезнования. Ужасная авария. И те люди...

В полной тишине юнец сочувственно посмотрел на Боба. Впрочем, тому совершенно не хотелось переходить погружаться в атмосферу трагедии.

Кажется, его собеседник это понял и быстро произнес:

— Ваша машина? Ах, да! Нет, нам сказали не заниматься ей некоторое время. Полиция успела побывать тут уже дважды, в конечном итоге она дала добро. Но мы решили дождаться вас и обсудить все непосредственно с владельцем. У вас все в порядке?

Последний вопрос заставил Боба смутиться, но он и правда почувствовал себя, словно не в своей тарелке. Что заставило его так взволноваться? Его старушка? Или же эта история

с таинственным преследователем?

Боб заметил, как бинты с его головы слегка сошли и занялся своей повязкой. Только сейчас он заметил бирку на грудном кармане своего собеседника. На ней было вышито красными нитками имя «Пэрис».

Проигнорировав последний вопрос здешнего работника, Боб спросил:

— А где здесь главный?

— На обеде, — бойко ответил Пэрис. — Мы всегда обедаем вне мастерской. Только на природе. Импровизированный пикник. Знаю, это может казаться странным, но вблизи мастерской есть отличная поляна близ реки. Каждый приносит что-то свежее или мясное. Лучший час досуга за все рабочее время, скажу я вам. Эм... я, по правде, тоже хотел бы перекусить. Вы только не волнуйтесь, ваша машина вполне подлежит восстановлению, уверяю! Хоть она и выглядит потрепанной, но мы видали и хуже!

Боб решил ничего на это не отвечать. Но тут у него перехватило дыхание.

"Ваша машина подлежит восстановлению"

"А подлежат ли восстановлению Кейси и Макс?"

"Смерть мальчика была безболезненной"

"Нет — взмолил Боб — хватит. Ты не виноват! Не виноват!"

— С вами все в порядке? — озабочено произнес Пэрис. Его лицо выражало искреннее беспокойство.

На это Боб лишь молча сделал жест рукой, говоря о том, что волноваться не о чем. После этого Боб поинтересовался:

— Я могу остаться здесь и подождать вас?

— Эмм... думаю, да! — бойко, но все же с явной озабоченностью ответил Пэрис. — У нас есть журналы для автолюбителей. Кулер с водой в вашем распоряжении. Но вам придется подождать около часа, вас это... не смущает?

Не дожидаясь ответа Боба, Пэрис тут же добавил, словно посчитав следующую информацию крайне необходимой:

— О, не думайте, что мы так халатны к мастерской. Просто тут нечего воровать, да и мастерская эта одна на всю округу. Хоть мы находимся на отшибе, но наша репутация на высоте и нас все знают. Местные тут ходят редко. Только старики. И потом у нас всюду камеры. Так что ходите тут спокойно и свободно. Я так понимаю, мы будем заниматься машиной прямо сегодня?

Боб посмотрел на Пэриса так наивно, как смотрят на школьника, решившего задачу по математике за пятый класс, но не определившегося в ее правильности.

«Такой зеленый. Кипищет по каждому поводу Ей богу, словно в зад ужаленный. Наверное, это его первая работа. Причем она ему явно нравится. А может он просто такой человек», — подумал Боб.

А потому просто ответил:

— Я разберусь, поверь. Можешь идти на обед.

В ответ Пэрис только энергично кивнул головой, убежал в какую-то кабину и вылетел из нее уже с контейнером для еды.

Оставшись один, Боб подошел к своему грузовику и вздохнул. Мысли опять начали заползать в его голову одна за другой.

«Кто все же был тот парень? Может быть, это был брат Кейси Диггенс? Но по словам полиции, кроме родителей и сестры у нее никого не было. Вряд ли это совпадение. Да еще и

тот сон...».

Боб не верил в сверхъестественное. Вещие сны и подобная чепуха не засоряли его голову. Но он точно видел во сне Макса Диггенс.

«Смерть мальчика была безболезненной».

А еще Боб видел лицо того парня. Он точно его видел, с этим не поспоришь. В этом определенно должна быть какая-то связь.

«Не успел я выйти из больницы, как со мной играет в салки какой-то шкет! Может, это был ее любовник? Слишком молодой. Хотя нет, все это меня совершенно не касается».

На самом деле Боб понимал — это касается его, как никого другого. Авария будет преследовать его всю жизнь. На Боба напала грусть и факт его невиновности этого никак не отменял. Он не был виновен, но был причастен. Женщина. Ребенок. И только одинокий Боб, чья жизнь не была особо ценна даже для него самого осталась целой и невредимой. С каждой новой секундой Боб испытывал за это свою вину. Он был раздосадован и огорчен и теперь ему даже казалось, что он слышит голос убитой горем матери мертвого мальчика.

Боба Гаррисона также огорчал свой побег. Почему он убегал от своего преследователя? Боялся посмотреть ему в глаза? Или боялся, что то скажет то, что Боб боится услышать вслух? Почему?

Тут Боб присмотрелся к бардачку переднего сиденья. На нем еще оставалась запекшаяся кровь. Ответ пришел сам собой.

«Потому что женщина и ребенок погибли, а ты жив».

В эту самую секунды его мысли оборвал голос позади:

— Боб Гаррисон?

Голос принадлежал молодому парню, но сзади стоял точно не Пэрис. Впрочем, Боб довольно спокойно обернулся и увидел того, кого ожидал. Своего преследователя.

Они молча стояли друг против друга. Боб усмехнулся. Только что он рассуждал о мертвых Диггенс, о сверхъестественном, о своем преследователе и вот, пожалуйста. Все медленно, но верно начинает проясняться. И теперь уже не убежишь. Ведь это не разъяренный пес, сорвавшийся с цепи и гонящий тебя по округе. Это была вина, а от нее не убежишь. Бобу, впрочем, и не хотелось убежать.

Напрашивался вопрос, вертевшийся в голове Боба последние два часа:

— Кейси и Макс?

Бобу показалось, что парень сжал челюсть. Больше у Боба Гаррисона вопросов не было. Вопрос «Кто стоит перед ним?» был не актуален. Вид у парня был уже не такой взволнованный, как при первой встрече. Он держался уверенно и спокойно.

Губы юного преследователя, наконец, разомкнулись и он подтвердил:

— Кейси и Макс.

А после в его руке Боб заметил блеск стали.

Глава 21: Новое существо

Глава 21: Новое существо

Когда в мастерской появился Кейси, он застал картину, которую жаждал увидеть очень давно. Если бы Кейси увидел ее до определенных событий, она вызвала бы отвращение к человеку (если не ко всему людскому роду в целом). Но после аварии, эта картина прокручивалась в голове Кейси раз за разом, с самого первого дня рождения в новом теле. С каждым разом она меняла Кейси и рождала мысли, непостижимые для прошлого владельца тела. Едва ли хоть когда-то они могли зародиться в нем.

Но они зародились, дали свои плоды и окутали сознание Кейси, словно лоза окутала нерушимый камень.

И Кейси это нравилось.

Удивительно, как все же способно измениться мировоззрение человека. Оно может формироваться годами и даже десятилетиями, словно прочная и высокая стена. Но случись что, пусть даже совсем невзрачное, какая-то маленькая деталь, и тогда... изменится все. И эта самая деталь, совсем неприметная для остальных, но ставшая для вас переворотным событием, станет ключевым доказательством того, что люди меняются, и ничто не вечно. Сегодня ты можешь быть самым заядлым филантропом, быть за мир во всем мире и показывать каждому прохожему «пис», но ворвись в твой дом какой-нибудь безумец с пушкой и начни он палить в твоих родных, твои приоритеты сразу же поменяются.

Потому что это жизнь.

Кейси Диггенс никогда не признавала насилие. Она считала эту форму взаимодействия между живыми существами приемлемой только разве во времена пещерных людей. И то, по ее мнению, для них это было непозволительно. Бить друг другу морды, когда выживание дается и так не легким путем? Что за дикость! Что за глупость! Сотни лет эволюции и ради чего? Неужели люди остались теми же приматами, разве что в модной одежде? Неужели у большинства населения настолько мало извилин и словарного запаса, что всякий раз приходится прибегать к языку силы? А потому, видя насилие в повседневной жизни, Кейси еще раз убеждалась, что этот мир был не для нее.

Но потом произошло страшное. Произошло то, чего она боялась больше всего. Насилие и она встали на одну сторону. Так и произошло.

«Потому что моего сына... его нет».

Так она потеряла себя и свои мысли.

«Моего мальчика... больше нет».

Вместе с новыми мыслями рождалось и новое тело. Некогда Кейси Диггенс была невысокой женщиной с короткими кудрявыми волосами, нездоровым цветом кожи и пухлыми губками, что делало ее самой обычной женщиной, достойной, по меркам многих, самой обычной жизни. Теперь же ее тело представляло собой вполне оформленную высокую женскую фигуру.

Костюм-тройка отныне смотрела на Кейси, словно каждый элемент одежды был сшит на заказ. Лицо было бледное, как смерть. Волосы стали длинные и черные, а их кончики завивались в спиралеобразную форму, сливаясь в темно-зеленый оттенок. Глаза так же

приобрели ярко-зеленый оттенок, глубокий и яркий, как если бы воды океана окрасились цветом изумрудов. Как если бы глаза Кейси сами стали океаном изумрудов. Губы Кейси Диггенс превратились в две линии, столь тонкие, что едва были заметны. Теперь эти женские губы казались змеиными. От прежней Кейси Диггенс осталось лишь одно имя.

Имя и нескончаемое горе внутри.

Нынешняя Кейси испытывала непреодолимое желание совершить акт насилия. Насилие, когда-то вызывающее чувство тошноты, теперь рассматривалось как дружелюбный жест, помогающий укрепить отношения всеми возможными способами. И подобное укрепление должно было начаться с пролитой крови убийцы. Убийцы и самого законченного ублюдка на планете.

Теперь есть только она — новая Кейси и теперь ее женственность вновь взяла вверх над паранормальной сущностью. Что касается Вестника Смерти, то его сущность поглотил нынешний хозяин. Ни намек на бывшее рвение исполнить долг своей госпоже Смерти. Не было больше и того хладнокровия, которым славились Мрачные Жнецы. Нет, теперь на смену расчетливости пришла пора нескончаемому источнику безумия и желания убивать.

Однако все же что-то осталось и от Вестника смерти. Аура смерти неумолимо пропитывала весь воздух вокруг. То была не просто аура, вызванное желанием убивать. Казалось, даже сам воздух вокруг Кейси Диггенс был благословлен госпожой Смертью, что в сочетании с жаждой насилия вызывало неопишное страшное чувство.

Боб Гаррисон и Стивен Баркс смотрели на Нового человека. Нет, перед ними стоял Новое существо.

В самом центре автомастерской, с опущенной вниз головой, стоял на коленях уже упомянутый Боб Гаррисон. Его окровавленная рубашка (что становилось характерным) была изрезана вдоль и поперек, а на полу вокруг Боба были разбросаны различные инструменты, такие как гаечный ключ и пара-тройка отверток. Некоторые инструменты были заляпаны кровью.

Сам Боб смиренно смотрел вниз. По крайней мере, так казалось Кейси. Разглядеть его взгляд из-под опущенной вниз головы не представлялось возможным, но от ее взгляда не ушел тот факт, что с лица Боба также капала любившаяся взору Кейси струящаяся жидкость. Кровь. Внезапно Кейси захотелось, чтобы кровь Боба залила все вокруг. Каждый сантиметр пола, стен и потолка. Она должна быть везде. Она должна литься фонтаном, когда как сама Кейси впадет в безумные танцы и весело хохоча и размахивая гаечным ключом снесет голову Бобу Гаррисону, точно как он снес ее и Макса их привычного для них существования.

Кейси расплылась в хищной улыбке.

Позади Боба возвышался Стивен, одна рука которого держала дальнобойщика за волосы, а вторая грозно приставила отвертку к его шее. Сам Стивен, однако, выглядел не лучше, чем Боб. Его кулаки были стертые в кровь, а все лицо было покрыто ссадинами. На исхудавшем лице Стивена это выглядело особенно неприятно и выглядело в целом, как один огромный синяк. Кажется, его нос был сломан.

На присутствие Кейси Боб никак не отреагировал. Даже не поднял головы. У него совсем не было сил. Все что слышалось из его опущенной вниз головы, это вздохи. Тяжелые болезненные вздохи.

Стивен разглядывал новую гостью, словно видел ее впервые.

Ему потребовалось некоторое время, чтобы осознать, что перед ним стоит некогда

бывший мужчина, одетый в костюм-тройку. Мужчина, с которым Стивен еще с утра распивал кофе и которого мечтал убить.

И желание это никуда не дулось.

Стивен ощутил, как подрагивает его нижняя губа. Тишина была невыносимой.

— Теперь он твой, как ты и хотел, — дыхание Стивена еще не выровнялось после потасовки, но он старался говорить как можно меньше, делая паузы. — Что теперь? Ты убьешь его, я пойду домой... и все счастливы, а?

Кейси, казалось, не обращала на Стивена никакого внимания. Она смотрела лишь на Боба, который так и не удосужился поднять своей головы. Кейси начала медленно приближаться к убийце своего сына.

— Эй! — крикнул Стивен. — Ты меня слышишь? Я задал тебе вопрос! ЧТО ДАЛЬШЕ?

И вновь ответом стала лишь гнетущая тишина. Короткий укор во взгляде и широкая улыбка сопровождали ее бледное женское лицо. Затем последовал тихий, но отчетливый смех Кейси. То был смех с привкусом хрипоты, словно рядом смеялся прокаженный. Однако в нем ощущалась и нехарактерная звонкость.

На мгновенье Стивен подумал, что так могла бы смеяться любительница романсов.

Кейси присела на колени рядом с Бобом. Рука Стивена еле заметно поменяла направление, и теперь наконечник отвертки смотрел прямо в сторону Кейси.

— Посмотри в мои глаза, Боб Гаррисон, — произнесла Кейси. Ее голос звучал спокойно и низко, что теперь станет для нее привычным. В то же время это голос звучал настойчиво.

Боб не шелохнулся. Ни единого движения. Ничего. Его тело словно окаменело. Он никогда не слышал этого голоса при жизни, однако этот холод в словах говорил ему о некой связи Боба и стоящей напротив женщины. Но даже после этого матерый дальнбойщик не поднял своей головы ни на сантиметр.

— ПОСМОТРИ НА МЕНЯ! — Повторила Кейси, и ее голос стал значительно громче. Определенные нотки в голосе буквально врезались в барабанные перепонки. Лицо исказил гнев, но потом Кейси тут же успокоилась.

"Твою мать — подумал Стивен — она нестабильна. Эта тварь нестабильна и окончательно спятила"

На этот раз сразу две пары глаз одарили Кейси своим вниманием. Стивен понимал, что в данной ситуации более от него ничего не требуется, но теперь ему отчетливо казалось, что именно он стал неотделимой частью происходящих здесь событий. Он посмотрел на Кейси... и увидел нечто совершенно новое. Не бесформенное и потустороннее. Нет, теперь перед ним стоял самый настоящий материализованный источник ужаса.

Боб Гаррисон узнал эти глаза. Да, они изменили форму так же, как и свой цвет, но одно осталось неизменным. Глаза Кейси Диггенс были такие же стеклянные, как и в день ее смерти.

— Нет, не может быть — голос Боба был шепотом и хрипотой в одном флаконе.

Кейси лишь усмехнулась. Теперь с вновь приобретенной женственностью она никак не походила на Вестника Смерти.

— Нет. Я и мой сын мертвы, Боб. Помнишь?

Дыхание Боба резко участилось. Его челюсть сомкнулась в стальной капкан, который, казалось, никто и никогда не смог бы разомкнуть. Боб начал судорожно двигать своими глазами, пытаясь уловить что-то, что было здесь неестественным. Он искал подтверждение того, что все это лишь сон.

Спустя минуту Боб пришел в себя.

— Так значит мертвецы и правда начали воскресать из своих могил... я... я не знаю, что я могу сказать тебе, Кейси. Это был несчастный случай. Мне жаль, но здесь нет ничьей вины. Я... я не хотел. Я просто....

— Но ты жив! — Кейси потеряла спокойствие так же быстро, как и загадочность, однако ее ухмылка не угасла ни на миг. — Ты ходишь по земле, под которой буду погреблена я! Под которой будет погребен мой сын! Мой родной СЫН! Почему в живых остался ты, а не мы? Почему все случилось именно так?! ПОЧЕМУ!!!???

Выпаливая всю свою ненависть и брызжа слюной, Кейси, к удивлению для всех и даже самой себя, внезапно разразилась диким хохотом.

Стивен непроизвольно выставил отвертку вперед.

— Это не поможет, — тихо прошептала Кейси, мгновенно перестав смеяться. Ее надменный взгляд из под темных волос буквально пронизывал Стивена изнутри.

— Я знаю, что нет, — ответил Стивен, — но ты должен... должна успокоиться.

Кейси пристально взглянула в его глаза.

— Ты знаешь, что он сделал?

Стивен был готов к подобному вопросу.

— Да. Узнал, пока ждал тебя тут. Он думал, я твой родственник. Или даже любовник. Ты можешь в это поверить? Он думал я пришел мстить за твою смерть. Да, я многое выяснил. Значит, вот ты какая, Кейси Диггенс?

После этого Стивен окончательно перешел из защиты в словесное нападение:

— И ради чего это? Чтобы посмеяться над ним? Потешить свое самолюбие? — Стивен пытался говорить достаточно громко и угрожающе, но на Кейси это не произвело никакого эффекта.

В ответ Кейси встала с колен. Ее изумрудные глаза были широко открыты, словно она чему-то сильно удивилась.

Лукаво улыбнувшись, Кейси произнесла:

— Когда мы пошалили в баре с твоими друзьями, ты тоже особо не грустил.

— Но я никого не убивал! — взревел Стивен, вспомнив недавнюю заварушку с Гарсеа — я лишь отомстил им за то, что они со мной сделали! Но даже если и так, они отправили меня в гребанную отключку не из простой скуки! Я перешел черту. Но где ее перешел он? Что сделал тебе Боб Гаррисон? Ты говоришь о справедливости? Ты действительно ищешь справедливости? Ни черта подобного! Это не справедливость! Ты не бог и даже близко к богу не стоишь! А пусть даже так, это ничего не меняет! Все что ты наплела мне — брехня!

Постепенно вспыльчивость Стивена начала спадать. Но злость никуда не ушла.

Рукоять отвертки чуть ли не хрустела в сжатой руке.

Пытаясь задеть Кейси за живое, Стивен продолжал:

— Знаешь, кто ты? Ты лишь мстительный дух. Жалкий мстительный дух! Дух той женщины, которая погибла по случайности, но принять этого так и не решается! Да, теперь я знаю правду. Про то, что ты заточена в этом Вестнике смерти или как вы там друг друга называете! Демоны, нечисть... да хоть пасхальный кролик. У тебя нет прав больше тех, что имеют другие!

— Хочешь проверить? — спросила Кейси. Улыбка застыла на ее лице, а сжатые челюсти женщины, казались могли бы раскусить стальные прутья.

— Ты хочешь отомстить через него. Я это понимаю. Трудно не сделать этого в твоём

положении. Тем более с такими силами. Но мстить некому. Тебе не обязательно идти до конца!

С минуту Кейси стояла в полном оцепенении. Потом она вскинула руки вверх и медленно подошла к Стивену.

Настолько близко, что шепнула ему прямо в ухо:

— Вспомни свою сестру, Стивен. Как далеко зашел бы ты, отними я ее у тебя? Ты бы не пошел до конца, пусть даже ее смерть была бы случайностью? А эта самая «случайность» дышала с тобой одним воздухом в этом ничтожном мире, а? Каково это? Понимать, что эта «случайность» жрет, срет и спит, пока ты оплакиваешь свою любимую сестренку? Каково это, Стивен?

На это Стивену ответить было нечего. Вернее, ответ назрел моментально, но был не в его пользу. Стивен Баркс мог говорить что угодно, но в одном Кейси была права — Стивен убил бы любого, кто навредил бы Кейт.

Снизу донесся хриплый голос Боба:

— Вообще-то я еще здесь, Кейси. Отстань от парня. Он называл мне твое имя, это верно. Сказал, что ты придешь сюда. Но я не поверил, я...я видел сон. В нем был твой сын. Эти ведения преследуют меня каждую минуту. И хоть то был несчастный случай, ч до сих пор не могу это принять. Послушай, я лишь хочу сказать...

Боб предпринял попытку встать хотя бы на одно колено, но все тело тут же отозвалось огромной хлесткой болью.

Тем не менее, Боб, нашел в себе силы, чтобы продолжить и смотреть в глаза Кейси, не отрывая своего взгляда:

— Я не могу представить твою боль, но... но... я не хочу умирать здесь... я не виноват, Кейси. И я не умру. Черта с два я тут умру, слышишь!?! Если все это не сон и я до сих пор не валяюсь на той трассе от кровопотере, если сейчас передо мной действительно призрак прошлого... это не меняет того, что та авария вышла не по моей вине. И отвечать за это своей жизнью я не намер...

Заканчивая свою последнюю фразу Боб предпринял отчаянную попытку собрать все свои силы воедино и оторваться от земли, однако Кейси не дала ему этой возможности. Молниеносным движением ноги, Кейси Диггенс засадила своей черной туфлей прямо в носовую перегородку Боба. Тот, мгновенно отшатнувшись, уперся под ноги Стивена, издав сдавленный стон.

— Черт возьми — крикнул Стивен, пытаясь одновременно следить за Кейси, держа ее на прицеле и помочь Бобу снова встать на колени.

Кровь стекала по лицу Боба новыми мелкими струйками, однако дальнобойщик не побоялся вновь взглянуть на Кейси. Последняя тень ухмылки полностью исчезла с ее лица. В глазах Боба Гаррисона она не видела страха. Нет, теперь в его взгляде не было и вины.

Сейчас все естество Боба Гаррисона отображало только одно — решительность.

Но постепенно Боб начал терять сознание. Кейси больше не видела потехи в беспомощности своего предмета ненависти. Внезапно ей захотелось просто закончить все как можно быстрее.

— Убей его, — неожиданно обратилась она к Стивену.

Стивен посмотрел на нее, словно ее слова были произнесены из самых глубоких недр ада. Конечно же, Стивен понимал, что до этого дойдет. Это должно было случиться, так или иначе. Однако мысли пошли врозь с рукой, которая протянула отвертку Кейси.

Голос Стивена произвольно произнес:

— Сделай это сама.

На лице Кейси не дрогнул ни мускул.

"Недостаточно. Контроля над Вестником Смерти все еще недостаточно. Если я попытаюсь избавиться от Гаррисона самолично, он... он не позволит."

— Хватит, Стивен. Сделай это, и все кончится.

— Кончится что? — огрызнулся Стивен — это? И кто-то умрет? Таким ты видишь конец этой истории? Черта с два, нет!

Взяв небольшую паузу, Стивен судорожно облизнул свои губы. Ему хотелось говорить еще и еще. Пусть даже не вразумить, но еще ненадолго оттянуть весь этот ужас. Ему было это необходимо. И возможно Боб...

— А что будет с Максом? — опомнившись, спросил Стивен. — Теперь то мы знаем, что после смерти есть что-то еще. Возможно он смотрит на тебя прямо сейчас. Думаешь он рад видеть свою мать такой? Скажи, смерть Боба вернет твоего сына к жизни?! Нет, черт возьми! А что насчет тебя? Когда все кончится, что станет с твоей душой? Может быть это?!

В следующий момент Стивен сделал то, чего ожидал от себя в самую последнюю очередь. Как будто в эту самую секунду рука Стивена приобрела свой собственный разум и решила жить своей жизнью, начиная с того что... уверенно и резко кинула отвертку прямо в Кейси. Та, казалось, не обратила на это совершенно никакого внимания. В следующий момент был слышен лишь звук, как что-то вонзается в плоть.

Отвертка вошла в плечо Кейси по самую рукоять.

Стивен пришел в настоящий ужас. Теперь уже не столько от своего поступка, сколько из-за реакции Кейси.

«Даже не отреагировала. В "Дартсе" фокус с пулями хоть как-то ее замедлил, но теперь... она... нет, она уже не человек»

Как можно больше уверенным голосом Стивен произнес:

— Если ты способна держать эту чертову отвертку в своем плече, то и с ладонью у тебя не будет проблем. Я же говорил. Я знаю все. Гаррисон рассказал мне, рассказал, понимаешь? Обо всем! Даже о своем сне. Все это было спланировано заранее. Все это. Ты знала, что все будет именно так. Знала! Не так ли? Я был замешан в этом с самого начала! И ты все знала! Тупая ты гадина!

— Не понимаю, о чем ты, — сказала Кейси. Казалось, слова Стивена нисколько ее не задели. Но ее голос был тяжелый и низкий. Слишком низкий.

Между тем Стивен услышал звук с улицы, который был похож... на тормозящие шины машин.

«Работники мастерской? Но я был здесь еще до обеда и никто не уезжал отсюда на своих машинах. Кажется они ушли на обед пешком, точно. Неужели работники уже вернулись с обеда? А если нет, то кто же...».

Но кто бы там ни был — это может пойти только на руку.

— Ну что, — крикнул Стивен с еще большим энтузиазмом, — добьешь старину Бобби сама или будешь и дальше тянуть время и вести себя как сука?

Пока Кейси и Стивен обменивались своими взглядами, Боб прокручивал в голове событие.

«Когда он пришел сюда, то сразу начал бить меня. Быстро и без жалости. Я не отвечал на удары. Поначалу. Мы оба знали, к чему все это вело. Ему нужно было это. Просто

необходимо. Мне бы самому стало легче от всего этого. От всех этих ударов. От этого выпущенного наружу пара. Я считал все это частью своего искупления. Хоть и слишком простым для человека, пусть даже не виновного. Но в какой-то момент я понял — в ударах этого парня не было никакой ненависти, никакой мести. Только страх. И тогда, к удивлению для самого себя, я начал злиться. Не на себя. Не на него. Но на все, что успело произойти. На все, что, черт возьми, случилось именно так и какого-то черта ни как иначе! Кто-то должен был получить за это! Так почему бы моим кулакам не найти этого кого-то?

В ход шли все попавшие под руку инструменты, начиная от отвертки, которую я подобрал у входа, и заканчивая целыми ящиками с гайками. Впрочем, наша драка была недолгой. Треснутые ребра давали о себе знать и отзывались болью не реже, чем я производил вдох-выдох, а потому я довольно быстро оказался на полу. Парень занес над моей головой гаечный ключ, но почему-то остановился. А потом он закричал. Он кричал и кричал, словно бы выпуская свою внутреннюю скопившуюся за все время боль. Тогда я понял, он точно связан с семейством Диггенс.

Он начал выдавливать из себя что-то неразборчивое, но потом... рассказал мне все. Рассказал про сделку. Про Кейси. Про меня. Я не поверил ни единому слову. Этот парень псих, не иначе, подумал я. Да и он не старался меня убедить. Скорее хотел выговориться, выпустить злость и свои страхи. Но тогда я подумал, что бедняга свихнулся на почве потери Кейси и Макса. Должно быть, и правда, это был родственник, который узнал об аварии и решил отомстить мне под вуалью какой-то сказочной истории. Так было легче. Самое бредовое я запомнил отчетливее всего. Этот парень сказал, что сегодня умрет лишь один. И это будет не он. А потом я вспомнил свой сон....

И еще этот рюкзак за вывеской у мастерской... причем тут был его рюкзак? Зачем он рассказал мне про рюкзак?»

Все это время Боб слышал голоса Кейси и Стивена, но окончательно в реальность его вернул истошный вопль женщины и резкий выпад мальчишки в ее сторону. А потом Боб увидел отвертку. Отвертку, воткнутую в грудь Стивена.

В это же момент с улицы раздался мужской крик:

— А вот и мы, Баркс! С любовью от Гарсеца. Ты, парень, очень крупно попал!

Глава 22: Прием у доктора

Глава 22: Прием у доктора

Наконец, Эрик открыл свои глаза. Его не покидало ощущение дикого похмелья, после которого в голове стоит ужасный звон, а в глазах каждый предмет отдает ярким светом. Казалось, на Эрика были направлены одновременно все прожектора футбольного стадиона. Ощувив под собой мягкую почву, Эрик предположил, что лежит на кровати.

"Где-нибудь в психушке — заключил Эрик — напичканный психотропными препаратами и постепенно превращаясь в овощ. Черт, как же не хочется открывать свои глаза. Да и зачем? Не пройдет и нескольких часов, как меня забросит куда-то еще. Может быть даже в Дисней Лэнд. Тут всякое возможно. Ах, как же раскалывается моя голова."

Полежав на кровати и стараясь обойтись минимальными телодвижениями, Эрик все же добился того, чтобы перестроить себя из лежачего положения в полусидящее.

"А может я сейчас нахожусь дома? Может быть никакого прыжка в неизвестность не было и вовсе? Просто очень дурной сон. Да, сейчас я поверну голову и увижу Мэри. О, Мэри..."

о любимой все же заставили Эрика собраться с мыслями. Несмотря на пульсирующую боль в голове, он отметил, что некоторые ощущения, так внезапно вернувшиеся после смерти, не могут не огорчать. Воистину, звон в ушах стоял до сих пор.

Похрустев шейей, как после долгого сна, Эрик оглядел незнакомое место еще раз. Как оказалось, первоначальные чувства его не обманули. Уцепиться взгляду было действительно не за что. Помимо голых стен без окон, койки, на которой располагался сам Эрик, и самой обыкновенной двери было лишь огромное пустое помещение. Но, к слову сказать, блестело это помещение, словно звезда в небе.

Абсолютно все вокруг было в белоснежных тонах и на секунду Эрику показалось, что перед ним старые добрые владения Мэлоу. Только лишь через некоторое мгновение Эрик поймал себя на мысли, что все еще удерживает в руках иглу от катетера, которую он благополучно выдернул из своей вены ранее. Не отпуская иглу ни из пальцев, ни из виду, Эрик попытался встать и убедился, как тяжело ему это далось после всех этих бесконечных перемещений. С трудом удерживаясь на ногах, Эрик предпринял попытку разглядеть загадочную иглу.

Трубка катетера вела к штативу и была закреплена в банке с раствором, название которого Эрику никогда не приходилось видеть. Хотя если учесть, насколько Эрик Майлз был силен в медицинских препаратах, то на практике он едва ли усомнился в эффективности раствора даже с названием «Горчичный карбонат авторучки».

В данном случае на этикетке было написано лишь одно слово — «Нирвана».

«Действительно, — подумал Эрик, — состояние, в котором я пробыл, иначе и не назовешь. Интересно, встречу ли я тут Курт Кобейна? Или хотя бы то, что от него осталось...».

Только сейчас Эрик Майлз ощутил себя по-настоящему одиноким. За все это время он не обращал внимания на этот факт, но после встречи с Марией Эрик будто заново родился. Родился и после снова умер. Теперь Эрик снова один. Тяжесть одиночества упала на него с

высоты тысячи метров весом в две тысячи тонн. Оно не давало ни единого шанса опомниться и оказать даже малейшее сопротивление. Оно полностью затмило его.

«Неужели ничего не изменилось? — Эрик только сейчас начал осознавать послесмертное состояние своей души. — Я столько пережил при жизни. Столько раз пытался смириться с потерей Мэри. Я был один! Остаток своей жизни я провел в полном одиночестве. Я умер ради этой встречи! И теперь я потерял ее. Неужели это действительно конец? Неужели я буду существовать в одиночестве? Черт возьми, да ведь только что она была совсем рядом!!! Какого хрена тут происходит!?»

Эрика словно передернуло.

«Нет, — резко одернул он самого себя. — Я не узнаю этого, пока не открою эти двери и не найду все ответы. Если я встретил Мэри один раз, смогу и другой!»

Осмотрев почти пустую комнату, которая напоминала больничную палату, Эрик приблизился к двери. Походка его была шаткой, а в голове все еще плыло. Однако Эрик прошел слишком много, чтобы так легко сдаться. В центре двери находилось маленькое прозрачное окошко на уровне человеческой головы. Перед тем как открыть дверь Эрик решил разглядеть, что находится снаружи. Впрочем, это не дало никаких плодов. В окне он разглядел точно такую же белоснежную дверь напротив с точно таким же окошком. С обеих сторон виднелись те же самые и ничем не отличающиеся друг от друга двери. Эрик взялся за ручку двери и через секунду оказался в коридоре. Так и есть. По обе стороны от него расстилался бесконечный коридор, буквально напичканный этими чертовыми дверьми. Эрик решил подойти к двери напротив и глянул в окошко.

Через прозрачное окно его виду представилась палата, идентичная той, что Эрик только что покинул. В палате лежала женщина неопределенного возраста, в фиолетовом пальто, в огромных жемчужных бусах и забавной шляпке, которую носили барышни во времена девятнадцатого века. Почему-то Эрик вспомнил комичный образ королевы Англии, но сходство с женщиной из палаты было исключительно в одежде. Эрик заметил, что лежащая женщина также была подключена к катетеру. На вид ее сон был очень сладок.

«Неужели я выглядел именно так?» — подумал Эрик, и от этих мыслей ему стало дурно.

Эрик не имел ни малейшего понятия о том, где он находится, но наученный опытом вечных перемещений, он был уверен, что новое место ошарашит его новыми открытиями. Как это было ранее, направление не имело смысла, а потому Эрик решил двинуться по правой части коридора.

На протяжении всего пути дорога было исключительно прямой. И все, чем мог развлечь себя Эрик, так заглядывать в окошки дверей в надежде на то, что увиденное даст ему хоть какую-то новую информацию. Результат был неоднозначным. Те же помещения. Те же люди. Та же безысходность.

Эрик так и не смог уловить закономерности попавших сюда людей. Каждый отличался друг от друга абсолютно во всем. В больничных койках располагались мужчины и женщины всех возрастов и национальностей. Они имели самую разнообразнейшую одежду и различные аксессуары. Казалось, этих людей собрали со всего света и единственное, что их связывало в данный момент, так это нескончаемый сон, который дарил им самое невероятное наслаждение.

Прекратив все попытки искать какую-либо связь и продолжая идти по бесконечному коридору, Эрик подумал об улыбках всех этих людей. Эрик Майлз был уверен, что тут не обошлось без уже знакомой «Нерваны». Должно быть, в препарате находился особый

наркотик, из-за которого в мозгу всплывали самые сокровенные желания и воплощались в сновидениях в довольно реалистичной картине. Эта была всего лишь теория, но другое на ум Эрику не пришло.

«Иначе почему моя долгожданная встреча оборвалась так быстро? И почему Далматинец сказал те самые слова? Смахните его... чего он хотел? Освободить меня? Но зачем?»

«Мистер Майлз, прошу вас, пройдите в кабинет доктора Вагнера».

Приятный женский голос умолк так же внезапно, как и возник. Он явно шел из колонок, по крайней мере, по качеству звука создавалось такое ощущение. Эрик поднял свой взгляд вверх в попытках найти динамики, но обнаружить ничего так и не удалось.

Тем временем голос вновь обратился к Эрику:

«Повторяю, мистер Майлз, прошу пройти вас в кабинет доктора Вагнера».

Этот женский голос, отдававший приятными нотками, все же казался безэмоциональным, словно был заранее записан и прокручен в этих стенах сотни раз, но при этом ощущалось, что женщина во время записи вкладывала всю свою душу. Такой голос можно спокойно встретить в любом метро, когда начинается объявление очередной станции. Внезапно Эрик услышал звук, который раздается, когда открытая дверь решает закрыться с противнейшим скрипом, который может разбудить людей с соседнего района (или соседнего государства).

Скрип раздался позади Эрика. Он так быстро обернулся, что чуть не свалился с ног.

Перед ним стоял бородатый мужчина со светло-русыми волосами. Борода была не длинная и ухоженная, а ее обладатель был довольно высок. На вид этому мужчине было около пятидесяти, его глаза прятались за очками, но явно не выдавали недоумение по поводу присутствия Эрика. Значит, и не должны были. Ко всему прочему этот человек был одет в бежевые брюки и в медицинский халат. Бейджик на халате сказал Эрику о том, что искать доктора Генри Вагнера не стоит. Генри Вагнер нашел Эрика сам.

— Не желаете ли пройти в мой кабинет? — произнес доктор Вагнер, но в мыслях его было явно что-то еще.

Постояв в дверях некоторое время, доктор Вагнер удалился вглубь своего кабинета, не дав возможность Эрику вымолвить и слова.

Последовав за ним, Эрик отметил, что дверь в кабинете была не такой, мимо которых он проходил. Она была значительно больше и состояла из настоящего дубового дерева.

В центре кабинета находился деревянный стол с множеством бумаг и канцелярскими товарами. Позади стола у стен находились шкафы с различными медицинскими энциклопедиями, а прочие стены были увешаны разнообразными плакатами на тему анатомического строения тела и тому подобного. Не упустил из виду Эрик и небольшой круглый ковер, который из-за своих ярких радужных тонов не вписывался в общий интерьер, но выглядел так мило, что это не вызывало никакого дискомфорта. Однако больше всего Эрика удивил вид из окна. Это было первое окно, которое показало Эрику то, что находилось снаружи больницы. За окном находилось то самое дерево вдали, где Эрик нашел Мэри. Сейчас оно выглядело как прежде. Цветущим и ярким.

— Присаживайтесь, мистер Майлз, — сказал доктор Вагнер, возникший, будто ниоткуда в своем кресле, жестом указав на кресло возле стола.

— Как скажете, док, — беззаботно отозвался Эрик все так же зачарованно смотря на пейзаж за окном.

Эрик послушно сел в кресло. Доктор Вагнер последовал его примеру.

— Вы доставили нам много хлопот, мистер Майлз, — произнес со вздохом доктор Вагнер, рассматривая в руках синюю авторучку.

— кто бы мог подумать, что после смерти вообще можно кому-то их доставить — ответил Эрик.

— Вы в курсе, что вас здесь быть не должно? — поинтересовался доктор Вагнер, но тут же добавил:

— Я имею в виду, что это место и могло быть для вас, однако при ваших обстоятельствах вы здесь явно лишний пациент.

Внезапно Эрик почувствовал себя словно в начальной школе, отчитываемым перед директором. Кабинет и строгий вид доктора придавал атмосфере сходство.

— Меня много, где быть не должно, — невинно улыбаясь, подметил Эрик.

Однако доктор Вагнер не оценил смысл сказанных Эриком слов.

— А здесь... это где? — решил поинтересоваться Эрик, — в больнице? Ну, если учесть, что я сбросился с пятидесятиметровой высоты, то, пожалуй, я должен быть именно тут. Если вы, конечно, заведующий морга.

Эрик совсем не боялся доктора. Он вообще перестал чего-либо бояться. В глубине его души царило настоящее отчаяние. И хоть Эрик таил надежду вновь увидеть Мэри, на деле весь его вид говорил лишь об одном: он сильно вымотался.

Эрик Майлз устал.

«Из нас двоих по-настоящему жить умела только Мэри, — вдруг подумал он, — интересно, как бы она ощущала себя здесь. Опустила бы руки она сама?»

Смятение покинуло голову Эрика, прихватив за собой все остальное, что могло доставить ему дискомфорт. Сейчас Эрик искренне почувствовал, что имеет здесь какое-то значение. А потому не мешало бы расслабиться.

Доктор Вагнер сделал вид, что не услышал ни единого слова из уст Эрика:

— Вы в раю, мистер Майлз, — пояснил доктор, — в настоящем. Хотя я привык называть это место обителью. Рай — слишком заезженное и банальное слово. По крайней мере, для меня это не рай, а для вас... вполне.

— Да неужели?! — воскликнул Эрик, и его эмоции буквально прорвались через все его тело, — доктор, вы не шутите?

— Я абсолютно серьезен и, — начал было доктор Вагнер, но Эрик не дал ему вставить и пары слов:

— Так какого черта я не появился тут сразу? В вашем банальном и заезженном раю?!

В голосе Эрика не было злобы. По-настоящему Эрик Майлз злился очень редко, но свое недоумение мог проявлять так, что окружающим казалось, что неутолимая всеразрушающая злость завладела Эриком и вертит им, как хочет.

— Знаете, где я был? — спросил Эрик, театрально прищурившись. Он заговорил с невероятной скоростью:

— Я был живым здоровым парнем в своем родном мире! Потом, по волею судьбы, скинулся с крыши и оказался в другом мире в виде заблудшей души. После меня встретил ваш парень: "безэмоциональность года" и сопровождал в место для прыгунов на большую глубину — в извращенное подобие Ада! Но там мне не дали дострадать остаток дней, потому как тот же Вестник Смерти, у которого между прочем отличное чувство стиля, отправил меня в рай, где я наконец встретил любовь всей своей жизни! И теперь вы мне

говорите, что то был не рай вовсе, а рай — четыре стены в больничной палате?! Серьезно!?! И над этим бьют голову тысяча философов в поисках ответа, что же нас ждет после смерти?! Да я просто в шоке, доктор!

Наступила минута молчания. Эрик переводил дыхание и даже улыбнулся всей абсурдности ситуации. Доктор Вагнер выжидающе смотрел на Эрика.

Эрик задал разоблачающий вопрос:

— То, что вы влили в меня... и в других людей. Для чего это?

— Это лишь благоприятные условия для подготовки к новой жизни. К счастью, вам она не грозит. Мальчик ведь объяснил вам. По крайней мере, должен был. Он любит болтать, как и слушать, — произнес доктор Вагнер и улыбнулся, увидев, как меняется выражение Эрика, — да, Мальчик по имени Мэлоу. Он сказал вам, что вас ждет.

Собеседник напротив Эрику ни капли не нравился. Совсем не нравился.

— Когда вы последний раз смотрелись в зеркало, мистер Майлз? — вдруг спросил доктор Вагнер.

Эрик рассуждал, что связывало этого типа с Мэлоу, и не сразу понял, что имел в виду доктор, говоря о его внешнем виде. Эрик давно не обращал внимания на внешность. В этом мире одежда не имела свойства пачкаться или рваться. Но тут он присмотрелся к своей одежде и заметил кое-что странное. На его рубашке и джинсах и даже на коже виднелись крошечные сухие хлопья. словно перхоть. Та самая, которую он когда-то принял за снег.

«Но это же...»

— Вы принесли их с собой, — сквозь зубы процедил доктор Вагнер, при этом стараясь не выдавать своего раздражения, — весь этот сброд самоубийц, таких же, как и вы сами. А это больница, мистер Майлз. У нас должна быть стерильность. ИДЕАЛЬНАЯ стерильность.

«Неужели они всюду следовали за мной? Но почему? Нашли во мне родственную душу? Хотели сбежать? Или они хотели... помочь мне?»

— Бедные души... не нашедшие покоя ни при жизни, ни после смерти. Здесь они единственные ваши друзья. Скажите, они уже начали нашептывать вам о своих страданиях? О своей боли?

Эрик был ошарашен всем тем, что навалил на него доктор, но очень хотел стереть эту самодовольную ухмылку с его лица.

— Давайте мы сделаем так, мистер Майлз, — предложил доктор Вагнер, не скрывая своего надменного взгляда и высокомерного тона — я расскажу, как устроен этот мир на самом деле, а вы поймете, что вы тут лишний и уберетесь прочь, вернетесь к тому мусору из суицидников и дело с концом. Не знаю, как именно вы это сделаете, но поверьте, я сделаю ВСЕ, чтобы этот процесс прошел без отлагательств. Так или иначе, вы прошли слишком многое, чтобы остаться без ответов. Не думайте, что тут я выступаю в роли злодея, который выложит вам все карты, прежде чем убить вас. Нет. Просто будем честны. Мы не нравимся друг другу и указать вам на ваше место доставит мне ни с чем несравнимое удовольствие. Мы договорились?

"Ну еще бы, — мысленно произнес Эрик, — я больше никуда не уйду. Без ответов я и с места не сдвинусь."

В ответ же Эрик молча кивнул. Доктор Вагнер не нравился ему все больше.

— Видите ли, мистер Майлз, когда человечество появилось на этот свет, люди поняли, что своих мозгов и сил недостаточно для контроля. Нужны определенные рамки. Но ведь все люди равны, и решать что-то за кого-то весьма самонадеянно, не так ли?

Должно быть, откровение доктора Вагнера было вызвано слишком долгим одиночеством.

— И тогда, один чуть более умный из людей решил, что логично будет заставить людей подчиняться не людским правилам, а высшим законам. Какой человек станет перечить тому, кто может поджарить тебя с небес в любую секунду? И потом, глупым людям нужны были ответы. Во времена, когда не было понятий о биологии, химии и физики... как еще можно было объяснить мироустройство? Объяснить глупым людям почему светит солнце и льется дождь? Так появился Бог, мистер Майлз. Он — это ваш способ контроля над людьми. Вы рассчитывали, что вера в сверхъестественное и божественное естество заставит людей подчиняться. Но вера оказалась сильнее всего этого. В какой-то момент... Бог стал реальным. По-настоящему реальным.

Тут доктор Вагнер принялся жестикулировать и показывать своими пальцами вокруг:

— Для вас Рай — это стены, больницы и доктора. Что-то заставило ваше сознание думать, что рай выглядит так, мистер Майлз. Вы привыкли думать, что в раю вам дадут желаемого. "Нирвана дала вам это". Ваша жена, верно? Но что для вас значит рай, как само место обитания? Правильно — больничная палата. И рай этот для вас самый настоящий, уж поверьте мне.

На лице Эрика отражалось непонимание. Доктор Вагнер углубился в суть:

— Если перестать быть пленником своей личной "Нирваны" любой другой может увидеть рай, каким угодно. Зоопарк, космодром... да хоть простая уборная. У каждого свое представление о рае как о конкретном месте, и именно в этот рай он и попадает. Однако в данном случае это ВАША реальность, мистер Майлз. Но что же насчет "Нирваны"? Его эффект дал вам блаженство и покой, иначе, зачем вообще нужен рай? С "Нирваной" душа предается спокойствию и ждет своего перерождения. Вот и вся прелесть этого места. Весь его смысл и мироустройство.

Доктор Вагнер встал из своего кресла и начал ходить возле своего стола взад-вперед. Эрик спокойно наблюдал за ним.

— Я вынужден был понять, как все устроено, — все говорил и говорил доктор Вагнер, — только в отличие от вас я не могу скинуться с крыши, если меня что-то не устраивает в этой жизни. Знаете почему? Потому что люди создали нас святыми, и подобные мысли нам непозволительны! Я видел ваши души! Я слышал ваши молитвы! Ваши просьбы с лучшим, которые вы проговаривали про себя. Как глупо. Есть только вы и ваша сила мыслей. А множество однотипных и глупых мыслей, к сожалению, так же могут воплотит желаемое в действительное. Создать Бога, ангелов, рай и ад. Так мы и появились. Таковую же силу мыслей воссоздал и Мэлоу. Однако он не человек и его мир отличен от вашего. И все же мне крайне любопытно, как вы выбрались из его владений.

Выговорившись вдоволь, доктор Вагнер уселся обратно в свое кресло и принялся наблюдать за Эриком, ожидая разъяснений.

Первые несколько минут Эрик просидел в глубоком молчании. Переварив лишь малую часть всего того, о чем рассказал доктор Вагнер, Эрик со вздохом произнес:

— Как и всех, меня сопровождал к вам человек в костюме-тройке. Я уже упоминал об этом.

— Ах! — воскликнул доктор Вагнер, — Вестники Смерти! Должно быть, ваш Вестник что-то напутал. Да, бывали на моей практике подобные ситуации.

В этот момент, всего на один миг, но лицо Доктора Вагнера исказилось гримасой

ненависти и отвращения. Однако, почти сразу же он взял свои эмоции под контроль и продолжил:

— Хотя Смерть всегда была внимательна в работе, и отличалась пунктуальностью и хорошими манерами.

Доктор Вагнер обдумывал ошибку Вестника Смерти.

Воспользовавшись молчанием доктора, Эрик произнес:

— Значит, Бога нет? Все эти философские вековые размышления о религии... пустая болтовня? Есть только подобие рая, ада и прочей чепухи? Вы хотите убедить меня, что создатели этого — сами люди?

— Абсолютно верно, — воодушевленно ответил доктор Вагнер, — а может быть и в корне не верно. Бог это ведь... что-то совсем другого уровня, понимаете? Конечно же нет, о чем это я. Я и сам этого не понимаю. Если Бог и есть, то он как экспонат в музее: можно смотреть, но притрагиваться, увы, не положено. Уж это-то я успел понять.

— Бред какой-то, — только и сказал Эрик.

— Человек никогда не дотянется до Бога. Бог не влияет на вашу жизнь, это единственный способ к вашему развитию! Если бы Бог жалел людей, помогал им и исполнял их молитвы, то люди не умирали бы вовсе! Никакой эволюции! Никакого прогресса! Никакой науки! Перенаселение! Геноцид! И конечно же, никакой самостоятельности. Так и ходили бы с дубинками и камнями! Но вы создали религию, целую систему, появились мы и... и у нас есть функции! Знаете, в чем заключается моя? Я принимаю здесь всех погибших людей, выдаю им дозу «Нирваны» и слежу за тем, чтобы их души преобразовались во что-то новое. Потом на смену им приходят другие и... это ведь весьма гуманно, знаете ли? Мы тут делаем доброе дело и всем от этого хорошо! Под действием "Нирваны" по другому и не бывает, м?

На лице Эрика ни дрогнул ни единый мускул.

Тут доктор Вагнер перевел дыхание и с радостью в голосе продолжил:

— Кстати, я благодарен вам, что в вашем представлении я не крылатый добряк с нимбом на голове. Эти атрибуты жутко мешают! Тут я простака доктор, и спасибо вам, мистер Майлз! Теперь я могу говорить открыто, потому, что у вас нет банального представления об ангелах! Я даже знаю наизусть значение слова гипертония! Но все это не столь важно, лучше подумайте вот о чем: если Бога создали не люди, то кто?

Доктор Вагнер всматривался в своего собеседника, пытаясь понять, как сильно может измениться человек, перед которым за несколько секунд открылась добрая половина всех философских и мировых вопросов бытия. Но кажется, человек по имени Эрик Майлз не был удивлен.

Тогда доктор Вагнер провел рукой по своим волосам и протяжно изрек:

— Вас привлекает медицина?

— Никогда не привлекал подобный род деятельности, — сухо ответил Эрик.

— Но ведь рай вы представили, как огромную больницу. Что-то тому послужило. Ну же, мистер Майлз. Подумайте.

Эрику не нравился тон доктора Вагнера. Он был с долей издевки и высокомерия, но подобный вопрос его заинтересовал.

После некоторых раздумий Эрик наконец-то произнес:

— Когда мой дед умирал от рака, я навещал его в больнице. Каждый день. Пока он не скончался на моих глазах.

«Тогда я был совсем ребенком и думал, что все умирают в больнице».

— А потому в вашем разуме рай запечатлелся, как больничная палата, — заключил доктор Вагнер, словно прочитав мысли Эрика, — да, это многое объясняет!

«Интересно, — подумал Эрик, — куда попал мой дедушка, когда из него медленно утекла жизнь? Переродился ли он? Что было раем для него?»

Эрику всегда нравились пышные волосы и усы дедушки. Он часто дергал за них, навещая деда в больнице. Абрахам Майлз всегда считал, что если ты настоящий мужчина, то растительности на тебе должно быть чуть меньше, чем на медведе. А борода, по мнению Абрахама, нужна была для того, чтобы в нее падала вся та еда, что успела вывалиться в процессе трапезы.

Эрик помнил не только внешний вид дедушки. Абрахам запомнился Эрику вечными военными байками, которые он так ярко и с энтузиазмом рассказывал внуку. Большинство из них были, конечно же, выдумкой, и таким образом дед хотел лишь лишний раз заставить внука смеяться. Однако подлинные истории Абрахама Майлза тоже были настоящей находкой. Например, дедушка Эрика любил рассказывать, как однажды в столовой он ради развлечения своих друзей по роте начал жонглировать обеденными яблоками. Все шло хорошо вплоть до того момента, когда Абрахама не застучал командир роты.

«Еда нужна, чтобы ее жрать, а не бросать туда-сюда, ты понял меня, Майлз?» — командир отчитал Абрахама, после чего заставил проделать этот же трюк с жонглированием в туалете. С ершиками. На глазах у той же роты.

Эрик всегда надрывал живот от смеха, слушая эту историю.

Эрик по-настоящему переживал смерть дедушки. С каким бы удовольствием он послушал бы такие вот военные байки.

"А ведь лечащего врача дедушки звали точно также... Вагнер. Так вот оно что."

Тут Эрик неожиданно вспомнил про Мэлоу и решил уточнить некоторые моменты:

— Вы упомянули мальчика. Он говорил, что ангелы существуют. Полагаю, он имел в виду вас?

«Хотя на ангела ты похож в самую последнюю очередь, — подумал про себя Эрик, — скорее всего, ты похож на... засранца. Точно».

— Вы с ним встречались?

На мгновение доктор Вагнер сжал челюсть. Было заметно, что это русло беседы ему явно не по душе.

— Или были вынуждены встретиться, — подметил Эрик, — мальчик не так прост, не так ли? Что это? Плата за свои корни?

— Довольно гнилые корни, — резко ответил доктор Вагнер.

— Меня больше интересует его мать.

— Мать? — доктор Вагнер задумался, — Анабель Браун. Я помню ее жизнь от рождения до самой смерти. Помню ее перерождение в новое дитя.

— Какой она была? — настойчиво поинтересовался Эрик.

— Она была сильной женщиной со слабым здоровьем. Как ваша мать, — тут доктор Вагнер пристально посмотрел на Эрика, но тот не отреагировал на слова ангела.

— Я хорошо помню тот день, — продолжил доктор Вагнер, — мы спрятали ее здесь. Когда на свет появился мальчик, Анабель умерла.

— За что вы заточили Мэлоу там, внизу? — с каждым вопросом Эрик становился все серьезнее.

— Он плод любви ангела и человека. Он не мог существовать среди людей. Немыслимо! Опасный на земле и ненавидимый на небе. Мальчику пришлось бы совсем не сладко. У него не было матери, которая смогла бы воспитать его и научить всему. А его отец был изгнан в самые глубины этого мира. Что нам оставалось?

— Как я вижу, только отправить его вслед за отцом. Разумно.

Подметив саркастические нотки в речи Эрика, доктор Вагнер еще больше вошел во вкус:

— И это оправдалось успехом! Мальчик быстро освоил свою силу, хотя и не понимает этого. Вы были там, внизу. Я спускался к нему во владения лишь раз, и был поражен до мозга костей. Он сумел создать целый мир! Он воссоздал даже человека только по воспоминаниям самоубийц! Вдумайтесь, что будет, покинь он свою привычную территорию? Нет, его место именно там!

— Так я ему и передам, — произнес сквозь зубы Эрик, наградив доктора обжигающим взглядом, — И все же... это несправедливо, — произнес Эрик, — ЭТО НЕСПРАВЕДЛИВО.

Доктор Вагнер вскочил с кресла и, вознеся руки к небу, воскликнул:

— В этом и вся суть! Справедливость?! Мистер Майлз, а что такое, ваша справедливость? Знаете такое выражение: что норма для паука, то хаос для мухи! И это совершенно верно! Ваши представления о справедливости нереальны! Ничьи представление о справедливости нереальны! Реален только этот мир, и был он таковым еще задолго до вашего рождения! Справедливо ли то, что солнце встает по утрам? Справедливо ли то, что все живое стареет? Это жизнь, мистер Майлз и ей плевать на ваше понятие о справедливости.

— Но это не оправдывает ваш поступок.

— В вашем представлении нет! Потому-то вы и слабы. Когда ваше понятие о справедливости рушится о реальность этого мира, вы считаете, что жизнь не справедлива. Вы возомнили, что что-то должно подстраиваться под ваше мнение о справедливости. Либо живите в своем мирке со своими правилами и будьте в гармонии с собой, либо валите на улицы своего города и боритесь с этой несправедливостью, пока не переломаете в этой борьбе все кости. Все очень просто, мистер Майлз. Это ваша проблема. Неоправданные ожидания — ваша проблема. В этом мире никто никому и ничего не должен. Ни в этом, ни в каком-либо другом. И то, что мальчишка томится в своем дворце, тоже, видимо, ваша проблема. Будь посему.

Казалось, доктор Вагнер был очень доволен собой. В нем ощущалось высокомерие. Он уже не хотел, чтобы Эрик покинул его, хотел растянуть разговор.

«Как часто он находился в компании хоть кого-то, кто не спит под «Нирваной»? — подумал Эрик.

Несмотря на раздражение Эрика по поводу поведения доктора Вагнера, отрицать очевидное он не мог — его справедливость действительно была лишь его представлением. Как и ситуация с Мэлоу...

Теперь для Эрика Майлза оставался лишь один нерешенный вопрос, однако доктор Вагнер будто бы прочитал его мысли и потому произнес:

— Ваша жена еще здесь. И я...

Но тут доктора Вагнера словно ударила молния. Эрик невольно вздрогнул.

— Оу! Это интересно! — воскликнул доктор Вагнер.

Внезапно он начал рыться в своем столе, перебирая кучу однотипных голубых папок.

Вцепившись взглядом в одну из них, он, словно безумец, произнес:

— Удивительно, мистер Майлз! — от бывшего спокойствия доктора не осталось ни следа. Таинственный азарт завладел доктором от головы до самых кончиков пальцев. Ангел полностью отдался своему веселью. — Если вам интересно, только что к нам поступил один ваш знакомый. Это же... — доктор Вагнер молча протянул папку Эрику.

Тот открыл папку и начал исследовать ее содержимое. Среди кучи бумаг, похожих на те, которые составляются врачами о болезнях своих пациентов, Эрик увидел фотографию женщины. Незнакомой женщины. Над ее фотографией было напечатано два слова:

Кейси Диггенс.

Глава 23: Из последних сил

В то самое время, когда Боб Гаррисон в бреду предавался своим размышлениям, вокруг него произошли значимые события. События, на которые мог бы обратить внимание каждый, но сам Боб, казалось, поставил что-то наподобие защитного барьера и никак не желал, чтобы хотя бы малая частичка окружающего вторглась в его маленький мирок.

А в это самое время разговор Кейси и Стивена принимал совсем иные обороты:

— Никчемный идиот! — в бешенстве выкрикивала Кейси, — если бы у тебя была возможность ощутить хоть одну сотую часть всей той боли, что ощущаю я, ты бы прикончил его!

«Твою мать, — подумал Стивен, — люди Гарсеза здесь. Они пришли мстить. Да ведь прошло всего лишь пару часов! Когда они успели обо всем узнать? Хотя заварушку мы устроили ту еще, ничего не скажешь. Как же, черт возьми, все вовремя. Гаррисон... черт, Гаррисон!»

Глядя на полуобморочное состояние Боба, Стивен издал протяжный стон.

Переведя взгляд на Кейси, Стивен принялся объяснять ей всю прелесть сложившейся ситуации:

— Послушай, там снаружи стоят очень опасные люди. В том баре мы неплохо позабавились, но кажется пришло время платить по счетам. И...

В этот самый момент послышались выстрелы.

А за ними и крик:

— Выходи, кусок дерьма, мы знаем, что ты там!

— ...возможно, у них есть пушки покрупнее тех, что мы видели — закончил Стивен.

В ответ повернулась на звук выстрелов и очень долго смотрела сквозь одну из стен автомастерской.

Ухмыльнувшись, Кейси повернулась обратно и с ухмылкой произнесла:

— Мне наплевать. Если они попытаются помешать, то умрут. Мне они ничего не смогут сделать. И ты это знаешь.

«Еще как знаю. А вот мне... а вот мне они смогут причинить много чего», — подумал Стивен.

Стивен судорожно прокручивал в голове все варианты событий. Итог каждого из них нисколько его не радовал. Почти в каждом он придавался неизбежной смерти и это только в лучшем случае. Крайние варианты с мучительными и долгосрочными пытками казались для него куда более печальным, но, к сожалению, самым вероятным исходом событий.

«Может быть рвануть на второй этаж — подумал Стивен — в офисе начальства должен быть телефон. Один звонок в полицию и... твою мать, перерыв на обед в этой мастерской длится целую вечность! Они там что, охотятся на свой обед?!»

— Баркс! — взревел еще один мужской голос с улицы. Их там было по меньшей мере трое. — Без глупостей! Мы оборвали вам всю телефонную связь! Копы не приедуут, а если и приеду, то слишком поздно! Мы за городом, тупица! И советую оставшимся в этой мастерской свалить отсюда побыстрее, пока их не настигла участь тех, кто так не вовремя

ушел на обед и попался нам на пути! Поверь, их переломанные кости это меньшее из того, что тебя ожидает! У тебя есть две минуты, чтобы выйти.

«Ну, конечно же, — Стивен улыбнулся улыбкой мученика, — куда же без обрезаний проводов! Но те работники... с обеда... черт, неужели эти уроды и правда переломали им все кости! Твою мать, это все моя вина! Черт! ЧЕРТ!»

Вместе с этим Стивену пришли и другие, еще более неприятные мысли:

«Стоп! Даже если они заявятся сюда... что они сделают?! Кейси права, она разберется с этими отморожками в мгновение ока. С ее невероятными силами это как раз плюнуть. Но Я и Боб... мы можем попасть под горячую руку. Иными словами любой вариант для нас плачевный!»

В этот момент Стивену показалось, что от отчаяния он стонет вслух.

— Баркс! У тебя минута!

— Уже собираюсь, дорогой! — крикнул Стивен в ответ одному из стоящих по ту сторону ублюдков.

— Я не знаю, что ты будешь делать, Кейси, — по голосу Алексея было понятно, что он больше не намерен следить за своим языком, — не знаю, чем все это кончится, но сегодня утром один человек сказал мне о том, что жизнь не заканчивается, пока ты сам живой. А этот человек прожил на этом свете явно побольше твоего! Я тоже жил не сладко! Я потерял мать! Я один, без своего никчемного отца, обеспечивал свою сестру куском хлеба, перебираясь с одного клоповника в другой! Я видел жизнь на улицах, где родители были готовы отдать в рабство детей за дозу героина! Я сам продавал таким ублюдкам эту чертову дурь, за что в итоге меня забили до полусмерти! Но нет такого человека, который определил всю мою жизнь. Нет того, на кого можно просто переложить вину за свои промахи и ошибки. И Боб Гаррисон так же не может нести ответственность за то, кем ты стала! ОЧНИСЬ УЖЕ НАКОНЕЦ!

Стивен переходил на крик, выражение лица Кейси приобретало все больше злобный вид. Глаза обоих были налиты кровью.

— Но жизнь, — Стивен пытался говорить как можно четче, — жизнь идет дальше. И все вокруг тоже. И мы способны двигаться! Ты сможешь жить дальше Кейси, сможешь! Жизнь не останавливается! И мир не изменится из-за смерти человека, кто бы он ни был! Он может изменить тебя! Даже сломить! Но этот мир живет дальше и то, что ты не умерла в тот день с сыном, говорит, что и тебе есть смысл жить! Ради чего-то, но есть! Если в этом чертовом мире есть смерть и ее шавки в модных костюмах, то это не просто так! Значит, там, после смерти что-то есть! Ты сама это знаешь! Ты КАК НИКТО ДРУГОЙ это знаешь! И возможн сейчас Макс смотрит на тебя! Что бы твой сын сказал, увидев тебя сейчас?

— Не произноси его имени! — взревела Кейси, отчаянно махая окровавленной отверткой в руке. Ее волосы стали растрепанны, а из-за искажившего лицо гнева на лбу появились морщинки — Не смей! Я буду жить! Буду жить дальше, поверь! Но этот убийца умрет!

В этот самый момент в дверь мастерской начали чем-то безудержно колотить.

— Ты доигрался, гавнюк, — крикнул еще один незнакомый Стивену голос, — сейчас мы на хрен вынесем эту дверь своими тачками! А потом переедем на ней и тебя!

«Просто замечательно, — подумал Стивен — с одной стороны отбитые головорезы, с другой — сумасшедшая сука-мутант со сверх способностями и желанием убивать. Просто образец хорошей компании.»

— А чем тогда от него отличаешься ты?! — закричал Стивен Кейси в ответ, — или от тех уродов за мастерской?! Смерть твоего сына — случайность! Случайность! Никто не виноват! И ты знаешь это!

— А мне и не нужно быть лучше их! — закричала в ответ Кейси — Мне нужно, чтобы все те, кто виноват во всем этом просто сдохли!

«Виновата только ты».

Голос прозвучал в столь крошечной тишине, что резко набрав воздух в грудь Кейси Диггенс могла услышать, как ее собственный кислород преобразуется в углекислый газ в самих легких. Она предприняла несколько попыток набрать побольше воздуха, но смогла издать лишь что-то наподобие истошного стога.

«Нет, только не ты», — нервно хихикнув прошептала Кейси.

«Однако это я, и я буду говорить на правах единственного свидетеля того вечера», — образ Вестника Смерти в голове Кейси буквально расплывался в удовольствии от собственной речи, — Ты думала, что избавилась от меня? Хочу тебя разочаровать. Это ты тут гость. Гость моего тела. Пока я пытался разобраться с навалившимися на меня эмоциями и чувствами ты, должен признать, наделала много шуму. Но теперь довольно. Теперь я научился общаться на вашем языке. И мне есть что сказать."

Нервно оглядываясь по сторонам, нервная улыбка Кейси постепенно сменялась нарастающим ужасом.

«Твой собственный гнев поглотил тебя. Ты потеряла контроль. И вот он я. Тот, кто не позволит тебе рушить правила. Тот, кто не позволит тебе отобрать жизнь Боба Гаррисона и жизни других. И тот... кто расскажет тебе правду. ТЫ поехала с сыном, предупрежденная о шторме. ТЫ не следила за состоянием своего автомобиля. ТЫ решила снова пойти на свое "безумство" и повеселиться, вместо того чтобы сидеть дома со своим сыном, как всегда. ТЫ стала причиной смерти своего сына. Ты убила его, Кейси Диггенс!»

— ЗАТКНИСЬ! ЭТО ЛОЖЬ! ЭТОТ УБЛЮДОК СБИЛ НАС!

Подобную истерику Стивен принял за последнюю каплю гнева Кейси, который уже не мог удержаться в переполненном бокале. Испугавшись, что Кейси сделает что-то необдуманное, Стивен машинально сжал рубашку Боба в кулаки и как можно медленней опустил до уровня его головы.

Стараясь говорить как можно спокойнее, Стивен прошептал:

— Гаррисон, ты можешь встать?

Но Боб Гаррисон находился совершенно в прострации и, казалось, даже не замечал присутствия Стивена.

«Боб Гаррисон? — продолжал рассуждать Вестник, вбиваясь своими словами в мозг Кейси, словно гвоздь, вошедший в деревянную доску. — Он несомненно был орудием убийства. Но кто будет судить пистолет за выстрел? Все осудят, нажавшего на курок. Того, кто создал обстоятельства, из-за которых все это случилось. Именно так и не иначе. Того, кто сейчас так усердно отказывается признать очевидный факт. Ты очень плохая мать, Кейси».

Последние слова были растянuty так сильно, что Вестник проглотил их окончания, буквально задыхаясь от собственного наслаждения. Отчасти он так и не думал, просто очень хотел разозлить Кейси. Вывести ее из себя, чтобы она потеряла над собой контроль и, быть может, тогда, тогда...

Где-то вдали послышался рев мотора.

«О нет, надо торопиться, — в голове Стивена мысли путались одна за другой, — надо валить отсюда».

Стиснув зубы, Кейси неожиданно схватила свободной рукой собственные волосы и резкими движениями начала отрывать целые куски волосяных клочков. Она больше не могла вопить, а потому ее звуки напоминали слабое мычание. Она извивалась всем своим телом будто бы находилась в агонии. Кейси выглядела как самый настоящий психопат.

— ПОШЕЛ ПРОЧЬ! УБИРАЙСЯ ИЗ МОЕЙ ГОЛОВЫ!

Тем временем Стивен уже предпринял две неудачные попытки поставить Боба на ноги, но понимая, что времени у него осталось совсем немного, он наплевал на осторожность и одним рывком приподнял матерого дальнбойщика до уровня своей груди. От резкой боли лицо Боба исказилось, как если бы он за один укус съел самый кислый лимон на свете.

Боб вскрикнул.

Кейси отреагировала на это в тот же миг:

— Ты, — спокойно обратилась она к Стивену, держа в руке остаток своих волос- ее глаза были безумны, однако голос стал нежным, что вызывало еще больше страха, — и ты против меня, Стивен.

Затем Кейси опустила обе свои руки. Ключья волос начали опадать на пол, медленно извиваясь и кружась. Глаза Кейси судорожно рассматривали каждый падающий волос, а затем, смотря Стивену прямо в глаза, она с самой нежной улыбкой произнесла:

— Твоя сестра. Знаешь, Стивен. Пожалуй... я убью ее.

Последняя капля ее человечности была высушена безумием. Внезапно завопив самым нечеловеческим воплем, Кейси в один прыжок оказалась возле Боба, занеся над головой сжатую отвертку. Ее кисть была лишена всякой плоти и имела сплошную костную часть.

Но орудие так и не достигло своей цели. Не будь Боб заложником собственных мыслей, то наверняка увидел бы, как отвертка направлялась к нему все ближе, но неожиданно из-за его головы появились чьи-то руки и, вцепившись в Кейси, рывком прижали ее к себе. Траектория отвертки внезапно изменилась, и вся ее сила ушла в единственную преграду, которой оказалась грудь Стивена Баркса.

Стивен издал короткий и очень громкий вопль, но его руки, однако, только сильнее сжали плечи и костюм Кейси.

— Я предупреждал, — прохрипел Стивен, — я... кхе... только пальцем тронь мою сестру.

Внезапно сзади раздался неимоверно громкий звук. Звук, заставший всех в мастерской врасплох, был настолько резким, что казалось, будто где-то совсем рядом проводились военные учения. Но как оказалось источником этого шума был автомобиль, влетевший в главный вход автомастерской и разнеся дверь в мелкие щепки.

При надвигающемся вечере автомобильные фары отдавали особой яркостью и освещали все вокруг не хуже стадионного прожектора. Боб смотрел на происходящее, словно замороженный ребенок на фокус какого-нибудь иллюзиониста.

Однако Стивен вывел его из этого транса.

— Я с тобой не закончил, Кейси. Беги, Гаррисон!

Но Боб так и не шелохнулся с места.

Кейси бешено изворачивалась своим телом, пытаясь отдернуть руки Стивена, но с таким же успехом она могла передвинуть с места слона. Силы Вестника Смерти внезапно возросли и помогать Кейси Диггенс справиться со своим соперником наотрез отказывались.

Кейси поняла, что осталась совсем одна.

В этот момент из машины, проломившей двери в автомастерскую, вышли трое мужчин, каждый из которых вполне мог красоваться на листовках «Разыскивается за убийство». С улицы зашли еще двое таких же «разыскиваемых». Стряхнув с машины обломки двери, они как один устремили свой взгляд на Стивена и Кейси.

Почти у каждого в руках был пистолет.

Стивен узнал в одном из этих громил верного соратника Гарсеза: Энтони Доу. Ну, верным соратником он был лишь в глазах своей шайки. На деле Стивен считал его простой шестеркой. Довольно туповатой шестеркой, но шестеркой с острыми зубами. Со смешным хохолком на голове, сережкой в правом ухе и жвачкой во рту (которую, как казалось Стивену, Доу не выплевывал с момента первой покупки) Энтони напоминал панка далеких времен. И Стивен точно знал, если началась заварушка, такой как он непременно выстрелит в какую-нибудь движущуюся мишень. Даже если того не будет требовать ситуация. Просто Доу верил, что без стрельбы разборок не бывает.

«Дело плохо... очень плохо», — подумал Стивен, ощущая жар в груди. Пальцы, однако, начали холодеть.

И очень быстро.

— ОТПУСТИ МЕНЯ! — взревела Кейси нечеловеческим голосом, который стал е почти родным.

Обращаясь к Стивену, тот, впрочем, почти не реагировал на Кейси. Теперь глаза Стивена бегали только в той области, где находились новые гости.

И там, где был выход.

Стивен попытался засмеяться, но в результате из его рта лишь выплеснулся очередной стук крови. И с чего ради в такой ситуации ему было смеяться? Стивен этого не знал, да и не хотел. Все происходящее в один миг стало для него комичным и до невозможности забавным. Возможно именно в эту секунду Стивен Баркс понял, что сегодня его последний день на этой земле.

Бежать было некуда. Стивен зажат в угол и истекает кровью. Кончики пальцев сжимали костюм-тройку, словно клешни, однако самых пальцев Стивен не ощущал. Сейчас он вообще не ощущал ничего, кроме усталости, злобы и желания поскорее все это закончить.

"Боже — подумал Стивен — как же мне сейчас не хватает сигареты. Всего одной сигареты и этот день стал бы чуточку лучше. Если бы только..."

Улыбаясь Стивен произнес наклонился к лицу Кейси почти в плотную. Ее горячее дыхание клонило Стивена в сон, но он все же нашел в себе силы заговорить.

— Я и так... кхе... задержался на этом свете. Я был паршивым братом. Но я, я не опускал руки. И мне есть что оставить своей сестренке напоследок. Но... кхе-кхе... но ты этого не увидишь, — посмеявшись, он добавил, — черт. Хотел бы я, чтобы все кончилось иначе. Хотя бы на миг увидеть, как ее нога переступает порог этого чертова города в лучшую жизнь. Однако... я не увижу. Но и ты тоже. Гаррисон... Боб...

— Эй, — крикнул один из людей Гарсеза, — мы вам не мешаем? Все хорошо? Нагулялся перед смертью, Баркс? О чем вы тут вообще болтаете, шизики? Стивен, милый, ты совсем тронулся? Кто тебя так избил? Мы вроде как еще даже не начинали веселье!

Стоя поодаль, словно массовка, они стали будто не заметны для глаз Стивена. Размытые и блеклые, теперь они не представляли угрозу для Стивена. Для него уже было все решено. Как и для Кейси. Но Боб... у Боба Гаррисона еще был шанс.

— Не волнуйся, о твоей сестре, Баркс, мы позаботимся! Лично! — крикнул кто-то второй из бандитов.

Банда Гарсеца взорвалась диким хохотом.

«Да что же вам всем надо от моей сестренки! Ну, давайте, попробуйте ее достать! Давайте! Посмотрим, как у вас теперь это выйдет! У всех вас!» — мысленно взревел Стивен и должно быть только эти мысли не давали ему упасть в обморок и не умереть.

Доу молча наблюдал за происходящим. Молча, но с готовность вышибить мозги Стивена в любую секунду. Нежно теребя свой курок, Доу выжидал. Медленно, но верно все пять представителей кружка «Убьем Стивена Баркса» сплотились вокруг главного входа полукольцом.

Ни Боб, ни Кейси не обращали на них никакого внимания.

Собрав последние силы, Стивен закричал так громко, как только мог:

— Боб... Гаррисон! Гаррисон! Какого черта ты все еще здесь?! Убирайся отсюда к чертовой матери! Это больше не Кейси Диггенс! Тебе не за что корить себя! Хочешь быть застреленным?! Вали ко всем чертям! Вон!

"Только бы не отключиться, — повторял себе Стивен, — только бы не..."

Боб попытался встать, и на удивление ему это удалось. Он собрался что-то сказать Стивену, но его ноги сами по себе отодвигали его все дальше к выходу.

— Куда собрался, старик? — крикнул один из головорезов и направил пистолет в сторону Боба.

— СТОЙ! НЕТ! — Кейси вцепилась костяной рукой в горло Стивена.

— Черт возьми, — послышалось сзади, — Да у него же отвертка торчит из груди... парни... что за...

После этого носитель этой фразы неуверенно начал опускать пистолет с прицела.

Лицо Кейси, искаженной злобой, выглядело до того жутким и пугающим, что и остальные, направлявшие оружие на Боба начали медленно, сами того не понимая, опускать свою руку вниз. Сейчас лицо Кейси было не просто ужасающим. Оно было нечеловеческим.

Но Доу с прицела пистолет не убрал.

«Да-а, — сказал себе Боб, — это просто не может быть взаправду. Это сон... это очередной бредовый сон. Проснись, Гаррисон. Проснись, черт возьми!»

— Помнишь наш разговор? — Стивен дышал тяжело, но все же ему удавалось вести диалог с Кейси, — ты сказала, что трогать живую душу опасно для жизни. Что находится в такой момент рядом КРАЙНЕ опасно! Ну что, проверим? — и на мгновение, отпустил Кейси, Стивен резко схватил ее костяную руку и вдавил в свою собственную грудь.

Пройдя сквозь рукоятку отвертки, рука начала погружаться внутрь груди все глубже и глубже.

На это Стивен отозвался диким воплем. Его руки наконец отпустили Кейси. Последние силы были на исходе.

— Какого хрена... — сорвалось с губ предводителя шайки Гарсеца. Доу впервые заговорил. Он начал пятиться назад, — да что за херня тут творится? Эй, Баркс. БАРКС!

Пять пистолетов были наготове. Пять пальцев нервно гладили курок и, казалось, были готовы нажать на него в любой момент. Пять кадыков нервно дергались вверх-вниз. Пятерым обладателем всего этого стало жутко холодно... и страшно.

Внезапно Боб словно пробудился от долгого сна. Он смотрел на Стивена, на то, как кровь быстро пропитывает его одежду, на то, как глаза Кейси пылают в собственной

ненависти.

— Стивен, нет! — прохрипел Боб, вкладывая в этот крик все свои силы. Его «сон» полностью развеялся и превратился в ужасающую реальность, — какого черта ты творишь! Удирай отсюда лапы сам, шкет!

В ответ Стивен резко повернулся к Бобу и согнув ногу одним резким ударом пнул матерого дальнбойщика в живот. Боб отлетел на несколько метров, удивляясь откуда у Стивена было столько сил. Удивился и сам Стивен, но все это для него уже было не важным.

— Мы не выйдем отсюда живыми. Ни ты, ни я, — произнес Стивен, обращаясь к Кейси. Голос его стал совсем сиплым. На Боба Стивен не обратил ровным счетом никакого внимания, — Таков мой мир. Но не ее... не ее.

— Баркс! — взревел Боб что есть мочи, поднимаясь и кривясь от боли — Одумайся!

При этом ноги Боба сами вели его к выходу. Он хотел остановиться, но не мог. Какая-то часть его разума уже знала исход того, что сейчас произойдет.

Стивен все так же отказывался слушать Боба.

Боб вдруг понял, как же болит его тело. Оказавшись у самого выхода, он так же понял, что еще немного и он упадет.

«Нет, Баркс, — подумал Боб, — неужели ты решил...»

Стивен, словно прочтя мысли Боба, обратился к нему:

— Не забудь про рюкзак, Бобби!

Боб на мгновение одарил Стивена своим ошарашенным взглядом и через секунду окончательно скрылся из виду. В мастерской остались только семеро.

— Отпусти! ОТПУСТИ МЕНЯ! НЕТ! НЕЕЕЕТ! ТЫ НЕ МОЖЕШЬ! — Кейси ; перестала предпринимать попытки вырваться и сосредоточила всю силу на своей руке, но ее нынешнее женское тело было слабее даже покалеченного тела Стивена. Она начала ощущать. Его душу. Его ладонь была горячей... слишком горячей.

— МНЕ НИЧЕГО НЕ БУДЕТ!!! Я НЕ УМРУ ОТ ТАКОГО! Я БЕССМЕРТНА!

От такого пронзительного голоса растерялись даже тертые калачи с пистолетами. Каждому из них было не по себе. Они забыли даже про уходящего Боба.

— Вестник может и был бессмертен. Но... не ты. Я надеюсь, мы встретим своим родных очень скоро. Нам есть, что им сказать... не так ли?

— Ну все! — вскричал Доу. Внезапно он и остальные вспомнили, кто они такие и зачем они здесь собрались, — завалите эту бешеную истеричку и этого гавнюка. А с тем стариком...

— НЕ УВИДЕШЬ! ТВОЮ ДУШУ РАЗОРВЕТ! ТЫ НЕ ПОПАДЕШЬ НИ В РАЙ, Н АД! НИКУДА! ТЫ ПРОСТО ИСЧЕЗНЕШЬ! БОБ ГАРРИСОН! ЭТО ОН ВИНОВЕН! ОООН!

На мгновение голос Кейси вернулся в нормальное состояние, и она со слезами на глазах прошептала:

— Мы исчезнем, Стивен... навсегда. Туда... где нет ничего. Туда, где только тьма

— Тьмой меня уже пугали. Мне... не привыкать, — прохрипел Стивен и вогнал в себя руку Кейси настолько сильно, насколько он был в состоянии вложить последний остаток сил в своем паршивом состоянии.

В этот момент прогремели выстрелы. Градом, пули вонзались в стены, в ящики с инструментами... и в тело Стивена и Кейси. Все это происходило будто бы в замедленной съемке. Будто бы не взаправду. Ни Стивен, ни Кейси, казалось, совершенно не чувствуют боли.

Хлопки от выстрелов все гремели и гремели. Гильзы падали на пол одна за другой. Перекошенные лица были в злобе и ярости. И только Доу по-настоящему наслаждался всем этим процессом. Ведь он нашел очередной повод пострелять в людей.

— Отведали свинца, больные ублюдки? — слышалось вдали.

Но через несколько секунд в мастерской стало очень ярко. Источник света исходил из самого центра, где все еще находились Стивен и Кейси. Еще мгновение, и свет заполнил собой все вокруг.

— Какого черта..., - пролепетал Доу.

Опомнившись, он пронзительно закричал:

— Валим отсюда! Валим!!!

Боб Гаррисон, опираясь о стену мастерской и шатаясь, уже успел дойти до задней части здания и забрать черный рюкзак. И вот, пройдя еще несколько шагов, Боб почувствовал огромную силу. Мгновенье спустя и его отшвырнуло взрывной волной на траву. В ушах дико звенело. Теряя сознание, Боб нашел в себе силы повернуться. От мастерской остались лишь горящие обломки. Боб машинально ощупал руками свое тело.

«Но почему она... Почему мастерская взорвалась? Что за...»

Собрав последние силы, Боб заглянул в содержимое рюкзака и увидел, что тот наполнен весомыми пачками денег и каким-то конвертом. Снизу была начерчена подпись:

«Для моей любимой сестренки Кейт».

Через мгновенье разум Боба Гаррисона погрузился в темноту.

Глава 24: 15:10

— Кейси Диггенс? Но... я не знаю девушку с таким именем. По крайней мере никто не приходит мне на ум с этой фамилией. Так кто это? И вообще причем здесь она?

Эрик попытался припомнить хотя бы одну женщину в своей жизни, которая носила имя Кейси. Но, честно говоря, сейчас он думал о Мэри и мыслить о чем-то «второстепенном» удавалось с трудом.

Тем не менее, доктор Вагнер незамедлительно начал прояснять ситуацию:

— Кто это, спрашиваете вы? Но как же? — иронично воскликнул доктор Вагнер, — неужели вы не знаете того, кто по вашим же словам, привел вас сюда?

Лицо Эрика приобрело выражение абсолютного непонимания.

Доктор Вагнер пояснил:

— Да это же сам Вестник Смерти! Ваш верный и беспристрастный гид! Все точно, вот досье! И как же это все интересно!

— Нет, но... этого не может быть! — воскликнул в ответ Эрик, — тот, кто привел меня в этот мир, был мужчиной! Он был даже не человеком, а... какой-то ходячей мистикой! Эта женщина совсем не схожа с Вестником!

— Да-да, конечно, — понимающе протянул доктор Вагнер, думая, казалось, о чем-то своем и уже во всю листая страницы досье Кейси Диггенс, — а эта дамочка была не из робкого десятка! Вы когда-нибудь слышали о таком термине, как резонанс душ? Конечно же, нет, о чем это я. Так вот, это явление, при котором в момент приближающейся смерти твоя душа так сильно не хочет покидать этот мир из-за чего-то или кого-то, что буквально выплескивается наружу. Выплескивается огромным и неудержимым потоком, лишь бы защитить нечто для себя ценное! В нашем случае остатки души Кейси Диггенс проникли в вашего покорного слугу Вестника Смерти, и они стали единым целым! Жизнь и смерть приобрели единую форму! Не редкость, но очень интересно!

После этого доктор Вагнер издал что-то, напоминающее смешок, и, откинувшись в кресло, с улыбкой произнес:

— Был один случай на моем веку, вы просто не поверите! Один английский писатель в прошлом столетии должен был свалиться от сердечного приступа прямо во время творческого процесса. И когда тамошний Вестник Смерти пришел забирать еду душу... она дала отпор! А само тело писателя ни на миг не отвлеклось от писанины! Вот это я понимаю, преданность своей работе!

Осознав, что разговор начинает течь не в то русло, доктор Вагнер обратился напрямую к Эрику:

— Вы заметили странное поведение своего Вестника при последней встрече?

— Он не мой, — жестко ответил Эрик, — и да, он изменился. Я замечал это.

Эрик начал вспоминать первое появление Вестника в своей жизни. Тогда еще все только начиналось... Мог ли Эрик хоть на секунду представить, что эта встреча выльется в нечто подобное? Конечно же, нет. В тот момент, когда костюм-тройка только-только появился на горизонте, Эрик почувствовал его неловкость. Да, точно. Он помнил, как

растерянно выглядел Вестник. Помнил, как его серьезность и спокойствие порой нарушались какими-то только одному известному Вестнику мыслями. Противоречащими и, должно быть, даже пугающими его. Но тогда в нем не чувствовалось опасности. Не было той неуловимой угрозы, какую Эрик ощутил в дворцовом зале Мэлоу. С виду это был тот же Вестник. Но узнать его было невозможно. Обросшие волосы и слегка изменившиеся пропорции тела... это было не столь важно. Эрику казалось, что еще чуть-чуть... и Вестник отбросит маску спокойствия, набросившись на него и разорвав на куски. Но тогда Эрик не придал этому значения, так как был поглощен мыслями о Мэри. Теперь же Эрик понял, что эта аура враждебности и непредсказуемости пропитывала тогда в зале все вокруг.

«Далматинец, кто же ты, черт возьми, такой?»

К удивлению, Эрик обнаружил, что его губы начали дрожать. Эрик понял, что теперь образ Вестника немного пугает его.

Доктор Вагнер наблюдал за Эриком все это время. Он не ждал от своего собеседника никаких комментариев. Ему было достаточно того, чтобы Эрик взглянул на него. Словно это был сигнал, говорящий о том, что часть информации уже усвоена, и теперь можно дать вторую часть.

Как только их взгляды встретились, доктор Вагнер тут же начал говорить:

— Уже с первой встречи, и я в этом уверен, Кейси Диггенс начала поглощать Вестника! И вот видите! Каков финал! Она же сейчас прямо тут... но с ней... о боже! Вам бы это понравилось!

Голос доктора Вагнера начал походить на визг. Происходящее забавляло его все сильнее и сильнее.

Конец своей речи доктор Вагнер закончил полупшепотом, словно разговаривал с самим собой. Его глаза игриво бегали по столу:

— А этот парень, Стивен Баркс... ох, то, что он сделал... куда же теперь попадет он? К нам его не привели! Ну, одной заботой меньше. Мистер Майлз, теперь вы ни единственный с кем я должен разобраться и...

«Этот Вагнер теперь больше походит на больного, нежели на доктора — подумал Эрик, не обращая на речь полоумного ангела ровным счетом никакого внимания — Кейси Диггенс, резонанс душ... зачем он рассказывает мне все это? Ведь я тут только ради Мэри!»

— Доктор Вагнер, — решительно прервал Эрик словесный поток ангельского восхищения, — простите, но мне плевать на все это. Вы сказали о моей жене. Ваши резонансы и прочее меня не интересует. Она здесь? В одной из палат?

Выражение на лице доктора Вагнера изменилось. Огонь в его глазах начал затухать. Видимо, эта тема была для него менее интересной.

— Да, мистер Майлз, — с явной неохотой начал отвечать доктор Вагнер, — и насколько я могу судить, она все еще здесь именно из-за вас.

После этих слов Эрик засиял, словно тысяча рождественских гирлянд.

— Она ждала меня?! Я могу ее увидеть?!

— Нет, — жестко ответил доктор Вагнер, утратив последнюю искру переполняющего его возбуждения, — Она неприкасаемая. И... не осквернена, как вы. Она находится здесь слишком долго и с вашим появлением механизм уже запустился. Она чувствует вас и теперь ее перерождение лишь вопрос ОЧЕНЬ СКОРОГО времени. Я уже говорил вам, мисте Майлз: вам здесь не место. Но...

Эрик смотрел на доктора Вагнера, как на последний луч надежды. Почему-то ему

казалось, что от следующих слов этого ангела зависит все, к чему он шел. Эрик выжидал, смиренно и как можно тише, не пытаясь теперь и малым намеком выдать, насколько ему неприятен собеседник.

«Скажи мне, — внутри Эрика, казалось, говорил настоящий зверь. Зверь, который стиснул зубы и сквозь боли ревел. Ревел и кричал лишь об одном, — СКАЖИ МНЕ О МОЕЙ ЖЕНЕ, УБЛЮДОК!»

Внезапно Эрик понял, что если доктор Вагнер попробует еще хоть раз съязвить на тему Мэри или как-то задеть за живое самого Эрика, то бывший журналист его убьет.

— Наверное, вы все же правы, — заключил доктор Вагнер, чувствуя, как градус напряжения подскочил еще на одну отметку выше — Чем ближе вы будете находиться к ней, тем скорее все закончится для вас обоих. Походите по округе, поскитайтесь по коридорам... пошляйтесь возле палат, хе-хе.

Эрик вскочил с кресла и обрушил свои руки прямо на стол доктора Вагнера. Сделав рывок вперед, руки журналиста в один миг оказались у горла доктора Вагнера и вцепился в воротник его рубашки. Кресло ангела начало подаваться назад и на мгновение Эрику показалось, что сейчас они вдвоем повалятся на землю. Однако дойдя до определенной отметки, кресло словно замерло, застыв на месте и оторвавшись от земли лишь на половину.

Все это напоминало Эрику моменты пафосных фильмов с замедленной съемкой. Вокруг застыло все, но только злость Эрика отказывалась поддерживать общую атмосферу и уже было готово заполнить собой все вокруг. В этот момент Эрик даже испугал самого себя.

Но потом Эрик засмеялся. Впервые в этом кабинете был слышен искренний смех и радость.

— В какой она палате?! — возбужденно спросил Эрик, сжимая воротник рубашки доктора Вагнера. Сейчас его эмоции буквально разрывали его изнутри.

— Если вы действительно тянетесь друг к другу, то вы сами ее найдете — беззаботно ответил ангел. Казалось его совершенно не волновала сложившееся ситуация. В отличие от Эрика доктор Вагнер знал, что ему ничего не грозит — И прошу, уберите от меня свои грязные руки. Они побывали не в самых приятных местах потусторонних миров.

Эрик выжидающе смотрел на доктора Вагнера, не желая сдаваться. Однако спокойствие доктора и эмоциональное состояние Эрика сыграли свою роль. не выдержав взгляда ангела Эрик все же ослабил хватку, а после и вовсе отпустил доктора Вагнера.

Все-таки Эрик Майлз совсем не умел злиться.

Время снова начало идти своим чередом.

Когда кресло вернулось в свое прежнее положение доктор Вагнер добавил:

— Как только вы попытаетесь перейти порог... для вас все кончится. Я об этом позабочусь.

И после своих слов ангел жестом указал на дверь. Эрик еще несколько секунд стоял, как вкопанный.

— Что... вы... вы шутите?! Просто скажите, где она?!

Доктор Вагнер лишь глубоко вздохнул. После этого он одарил Эрика строгим и холодным взглядом. Как будто ангелу резко надоела беседа, и единственной целью доктора было выпроводить надоедливую пациента.

— Вы любите Мэри Янг? — прямо спросил доктор Вагнер.

Эрик слегка опешил от вопроса ангела. Ответ был очевиден, но Эрику показалось, что за этим скрывается что-то еще.

— Люблю, — коротко ответил Эрик, стараясь произнести это слово как можно серьезнее.

Доктор Вагнер чуть-чуть изменился в лице. С еле заметной улыбкой он произнес:

— Тогда будьте уверены, вы найдете ее. И побыстрее, время тикает.

Эрик незамедлительно покинул кабинет доктора и направился на новые поиски. А если быть точнее, то помчался без оглядки, не спрашивая больше ни о чем.

Когда Эрик уже скрылся из виду, доктор Вагнер встал со своего кресла и повернулся в сторону окна, разглядывая красоту местного пейзажа, и со вздохом произнес:

— Ищите, мистер Майлз. Ищите. Здесь тысячи... миллионы различных коридоров и куда больше дверей, похожих друг на друга куда больше, чем может показаться. Мэри Янг куда быстрее переродится, нежели дождется вас. И это будет ваша вина. Ах как иронично. Но все же...удачи!!!

***

«Всего лишь номер ее палаты! — говорил себе Эрик, — ничего сверхсложного! Даже если мне потребуются недели, месяцы я... я непременно найду ее!»

Эрик слонялся по коридору, заглядывая в каждую палату как в какой-то огромный сундук с возможным сокровищем. Он не заглядывал в окошко двери, нет, теперь он считал, что малейшая ошибка могла стоить ему всего.

«Не разгляди в окне все так хорошо, как хотелось бы... и пиши-пропало», — думал про себя Эрик.

Чтобы действовать наверняка, Эрик решил поступиться правилами приличия. Он бесцеремонно открывал каждую из палат, дергая за дверную ручку так сильно, что некоторые могли удивиться, как дверь еще способна держаться на петлях. Для экономии времени такой подход был кстати. Слова доктора Вагнера воодушевили Эрика, хоть ангел был тем еще гавнюком. Если Мэри действительно все еще не переродилась, то у Эрика было времени куда больше, чем он предполагал. И если она действительно чувствует его нахождение здесь, то непременно покажет это и укажет Эрику путь. Он верил в это так сильно, как не верил ни во что другое.

«А если нет? А что, если бы Мэри переродилась бы еще в тот самый момент, когда я только планировал мысли о самоубийстве? Смогли бы мы встретиться в том, родном для нас мире снова? Но уже совсем чужие друг другу. Смог бы я встретить маленькую девочку, идя по улице уже спустя много лет, по своим неизвестным делам и в ее глазах увидеть когда-то живую и любимую супругу из прошлой жизни? Что бы я сделал тогда? Что бы почувствовала она? И почувствовала бы что-либо вообще...»

Неожиданно Эрик обнаружил, что коридоры все-таки имеют свой конец. Он и сам не заметил, как добежал до лестничного пролета, ведущего на нижние и верхние этажи здания. Пролет и лестница были выполнены в таких же белоснежных тонах.

Эрик посмотрел на дверь самой ближайшей и крайней к лестнице палаты. На ней не было ничего, кроме цифрового номера, который приписывался к каждой двери, которую Эрик повстречал на своем пути. В данном случае палата соответствовала номеру 60219.

Эрик решил спуститься на нижний этаж и проверить ближайший номер нового этажа. Как он и думал, самая первая палата нижнего этажа начиналась с цифрового номера 60218. После этого Эрик решил вернуться к лестнице и взглянуть на то, как далеко расстилаются этажи сверху и снизу.

Былой настрой Эрика улетучился так же быстро, как и появился. Казалось, нижние и

верхние этажи были бесконечны, и их число переваливало за тысячи. Даже за миллионы. Эрик задумался, сколько же на самом деле в этой больнице палат. Ведь пока он проделал весь этот путь, в его собственном мире успело умереть десятки тысяч людей и все они распределились по палатам! Кто-то, конечно же, успел «выписаться» за это время, но факт остается фактом — людей здесь находилось, куда больше, чем Эрик предполагал на первый взгляд.

«Имеет ли это место конец... Имеет ли вообще конец... рай?»

От этой мысли Эрику стало совсем худо.

«С чего начать? А если Мэри все же уже переродилась? Доктор Вагнер был мерзким типом, хоть и ангелом, и мог обмануть насчет мой Мэри. Что делать тогда?»

Опираясь о стену коридора, Эрик медленно спустился вниз на пол. Он смотрел вперед, на стремящийся в никуда коридор. Коридор, где тысячи душ ждали своего появления в новом мире. В мире, где они вновь смогут полюбить и быть любимыми.

«А кто ждет меня здесь? Почему я не чувствую тебя, Мэри? Почему ты больше несомной? Почему...»

В этот момент в голове Эрика возник неприятный смех. Смех становился все сильнее, вызывая звон в ушах и тошноту. Казалось бы, это и вовсе был не смех, а дикий неутолимый хохот из самой бездны, который сводил тебя с ума.

«Этот Вагнер, — подумал Эрик, жмурясь от боли в ушах, — этот чертов подонок смеется надо мной! Я точно это знаю».

Но в следующий момент смех в голове Эрика пропал так же внезапно, как и появился. Эрик огляделся по сторонам и еще раз взглянул на цифровой номер палаты напротив.

60218.

«Господи, да сколько же их тут... сколько еще я буду мучиться и после смерти... сколько...?»

Внезапно тишину прервал какой-то звук. Эрик не сразу понял, что это, пока не начал вслушиваться. Постепенно он начал различать в пустой тишине принадлежность звука. Он был похож на тиканье часов.

«Часы?»

Эрик начал оглядываться по сторонам, но настенных часов нигде не обнаружил.

«Может, они тикают в одной из палат? Наверняка какой-нибудь умерший за дверью носил при жизни слишком громкие часы, настолько, что в данной тишине они могли отлично заменить будильник. Но... они явно тикают совсем рядом... так рядом...»

В этот самый момент, Эрика буквально осенило. Не раздумывая, он жадно вцепился взглядом в свою собственную руку. Он разглядывал ее так, словно на ней отрос еще один палец. Он пытался найти источник шума, услышать то самое тиканье и... он услышал его внутри своих собственных наручных часах!

«Снова работают? Но... но почему?»

Эрик отчетливо помнил, как они остановились. Еще тогда, на асфальте посреди проезжающих мимо машин и собственной крови. Он помнил, как часы остановились, в тот самый момент, когда время показывало...

Эрик резко поднял голову и начал судорожно оглядываться по сторонам. Затем он еще раз посмотрел на номер палаты, а после... побежал к лестничному пролету, наклонив голову вниз.

«Если это так... если это действительно так, то...», — подумал Эрик и ринулся по

лестнице в направлении нижних этажей.

Эрик бежал. Бежал без оглядки, так быстро, как, должно быть, не бегал никогда. Бежал так долго, что количество пройденных им ступенек давно перевалило за то их число, что он проходил за всю жизнь. За долгую жизнь, что еще недавно теплилась в его теле.

"Как долго... как долго я бегу?"

Наконец Эрик остановился возле одного из этажей. Присмотревшись к номеру палаты, он улыбнулся.

На двери было выведено число 1598.

Теперь Эрик мчался по прямому коридору, периодически оглядывая номера мелькавших палат, пока не остановился возле одной из них. Перед Эриком Майлзом находилась палата с цифровым номером 1510.

Смотря куда-то вдаль, будто бы сквозь саму дверь, руки Эрика сами нащупали дверную ручку и сжали ее со всей силой.

«Если она действительно здесь, — сказал себе Эрик, — больше мы не расстанемся. Я обещаю. Чтобы не случилось, я...»

Не теряя времени, Эрик распахнул дверь палаты. На больничной койке лежала самая прекрасная девушка из всех, которых он видел. Ошибки быть не могло. Это была Мэри. Мэри Янг. Его Мэри. Настоящая. Впервые за все это время Эрик больше не сомневался. Ноги Эрика начали подкашиваться.

Мэри выглядела так, словно никогда и не покидала мир людей. Словно спящая красавица, готовая проснуться от поцелуя принца, она сладко придавалась своим сновидениям. Совсем как живая.

"Совсем как раньше — подумал Эрик, ощущая, как к горлу подступает ком, а на глазах образуются слезы — Как тогда, когда я смотрел на нее ночью. На спящую. На мою милую девочку."

Но следующие воспоминания оказались не такими дружелюбными, потому как Эрик вспомнил, когда он видел Мэри в таком состоянии в последний раз.

Не на их общей кровати.

"В гробу"

Не спящую.

"Мертвую"

В этот самый момент сзади послышался чей-то отчетливый и наигранный кашель.

— Ваша смерть принесла вам ответы, мистер Майлз. Как вы и хотели. Я удивлен. Не думал, что судьба распорядится подобным образом. Значит часы, да? Подсказка со временем? Ваша смерть и есть ключ, м? Любопытно. Сказать по правде, мне хотелось бы, чтобы ваша беготня и терзания продлились немного дольше, но увы! И потом, как я уже говорил, ближе вы не подойдете.

Эрик обернулся на голос доктора Вагнера, но в том месте откуда исходил голос никого не было.

— У вас красивая жена, — заметил доктор Вагнер — хотя я в этом особо ничего не понимаю, но...

На этот раз голос исходил из самой палаты. Обернувшись, Эрик вновь увидел доктора уже рядом с койкой Мэри.

— Убирайтесь... отсюда, — сквозь зубы медленно прорычал Эрик.

— Время приема окончено, — иронически ответил доктор Вагнер, — прошу, мистер

Майлз, покиньте палату.

Эрик остался стоять на месте.

— Посмотрите на нее, — произнес доктор Вагнер, — ее губы дрожат, как и все ее хрупкое тело. Она чувствует, что вы пришли за ней. Теперь ее душа упокоится навсегда. Теперь она переродится. Вы были нужны мне только для этого. Но теперь вы здесь больше не нужны. Оу, что это у нас?

С этими словами доктор Вагнер, наигранно изобразив удивление, достал из кармана небольшой пузырек. На одной из концов пузырька красовалась острая игла, а сам пузырек был заполнен до боли знакомой жидкостью.

— Я не знаю, какие истинные мотивы были у Вестника Смерти, но я закрою глаза на правила и отправлю вас снова в глубокий сон. А после... я что-нибудь придумаю. Как и делал это... с другими. И для вас я придумаю что-нибудь эдакое, чтобы вы навсегда покинули это место, лишились возможности встретиться с вашей обожаемой жёнушкой вновь и... я уже говорил про то, что вышвырну вас отсюда?

Но Эрик Майлз не сделал ни шагу назад. Ни единого движения не было воспроизведено в его теле. Лишь кулаки Эрика злобно сжимались все сильнее и сильнее. Эрик посмотрел на свои руки. Потом начал оглядывать свои плечи. А спустя несколько секунд Эрик начал... чесаться.

«Идем с нами Эрик... мы будет парить... парить, словно птицы...», — шептали ему песчинки.

— Вы в бреду, мистер Майлз? ПОКИНЬТЕ. ЭТО. ПОМЕЩЕНИЕ, — настойчиво произнес доктор Вагнер, делая акцент на каждом своем слове медленно вращая пузырек в своих пальцах.

«Сольемся воедино, Эрик... вместе... мы будет парить вместе...»

Вдруг Эрик остановился так же резко, как начал чесаться. Его руки что-то сжимали. Эрик медленно начал надвигаться на доктора Вагнера.

«Где наше место, Эрик?... упокоимся... давай упокоимся. Здесь нам нет места...»

— Немного антисанитарии не повредит, мой друг. Иммуитет должен работать. Даже у такого ублюдка, как ты! — с улыбкой произнес Эрик и в тот же миг выпустил из кулака белоснежную пыль.

Первую секунду доктор Вагнер был в недоумении. Через некоторое время он начал осматривать попавшую на него пыль. С каждым новым мгновением лицо ангела начинало меняться. Теперь оно было буквально искажено от ярости.

— Как ты и говорил, — с ухмылкой воскликнул Эрик, — они шепчут мне. И шепчут о том, какая ты тварь!

— Души! Эти мерзкие остатки душ! — взревел доктор Вагнер, отшатнувшись от койки Мэри — да как ты посмел, ничтожество!

Доктор Вагнер судорожно отряхивал свое тело от ненавистной пыли, словно то были миллионы ядовитых жуков. Тем временем Эрик в два прыжка пересек половину палаты и оказался у самой койки Мэри. В тот же момент, преодолевая боль, доктор Вагнер набросился на Эрика и попытался вонзить иглу с пузырьком в его грудь. Вовремя среагировав, Эрик одной рукой перехватил руку доктора Вагнера, а второй попытался вцепиться ему в шею. И хоть Эрик был замечен в драках от силы дважды за всю свою жизнь, в этот момент в его глазах не было страха. Лицо ангела было словно обожжено, а его одежду будто разъедала кислота. Ангел превратился в самого настоящего демона.

Сцепившись вместе, доктор Вагнер повалился вместе с Эриком прямо на пол. Эрик, оторвав одну руку от шеи доктора Вагнера принялся колотить его вторую руку об пол, в попытках избавиться от злосчастного пузырька. Доктор Вагнер, извиваясь, принялся бить Эрика по лицу, но в конечном итоге выпустил пузырек из рук. Тогда Эрик тут же отшвырнул пузырек подальше и попытался подняться на ноги снова и снова, но доктор пресекал эти попытки с каждым разом все настырнее, рывками отодвигая ноги и руки Эрика как можно дальше от его возлюбленной. Эрик попытался ударить ангела прямо по лицу, но казалось, тот, находясь в агонии, абсолютно перестал ощущать боль от частиц падших душ. Тогда Эрик прекратил пытаться отцепить от себя доктора Вагнера и, напрягая каждый мускул руки, медленно начал ползти в направлении Мэри. Ангел пытался задушить Эрика, и тот стал медленно терять свои силы. В глазах начало темнеть.

Спротивляться доктору Вагнеру и ползти одновременно было невозможно. Однако хватка ангела становилась слабее. Души буквально расплавляли его тело. Рука Эрика была все ближе к койке Мэри, пока не оказалась совсем близко. Доктор Вагнер, пыхтя и извиваясь в мелких судорогах, пытался вцепиться в руку Эрика, но у него явно не хватало сил.

— Мы выписываемся, доктор Вагнер, — прохрипел Эрик — И, кстати, вы абсолютно прав! Это мое видение рая и соответственно видения ангелов. Ваши силы это плод моего воображения. Ни крыльев за спиной, ни нимбов и ни пылающих мечей. тут вы лишь обычный человек, разве что с некоторыми способностями и сверхмощным ЭГО. Но на этом всею И потмоу вам не победить. Адиос, гавнюк! — и, подобравшись совсем близко, схватил Мэри за руку.

Собрав все свои силы в ногах, он резким пинком отправил доктора в нокаут. Боли тот не почувствовал, но то, с какой силой он отлетел в противоположную часть палаты было слышно, наверное, даже в соседних палатах.

Эрик, наполненный надеждой и верой, задействовал последние силы организма. На удивление, ловко вскочив на ноги и взяв Мэри в руки, он тут же выскочил из палаты. Через несколько секунд, кроме вопля доктора Вагнера был слышен лишь лязг свисающей иглы катетера по полу.

Глава 25: Ткацкие переплетения

Постепенно Кейси Диггенс начала приходить в себя. Чувствовала она себя просто отвратительно. Голова раскалывалась как никогда в жизни и, казалось, земля уходила у нее из-под ног. Кейси была уверена в том, что ее ноги не проявляют никакой активности, но окружающий пейзаж менялся прямо на глазах, в которых все расплывалось. Кейси до сих пор не знала, стояла ли она одном месте, или куда-то двигалась.

Но Кейси Диггенс, хотела она этого или нет, и вправду перемещалась в пространстве. А если быть точнее, то ее не совсем бережно, но все же кто-то по этому пространству перемещал. С трудом подняв свою голову, Кейси увидела, что ее несет странный мужчина. По большей части Кейси открывался вид на спину и затылок своего "носителя". Волосы его были черны и немного опалены, а верхнюю половину тела обтягивал элегантный костюм-тройка. Костюм этот, однако, выглядел так же не важно. В некоторых местах он был порван и будто извалян в грязи и сажи. Но не смотря на это, мужчину, который принял на себя всю ответственность нести Кейси на своей крепкой спине измотанная женщина узнала мгновенно.

Это был Мужчина с большой буквы. Мужчина, которого за последнее время Кейси Диггенс смогла узнать снаружи и изнутри лучше кого бы то ни было. И если честно, внутри Кейси до сих пор ощущала связь с этим мужчиной.

Казалось Мужчину слышал все мысли Кейси, как если бы невидимая нить соединяла их сознание, превращая в общий мозговой центр. Кейси было собиралась что-то ответить, но в этот момент отчетливо поняла, что все ее слова уже прочитаны Мужчиной заранее. На мгновение ей даже показалось, что Мужчину уже успел проговорить их одними лишь губами, не издавая ни звука. Мысль эта была глупа и абсурдна, но даже не видя перед собой ничего, кроме мужского затылка и не чувствуя ничего, помимо аромата паленных волос, Кейси была уверена: она и Мужчину представляют собой одно целое.

— Что ты..., - начала было говорить Кейси, но поняв, как сложно ей дается открывать свой рот, тут же замолчала и закрыла свои глаза.

Ей становилось все хуже. Мысли путались и терялись где-то в недрах сознания. Предприняв попытку мыслить максимально четко и ясно Кейси попыталась передать свое внутреннее состояние Мужчине, используя невидимую нить, как передатчик информации.

— Ты исчезаешь, — пояснил Мужчину, чей голос показался ей до боли знакомым, — попытайся не разговаривать.

Несмотря на то, что даже удерживать глаза открытыми удавалось с трудом, Кейси все же нашла в себе силы улыбнуться. Мужчину не изменился. Не изменился ни на самую малую долю с того момента, когда Кейси встретила его на той самой трассе в тот самый день. Те же волосы. Тот же костюм. Та же аура. Все было то же, но только слегка потрепанное и выглядело более... человеческим.

— У нас еще есть время, — переводя дыхание, выдавил из себя Вестник Смерти. Испытывать настоящую человеческую усталость ему было в новинку, — он еще здесь.

— Кто? — прохрипела Кейси, окончательно потеряв нить происходящего.

Наконец-то ее глаза начали привыкать к окружающей обстановке. Как оказалось, они бродили по неестественно длинному коридору с множеством однотипных дверей. Со стороны казалось, что они находятся в огромной больнице.

Обернувшись и проследив взгляд Кейси, Вестник пояснил:

— Это рай, Кейси. У меня не было времени понять, что значит рай для тебя. Так что я отправил нас в единственный доступный мне образ этого места на данный момент. Мы в раю человека, по имени Эрик Майлз.

— Эрик... того мужчины на крыше? Но ведь он...

— Он здесь, — пояснил Вестник, — Слушай внимательно. Мы с тобой еще живы... в каком-то смысле, но взрыв от души Стивена Баркса задел нас обоих. И задел очень сильно. Выброс энергии был настолько мощным, что мы разделились и теперь мы снова две разные личности. Однако в нас обоих все еще теплится твоя душа... или уже наша общая? Черт, неважно!

Бесконечный коридор тем временем превратился из расплывчатых тонов в четкую и ясную картинку. Когда Кейси это поняла перед ее глазами оказался лестничный пролет. Кейси поразила тому, насколько далеко он уходит вверх и вниз, но не успела опомниться, как Вестник Смерти резко произнес:

— Наверх или вниз?

Сначала Кейси не поняла, к кому обращен вопрос, но после того, как Вестник Смерти прикрикнул на нее еще раз, спрашивая направление, что-то внутри заставило ее сказать лишь одно.

«Вниз — подумала она».

— Вниз — в тоже мгновенье произнес Вестник, прочитав мысли Кейси.

Вестник Смерти быстрыми шагами старался спускаться по лестнице как можно ловчее, при этом удерживая Кейси на себе. Было видно, что это давалось ему с большим трудом, однако при этом Вестник Смерти не унимался и яростно продолжал вдаваться в объяснения. Сейчас, казалось, для него не было ничего более важного:

— Кейси, главное не отключайся, поняла? Слушай внимательно. Сейчас мы оба существуем лишь за счет твоей души. Она расколота и потому ты угасаешь. Вернуть тебе твою частицу я не смогу, как и ты не сможешь прожить лишь с одной половиной. Ты угасаешь. Мне жаль, но я не смогу спасти твою жизнь. Ты даже не умрешь, как все. Ты... просто исчезнешь. Ты понимаешь меня?

Кейси понимала или делал вид, что понимала Вестника. Однако она осознала, что его слова совершенно не вызывают в ней какие-либо чувства. Кейси совсем не была опечалена. В какой-то момент она осознала, что ее вообще не должно было быть здесь. На деле, она все еще должна находиться в морге, медленно сгнивая и превращаясь в корм для растений. А быть может, она попросту так до конца и не осознала всю суть происходящего вокруг нее. Так или иначе, выглядела она довольно стойкой и вовсе не была шокирована своей скорой смертью.

Опять.

Немного помедлив, Вестник Смерти сказал со всей твердостью следующее:

— Но мы можем... мы можем помочь Максу.

Внезапно в Кейси словно открылось второе дыхание.

Утратив былую слабость и вцепившись в пиджак Вестника, она попыталась произнести довольно отчетливо:

— Макс? Где он?! Что... что ты хочешь сказать?

— Ты сама знаешь, где он, — ответил Вестник, — лучше кого-либо! Просто сосредоточься и отведи меня к нему. У тебя получится! Сконцентрируйся! Ты подарила мне свою душу, сделала живым! Живым, черт возьми! Но эта душа твоя, и только ты сможешь услышать зов своего собственного сына.

Кейси было страшно. Если Вестник Смерти говорил правду, то теперь все дальнейшее развитие событий зависело лишь от нее одной. Времени было в обрез и каждая секунда лишь ускоряла распад Кейси Диггенс. Если сейчас не сосредоточиться и не попытаться ощутить присутствие Макса, то возможно для Кейси это будет конец. Мысль о том, что она так и не успеет увидеть своего сына вновь, выбивала ее из колеи.

И еще Кейси злилась. Чувствуя себя снова самой собой, она осознавала, что единственный, кто хочет сейчас ей помочь, сам являлся зачинщиком всего происходящего.

«Но неужели это правда? Я смогу увидеть своего сына? И тот парень...»

— Господи... я убила его... убила Стивена?

Вестник Смерти немного сбавил шаг. По его выражению было видно, что он никак не может подобрать слова, но при этом отчаянно хочет сказать хоть что-то.

Наконец он вернулся в привычный темп и произнес:

— В этом нет твоей вины. Он сам сделал свой выбор... и просто исчез. Его больше нет ни в одном из миров, но... Кейси, ты была не в себе. И пойми, у нас ПРАВДА мало времени! Сосредоточься на сыне, я умоляю тебя. Я не смог спасти Стивена, не смогу спасти и тебя, но пока во мне теплятся такие чувства, как сострадание, я хочу дать тебе шанс! Последний шанс встретиться со своим сыном!

Кейси, все еще потрясенная осознанием того, что она натворила, решила подумать о единственном, что по-настоящему ее грело.

О своем родном сыне.

Внезапно в ее голове возникли числа. Кейси не могла взять в толк, почему из всех возможных мыслей ее голову посетила это странная комбинация цифр, однако она поделилась с Вестником этим самым числом, решив, что просто так эти числа не могли проникнуть к ней в голову. Она не ожидала, что это поможет, но почему-то не боялась. Почему-то сейчас она была готова довериться Вестнику Смерти.

— Ты уверена в этом числе? Отлично. Я чувствую присутствие Макса все отчетливее. Значит мы на верном пути. А теперь еще на этаж ниже, — радостно воскликнул Вестник. Поспешим!

Резко перехватив Кейси, Вестник подхватил женщину на руки и помчался пуще прежнего. И, удаляясь куда-то вдаль, в этой сумасшедшей спешке, мужчина в костюме-тройке, казалось впервые в жизни нашел для себя смысл в своем существовании. И этим смыслом была измотанная и искалеченная душой женщина. По ее щекам текли слезы, а из уст, если вслушаться, можно было услышать лишь одну повторяющуюся фразу:

«Прости меня... Стивен... прости меня».

***

Эрик бежал без оглядки. Он понимал, что обескураженность и ослабленное состояние доктора Вагнера не безгранично, и что в любое время ангел сможет прийти в себя и устроить настоящую погоню.

«Но куда бежать и что делать дальше? Теперь, когда цель так близка?»

Эрик посмотрел на Мэри. Ее лицо было точно таким же, каким он представлял его

каждый раз перед сном после того трагического дня. Это лицо мелькало в образе сотен тысяч прохожих, а иногда, глядя на старые фотографии, Эрик мог поклясться, что навечно застывшая в дешевой рамке Мэри Янг улыбалась ему.

Как и сейчас, в это самое мгновение.

Мэри улыбалась. Внезапно Эрику захотелось остановиться и провести рукой по ее волосам, коснуться ее губ. В глубине своего сознания Эрик понимал, что любое промедление может стоить ему жизни... или по крайней мере того, что от нее осталось, однако тяга вновь воссоединиться со своей возлюбленной казалась слишком сильной. Тело Мэри, казалось, было легче перышка, а исходящий от нее жар согревал душу Эрику Майлзу, как не согрел бы ни один, пусть даже самый бушующий огонь.

"Я ждал слишком долго — говорил себе Эрик — подожду и еще"

В своих размышлениях Эрик даже не заметил, как добежал до лестничного пролета. Обдумывать маршрут у Эрика не было никакой возможности, а потому, не глядя по сторонам, бывший журналист устремился на нижние этажи, туда, где покоилась не одна сотня людских душ.

Не смотря на панический страх, женщина в руках Эрика давала ему ту самую жизненную энергию, которой бы хватило ему на тысячу лет вперед. Он бежал и бежал, как не бегал никогда. Ноги двигались так быстро, будто скорость решала все, а руки так тесно прижимали к себе Мэри, что казалось даже легион ангелов был не в силах расцепить двух влюбленных.

И вся та энергия и жизненная сила, что питала Эрика, продолжалась до того момента, пока в одном из коридоров он не заметил... самого себя.

Эрик отчетливо видел, как два силуэта напротив стремительно приближаются к нему. Ошибиться было невозможно. Мужчина, неся на руках женщину вдальке казался копией Эрика и Мэри, а потому бывший журналист не нашел ничего лучше, чем устремиться на встречу самому себе.

«Все лучше, чем оказаться в лапах этого психа в халате — сказал себе Эрик и прибавил скорости».

Приближаясь к силуэтам все ближе, Эрик ощутил некое движение в воздухе. Незнакомцы приближались все ближе. Эрик ощутил, что колебания в воздухе перешли в легкий порыв ветра, бросившийся в его лицо, а потом... лишь топот, быстрый топот ног, постепенно удаляющийся за его спиной. Этот короткий миг словно бы и вовсе не существовал ни для кого из тех четверых, что лишь на мгновение пересеклись в больничном коридоре. Возможно, если бы каждый из них не был бы занят своими мыслями, своими переживаниями, то как знать, чем бы обернулась эта встреча... Но ни один из тех четверых ни сделать ни единой попытки, дабы остановиться хотя бы на секунду.

Незнакомец, пробежав мимо, помчался дальше, все так же неся на своих руках еще одну знакомку и даже не оглянувшись на Эрика.

Сам Эрик лишь последовал примеру незнакомца.

— Эрик Майлз!!! — раздалось позади Эрика, и тот не спеша обернулся на знакомый и до боли противный голос.

Доктор Вагнер стоял напротив Эрика, в десятке метрах от бывшего журналиста. К ужасу Эрика, ангел был полон спокойствия. Потрепанный до неузнаваемости, в прожженной одежде и копоты на коже, доктор Вагнер походил на обыкновенного бродягу (хотя даже среди бродяг вид доктора Вагнера вызвал бы жалость, и самый последний попрошайка

вручил бы ему доллар-другой).

Но по-настоящему ужасным выглядело лицо ангела. Изъеденное частицами заблудших душ, оно представляло собой настоящее месиво из плоти и крови. Почти вся левая половина лица доктора Вагнера была покрыта волдырями. С подбородка тонкой пленкой постепенно слезала кожа. Порванная щека оголяла ряд нижних зубов, а большая часть носа представляла из себя огромную дыру.

Внезапно Эрику пришел на ум образ двуликого, одного из злодеев великого супергероя всех времен — Бэтмена. И хотя по версии комиксов и мультсериалов образ двуликого не намного отличался от нынешнего состояния доктора Вагнера, столь мерзкое уродство на лице не могло оставить равнодушным даже самого стойкого человека на земле.

Доктор Вагнер улыбался улыбкой сумасшедшего. Улыбаясь, из его рта начинали капать струйки крови. Зубы окрашивались в алый цвет почти мгновенно. Это была самая ужасная улыбка из всех, что Эрику доводилось видеть. Улыбка хищника, готового накинуться на любое живое существо в любой момент. В руках доктор Вагнер сжимал слегка потрескавшийся пузырек.

— Отдайте мне Мэри Янг, ну пожалуйста, — прошипел доктор Вагнер, протягивая свою руку вперед. Из-за травмы лица его речь казалась немного искаженной, словно во рту ангела не хватало с десятков зубов — Мистер Майлз, будьте паинькой.

Сначала Эрику стало смешно. Смешно и грустно одновременно, а еще через мгновение все эмоции будто испарились. Эрик Майлз окончательно выбился из сил. Он устал от всего этого. Впервые Эрик пожалел о том, что после смерти нельзя просто исчезнуть. Исчезнуть и не испытывать ничего. Не важно, кто ты, не важно, кем ты был при жизни и что ты сделал. После смерти каждый заслуживает покоя. Жизнь, какой бы веселой или хреновой не казалась, — это жизнь и подразумевает процесс движения. Но Эрик устал двигаться. Слишком много боли даже навалилось на него. Слишком много.

Эрик обреченно посмотрел на доктора Вагнера. В его взгляде ангел увидел страшное — безразличие. Полное безразличие ко всему вокруг. Доктор Вагнер вдруг понял: Эрик Майлз больше не станет убегать. Не станет искать выход. Это был конец. Все закончится здесь и сейчас.

Эрик опустился на колени и, прижав к себе все еще спящую Мэри, прошептал ей:

— Помни, несмотря ни на что, я люблю тебя.

Внезапно губы Мэри слегка разомкнулись и Эрик увидел то, что заставило его слезы покатиться по щекам: теперь Эрик увидел ОСОЗНАННУЮ и НАСТОЯЩУЮ улыбку любви всей своей жизни. Искреннюю и ничем не поддельную улыбку.

— НЕЕТ! — взревел доктор Вагнер и ринулся напрямиком на Эрика.

Последнее, что увидел ангел, это как скрепленные поцелуем Эрик Майлз и Мэри Янг превратились в одну большую и светлую вспышку, разлетевшуюся на тысячу маленьких огоньков. А еще через мгновение доктор Вагнер понял, что своими собственными руками пытается уцепиться за воздух. Воздух, который пропитывал опустевший коридор, где уже не было никого, кроме одинокого ангела и все того же бесконечного коридора, с бесконечными дверьми и бесконечным множеством людских судеб. Больше не было ничего.

И только сладостный запах "Нирваны" витал в округе.

***

Кейси Диггенс стояла возле палаты 1000. Несмотря на сложившуюся ситуацию, этот номер сумел вызвать у нее слабую улыбку.

"Ну конечно же — подумала она"

Кейси вспомнила те моменты, когда ее сын бегал по комнате перед телевизором и повторял фразы за своим любимым телеперсонажем. «Тысячезвездный удар!», или, например, «Кара тысячи солнц!». Макс очень любил своих телевизионных супергероев, которые собирались все вместе порадовать его каждое утро в выходные дни на кабельном. И, как ни странно, все их боевые приемы были связаны с тем самым числом, выгравированным на табличке, напротив которого Кейси Диггенс находилась в этот самый момент. Она пыталась удержаться на месте всеми своими силами, в чем ей очень сильно оказывал помощь Вестник Смерти.

Войдя в палату, измотанная женщина увидела своего сына, мирно спящего на больничной койке. На Максе была все та же одежда: окровавленные шорты и футболка. Но теперь казалось, что все это ему не принадлежало. Он спал сном младенца и выглядел как ангел, ангел, одетый в мирскую испачканную одежду.

"Нет — подумала Кейси — это все не принадлежит ему. Это не принадлежит моему мальчику."

Кейси смотрела на мирно спящего Макса и плакала. В это самое время Вестник Смерти успел пробраться в палату и отдернуть катетер от руки мальчика. Бросив его на пол, Вестник заставил Кейси посмотреть прямо в глаза Макс. (В тот же момент, на огромном облаке, изо рта мирно спящего мальчика вылетела красная конфета).

— Все позади, Кейси, — прошептал Вестник, пока женщина медленно брела в сторону Макса — вы вместе.

Неожиданно Макс Диггенс открыл свои глаза и посмотрел на свою родную мать. Его не смутило ни присутствие Вестника, ни сам вид Кейси.

Казалось, что Макс ожидал увидеть маму как ничто другое, а оттого очень спокойно произнес:

— Привет, мама, — его голос был слаб, но в нем ощущалось спокойствие и одновременно уверенность, — я знал, что ты придешь. Я ждал тебя на облаках. Там были ангелы и женщина в забавном костюме. Мы лепили из облаков разные фигурки. А потом меня угостили конфетой и будто что-то укололо мне руку. А потом... там была ты, и ты улыбалась. Я всегда был рад твоей улыбке.

Макс говорил так быстро, как это было присуще детям, увлеченно рассказывавшим о том, как прошел их день в школе или на экскурсии с классом. Его беззаботность и привычная улыбка, улыбка чистого и безгрешного ребенка окончательно выбила из сил Кейси. Измотанная женщина полностью потеряла самообладание и разрыдалась напрямиком на груди своего сына.

Макс медленно вытянул свою руку и провел по щеке своей матери.

— Ты исчезаешь, мама.

Кейси посмотрела на свое тело. Так оно и было. Постепенно тело Кейси начало растворяться в мерцающих синих огоньках. Но это не пугало женщину. Не испугало это и Макса.

— Когда ты проснешься, — произнесла Кейси, — все будет хорошо. Ты окажешься в доме. В новом доме. И твоя мама будет любить тебя.

— Ты и так любишь меня, мамочка. Ты будешь рядом? — спросил Макс.

Впервые сын Кейси посмотрел на свою мать с неким беспокойством. По лицу женщины катились одинокие слезы. Нос и щеки пылали алым огнем, а женские всхлипы казались

единственным, что нарушало тишину в больничном коридоре.

Собрав все остатки своей души, Кейси со всей нежностью в голосе произнесла:

— Я люблю тебя, Макс.

Мальчик улыбнулся своей матери в ответ и радостно воскликнул:

— А я люблю тебя, мама!

Неожиданно Вестник, стоящий все это время позади, заметил нечто странное. Дрожь. Но это была не обычная дрожь от слез. Нет, Кейси Диггенс дрожала всем своим телом, словно обезумевшая на нервной почве. На мгновение она повернулась к Вестнику, и его охватил неподдельный ужас. Лицо Кейси выглядело совсем как в тот день.

В день ее смерти.

Ее стеклянные глаза смотрели прямо на Вестника. Они смотрели сквозь его душу. Сквозь их общую душу.

Дрожащими губами Кейси прошептала:

— Прости... я... я не могу отпустить его. Не могу дать ему умереть... прости.

В палате номер 1000 развернулись события, которые происходили уже когда-то, и которым, видимо, суждено было повториться вновь.

Вестник Смерти приближался к Кейси и Максу Диггенс. Кейси начала кричать и крепко прижимала своего сына к своей груди. Слишком крепко.

А после... а после произошла вспышка.

И палата номер 1000 опустела.

***

А в это время что-то приятно кольнуло Мэлоу прямо в сердце. Неожиданно он вспомнил последнюю фразу Эрика Майлза в их последнюю встречу:

«Если потребуется, поверь, я надеру зад и ангелам!»

Мэлоу улыбнулся и взял кружку какао в руки. Отпив пару глотков, он крепко уснул в своем кресле. Еще через мгновение, плечи Мэлоу накрылись теплым пледом. Дворецкий по имени Томас закрыл дверь в комнату Мэлоу, и дворец погрузился в приятную тишину.

Глава 26: Объятия смерти

Глава 26: Объятия смерти

Заведующий городского морга Патрик Моузи сопровождал Пенни Диггенс во вскрывочный отсек. Утро Патрика не задалось еще с самого утра. Сначала будильник наотрез отказался выводить заведующего морга из сонного царства своим хоть и давно приевшимся и раздражающим, но необходимым рокотанием. Ругаясь под нос и одновременно чистя зубы, Патрик каким-то неведомым образом сумел внятно озвучить свою просьбу любящей жене — сделать ему наспех пару тостов.

На этом неприятности Патрика Моузи не закончились. Пока тот одевался, нервно ища где-то завалившийся носок, любящая жена обнаружила, что сделать тосты будет весьма затруднительно. Она исходила из того простого факта, что тосты делать попросту не из чего. А потому, когда Патрик спустился вниз, на кухню, его обонятельные рецепторы сразу же атаковал мерзкий и неприятный запах. Яичница. Патрик Моузи ненавидел яичницу, о чем напомнил своей жене одним своим взглядом. Однако это было лучше, чем ничего. Приезжать на работу на голодный желудок было еще хуже.

Раньше, когда работа в морге только-только начала открывать Патрику все свои прелести, завтраки и времяпрепровождение с трупами никак не хотели сочетаться в ранимом желудке бедного мужчины. Происходило это потому, что помимо прелестей работа в морге открывала Патрику еще и чужие внутренности. Конечно, для Патрика подобные картины не являлись чем-то из ряда вон выходящим, но первое время о ранней трапезе мистер Моузи позабыл напрочь. Теперь же его дух окреп, а желудок покрылся стальной броней, которую даже самый изуродованный мертвец не смог бы пробить своим ужасающим видом.

Кое-как затолкав в себя яичницу и отпив пару глотков невкусного кофе, Патрик Моузи помчался на работу, надеясь, что на этом его беды закончатся.

Но Патрик ошибался.

Едва перейдя порог городского морга, в Патрика тут же вцепился местный охранник, в прямом и переносном смысле этого слова.

У Патрика тут же разыгралась мигрень.

«О нет, — подумал заведующий морга, — только не снова».

— Мистер Моузи! — крикнул охранник на ходу, приближаясь к Патрику вплотную, — я слышал! Я опять слышал эту мелодию!

Мелодию, ну конечно. Патрик попытался сделать глубокий вдох и на некоторое время отключить свой слух. Охранник принялся рассказывать ему о событиях прошлой ночи. Патрик мог поспорить, что уже знает, чем кончится этот рассказ, а потому слушал лишь в пол уха, всем своим видом показывая насколько "увлекательная" история ждет его на этот раз.

За прошедший месяц в морге объявился призрак. По крайней мере так говорят. Призрак молодой женщины, что бродит по коридорам городского морга и напевает детскую, но в тоже время пугающую колыбельную песню. Песню, от которой, бросает в дрожь каждого, кто слышит ее.

Завывания призрака не ограничиваются ночным временем. Женский голос не гнушается приходить и ранним днем и пусть под покровом солнца страх заглушается лучами света, легче от этого не становится. Когда же солнце скрывается за горизонтом и морг погружается в могильную тишину, никто не прерывает пение призрака. В этот миг существует лишь она одна и ее верные слушатели — десятки мертвых тел.

Именно такую историю рассказывает охранник городского морга уже третью неделю.

— А потому, я вот что вам скажу. Надо здесь все освятить! — закончив свой рассказ, подытожил охранник, — упокоиться девчонка должна. А то, не по-человечески как-то.

Патрик терпеливо выслушал и, сделав скидку на преклонный возраст охранника, удержался и не заорал в голос, не отвесив тому подзатыльника.

Вместо этого Патрик сказал:

— Вызовем священника на следующей неделе.

— А вот это правильно, — радостно подхватил охранник-старик, — хотя мелодия-то, красивая. Ой, какая красивая!

Но Патрик уже не слушал. Он направлялся в свой кабинет, чтобы провести там все оставшееся время и надеялся, что никто этому не помешает.

«Призраки, ну да, — хмыкнул про себя Патрик, — старый маразматик».

Но потом объявилась эта особа. Пенни Диггенс.

В этот момент Патрик уже провел в своем кабинете добрую половину рабочего дня и даже успел сбегать в соседнюю закусочную, прикупив пару гамбургеров и салат не первой свежести.

Он приступил к трапезе, когда ему любезно сообщили о приходе Пенни.

«Отлично, — со вздохом подумал Патрик, — хорошо перекусил, ничего не скажешь».

Патрик припоминал эту фамилию. Где-то она точно фигурировала. Покопавшись, он тут же вспомнил. Пенни Диггенс пришла на опознание своей сестры Кейси и своего племянника Макса. Единственная родственница, которая смогла приехать только сейчас из-за длительного отсутствия в стране. Только сейчас... Ужасная трагедия.

На первый взгляд Пенни выглядела довольно опрятно и с виду была очень красивой женщиной. У нее были короткие рыжие волосы, а острый нос был весь покрыт веснушками. Одета она была весьма просто. Кожаная куртка, слишком молодежная для возраста Пенни, но при этом подходящая для нее как ничто другое, довольно хорошо смотрелась с простыми джинсами. Одним словом, внешне Пенни Диггенс выглядело даже очень хорошо.

«Полная противоположность своей сестры», — подумал Патрик, но тут же устыдился своих мыслей.

Так или иначе, внешний вид Пенни придал Патрику немного хорошего настроения. Однако, вспомнив, что его внешние показатели являются полной противоположностью Пенни (низкий рост, полное телосложение, сальные волосы и слишком широкий нос) Патрик тут же поник.

Тем не менее, заведующий морга со всей своей обходительностью сопроводил Пенни до вскрывочного помещения.

— Примите мои соболезнования, — начал Патрик по стандартной схеме, — если вдруг вам станет плохо, тут же скажите мне.

— Конечно, благодарю, — вяло произнесла Пенни.

Она попыталась выдавить из себя улыбку, но вышло у нее не очень. Тем не менее Пенни была обворожительна даже под личиной траура.

— Как добрались? — спросил Патрик, пытаясь разрядить обстановку. Некоторым на опознании это действительно помогало, — надеюсь, без пробок?

— Нет, — так же вяло ответила Пенни, — на улице в это время суток движение довольно скудное.

— Что ж, — подытожил Патрик, — тем лучше для вас.

— Угу.

Оставшуюся дорогу до вскрывочной они шли молча, и только у самых дверей Пенни резко остановилась и обратилась к Патрику:

— Будет слишком... ужасно?

— Нет, — с улыбкой заверил Пенни Патрик, — ваши родные выглядят словно спящие.

Пенни слегка кивнула, уже более искренне и уже через секунду они вошли в кабинет.

Никогда Патрик Моузи не видел настоящей женской истерики. Истерики на грани сумасшествия. Пенни кричала так, словно ее режут бензопилой заживо. Она пятилась к стене, захлебываясь воздухом и делая глубокие глотки, как если бы ей катастрофически не хватало кислорода. Это происходило до тех пор, пока женщина прижалась к ней своей спиной и ее завывания не перешли в истошный крик.

Но Патрик обратил на это внимание немного позже. Буквально через несколько секунд после того, как увидел причину истерики Пенни.

Во вскрывочной царила полная разруха. Вешалка со спецодеждой валялась прямо у порога. Секционный стол в самом центре вскрывочной был опрокинут на бок и в некоторых местах заляпан кровью. А столик с инструментами был словно выпотрошен до основания. Пинцеты, зажимы... и все иные приспособления хаотично валялись на полу. Казалось, здесь происходило настоящее сражение. Но Патрик понимал, что Пенни ввел в истерику далеко не этот бардак.

В дальнем углу вскрывочной, прямо напротив Патрика Моузи сидели два мертвых тела. Труп Кейси Диггенс смотрел прямо на Патрика, своими пустыми и стеклянными глазами. Одной рукой она сжимала худое тельце своего сына Макса, мирно уткнувшегося в грудь своей матери и уснувшего мертвым и беспробудным сном. Во второй же руке... во второй руке Кейси сжимала окровавленный скальпель.

Кое-как набрав в себе силы, Патрик сумел оторвать свой взгляд от этой пары жутких и стеклянных глаз. Его взор автоматически спустился ниже. Весь левый бок Кейси был пропитан огромным кровавым пятном, в центре которого виднелась колотая рана.

Свежая рана.

«Господи, — только и успел подумать Патрик, — свежая рана... свежая кровь... у трупа... рана у трупа... у старого трупа...»

Но и это было не все. Патрик также заметил еще одну ужасающую деталь: от секционного стола до дальнего угла расстился кровавый след.

«Она ползла... ее мертвое тело ползло и... истекало кровью...».

Отступив на шаг назад, Патрик вдруг споткнулся о какой-то мелкий предмет. В это момент душа заведующего морга ушла в пятки. Он был напуган так сильно, что уже перестал слышать крик Пенни, перешедший на тихое завывание у стенки.

Медленно опустив глаза, Патрик разглядел предмет на полу. Скальпель. Еще один скальпель, плавающий в небольшой лужице крови.

«Тут был кто-то еще, — пронеслось у Патрика в голове, — тут был кто-то еще и этот кто-то зарезал... Кейси Диггенс... а потом был ранен сам... господи... зарезал... труп...»

Патрик в последний раз взглянул на мертвых Кейси и Макса. Их тела были слиты в нежных объятиях. В самых настоящих объятиях... смерти. Это было бы милым, если бы не было таким ужасным.

Металлический звон молниеносно разнесся по всей вскрывочной. Скальпель, что держала в своих руках Кейси, внезапно освободился из цепких пальцев мертвой женщины, заставив своим звоном потерять сотни тысяч нервных клеток Патрика Моузи. Вскрикнув от неожиданности, заведующий морга медленно повернулся к Пенни

Когда Патрик повернулся к Пенни, та внезапно замолчала. Теперь все ее внимание было сосредоточено на мужчине, что с выпученными глазами смотрел прямо на нее. А если быть более конкретным, то все внимание Пенни было сосредоточено на волосах заведующего морга, которые меняли свой окрас прямо на ходу.

В этот день Патрик Моузи поседел от страха.

Глава 27: Вознесенные к небесам

Вилла, располагающаяся возле побережья, выглядела просто шикарно. Должно быть, это была лучшая вилла из всех, что находились на величественных испанских просторах Коста Бланка. Она стояла на самой окраине берега. Выходя из спальни на балкон второго этажа, или же выползая из гамака, подвешенного между двух мохнатых пальм, можно было в один прыжок достичь широкого и освежающего бассейна. Но даже это не являлось пределом роскоши.

У берега открывался ни с чем несравнимый вид, прекрасный и чарующий вид на бескрайнее море и безоблачное небо, цвета, которые вселяют в твою душу такое удовлетворение, что умереть от всей этой красоты было бы совсем не жалко. Однако умирать здесь было некому, потому как цена виллы была обширней находившего поблизости моря и не менее обширного неба в придачу. Однако говорить о том, что вилла пустует, было очень даже поспешно.

В этот ничем не отличающийся от других день, в полуденное время возле бассейна виллы прогуливалась очаровательная девушка. Ее красота идеально сочеталась с окружением. Застав ее на этом месте, мало кто смог бы обвинить ее во взломе чужой собственности. Находясь здесь, она излучала ауру того, что все вокруг является ее.

На девушке было одето легкое кремовое платье, немного длинноватое для такого летнего дня, но это, кажется, ничуть ее не смущало. Глаза этой девушки сверкали ярким сиянием, а ее волосы, спадая до самой груди, красиво завивались и имели прелестный каштановый цвет. Девушка чувствовала себя умиротворенно и, слегка жмурясь, направляла свое лицо прямо на сияющее солнце, лишь изредка перемещая свой взгляд на своего гостя.

Вестник Смерти сидел, прижавшись к одной из огромных клумб. Он смотрел на море и, казалось, о чем-то размышлял. А размышлял он о многом, хотя это и давалось это ему с огромным трудом. Периодически Вестник откашливал кровью, прижимая одну руку к своей окровавленной груди. Вестник старался не обращать внимания на присутствие прекрасной девушки. Он прекрасно понимал, что прервать эту тишину может позволить лишь сама девушка.

Как и ожидалось, тишину прервал ее голос, немного низкий, но не менее завораживающий:

— Паршиво выглядишь, ты не находишь? — спросила девушка с заботой, но с нотками той твердости, которая говорила о том, что не зависимо от твоего состояния ты был обязан ответить.

Если бы эта девушка явилась к Вестнику на месяц раньше и задала тот же самый вопрос, едва ли Вестник вообще бы понял смысл ее слов. Для существ, способных лишь молча и беспрекословно исполнять свое предназначение, такие мелочи как чувства не имели никакой значимости. Однако Вестник прекрасно понимал весь смысл вопроса. И именно поэтому он был здесь.

— Немного холодно, — ответил Вестник, не обернувшись на свою собеседницу, —

несмотря на такую жару. А в остальном... я чувствую себя замечательно.

Произнеся это, Вестник раздался новым кашлем. Выплеснутые сгустки крови тут же брызнули на дорожную каменную плитку под ногами.

— Выбор ощущений... выбор чувств. Именно они и делают тебя живым, — с улыбкой подметила... Смерть.

— Я не был жив, — учтиво заметил Вестник, пытаясь усесться как можно удобнее. Получалось у него это с трудом, — я имел возможность кхе-кхе... стать частью этой стороны жизни и ощутить то, что ощущают все живые существа. Но это... это не жизнь, по крайней... кхе-кхе... мере не моя. Это была Жизнь Кейси Диггенс. И в какой-то мере остается ее и сейчас.

В голосе Вестника промелькнули нотки разочарования и неопишуемой грусти. Прибавь ко всему этому его внешнее состояние, можно было смело сказать: выглядел Вестник Смерти действительно паршиво. Паршивей некуда.

Этот факт не остался незамеченным Смертью.

— Просто в тот день, когда ты получил душу... она подарила тебе эмоции, которые люди не слишком жалуют. Но какие бы чувства люди не испытывали, это все те же чувства. Пусть даже если их смысл наполнен жаждой мести и убийства.

Вестник Смерти решил оспорить эти слова. Однако немного помедлил, пытаясь набрать как можно больше воздуха в грудь. Ему становилось все хуже. Грудь, исколотая медицинским скальпелем, отзывалась болью каждый раз, когда Вестник предпринимал попытку сделать вдох.

— Так было не всегда. Я видел это. Видел... ее раскаянье. Эти эмоции... они были и моими тоже. Они были настоящими.

Смерть стояла возле одной из пальм и своими пальцами нежно проводила по ее коре, опуская почти дол самой клумбы. Казалось, что в этот момент и говорить что-либо было ни к чему.

— Но потом все пошло наперекосяк, — с улыбкой подметила Смерть, — Раскаянье сменилось безумием.

Вестник посмотрел на Смерть взглядом человека, который собирается сказать что-то неуместное, но, предчувствуя реакцию собеседника, все еще обдумывает, как бы сделать это более вежливо.

Но спустя некоторое время Вестник начал говорить то, что было у него на душе. На мгновенье ушла даже та колющая боль, что терзала его все это время.

— Она... Кейси просто не смогла. Не смогла осознать того, что ей придется отпустить своего сына... дать ему умереть. Нужно было понять это еще тогда, когда мы явились за Эриком Майлзом и отдали ему фотографию. Тогда мне казалось, что Кейси сделала этот жест из жалости к Эрику. Я думал она сделала это, потому что понимает... понимает его боль. Но все это была часть плана. Она лишь хотела устроить переполох в раю, чтобы... чтобы ангелы отвлеклись на что-то другое и не мешали ей похитить сына. Она ведь знала... знала, что я не дам ей погибнуть в мастерской. Она все спланировала наперед. Она была безумна, но не глупа. Какая-то ее часть была хитрее и способнее всех нас вместе взятых. Если бы у меня была шляпа, я бы тут же снял ее перед ней. Наверное половину всего Кейси делала неосознанно. Просто она поняла как устроен мой мир. Кейси она... она...

— Роковая женщина — подсказала Смерть.

Услышав это Вестник вяло улыбнулся.

— Когда Кейси переместилась в морг и увидела мертвое тело своего сына в первый раз... это стало последней каплей. И первым шагом на пути к ее плану. Она думала, что сможет поместить душу Макса в его же мертвое тело... и все станет как прежде, но... но... его душа уже стала поддаваться изменениям.

— И тогда бы в теле маленького мальчика воскрес совсем не Макс Диггенс, — подытожила Смерть.

— Именно, — кивнул Вестник, — процесс реинкарнации уже был запущен. Макс бы переродился в лучшем случае в облике своей когда-то забытой прошлой жизни. А в худшем...

Смерть лишь подняла уголки своих губ чуть шире и не удержавшись подметила:

— Кажется долгое пребывание чужой души забирает возможность формулировать мысли до конца, а?

— Я не хотел убивать ее, — продолжал Вестник, словно заведенный, — но она набросилась на меня, там в морге. Она бы пошла на все, лишь бы никто не помешал ее плану. И если бы... если бы я этого не сделал, то кто знает, кому бы она еще причинила вред. Но я...я убил ее.

Вестник закрыл свои глаза и понял, что холод начал пробираться до самых костей. Еще чуть-чуть и он...

— Насколько я знаю — прервала тишину Смерть — мертвое тело Кейси находилось рядом с телом Макса, когда их нашли рабочие морга. Когда Кейси переместила в морг с душой Макса, она вытащила тело своего сына, чтобы воссоединить душу и сосуд воедино. Однако заведующий морга обнаружил оба тела. Так ты что, просто взял и...?

— Да — прервал ее Вестник — я знаю. Когда я убил Кейси... мы ведь были с ней одним целым, понимаете? Конечно же понимаете. В ту ночь, на трассе, ее душа впилась в меня, словно пиявка. Я дал ей сосуд, в котором она могла формироваться в нечто новое, а она... она показала мне... совершенно новый мир. И после взрыва в мастерской... после Стивена Баркса... мы стали двумя полноценными личностями. Мы стали словно близнецами. Мы чувствовали друг друга. На секунду мне даже показалось, не будь все так печально, мы могли бы жить двумя разными жизнями. Но этот миг был так короток. И теперь, убив ее... она просто исчезла, вернув мне частичку самого меня. И одновременно с тем, во мне словно что-то умерло.

Помолчав, Вестник закрыл свои глаза и произнес:

— Я ее единственный шанс на упокоение. Пока часть ее души все еще находится во мне, я... я ее последний шанс. Не смотря на все, что было, я лишь хочу для нее счастья. Она научила меня и этому: быть счастливым. По крайней мере когда-то она была счастлива. И для нее я хочу того же

— И поэтому после того, как ты уничтожил то, что осталось от этой женщины, ты достал настоящее тело Кейси из морга и положил возле тела Макса? Как дань уважения?

— Да. Тогда я заметил, что рана на ее теле была такой же, как и... нанесенная мной в момент нашей схватки. Все это так связано...

— А что стало с душой Макса?

— Она испарилась — ответил Вестник — В тот же момент, когда мы переместились в морг. Равновесие должно быть соблюдено и сверху об этом позаботятся. Макс закончит перерождение. Он увидел свою мать в последний раз и этого было достаточно. Теперь Макс окончательно отправится на упокой. Осталась только сама Кейси.

После недолгого молчания Смерть произнесла:

— Знаешь, не смотря на твои благие намерения, сестра Кейси не оценила твои попытки, эм, воссоединить мать и сына.

Вестник виновато улыбнулся.

— Да, наверное со стороны это выглядело жутко. Но их тела должны были быть рядом, я... чувствовал это.

И снова в воздухе повисла тишина.

— Так все и закончится? — произнес Вестник. Он попытался издать что-то вроде смешка, но колющая боль тут же отозвалась по всему его телу. Вестник пытался говорить как можно медленнее. — Я умру... как живое существо?

— Да. Ты умрешь, — ответила Смерть и сделала глубокий вдох, — но ты успел пожить, не так ли? Ощутил это... хоть на секунду. Эту жизнь. Эту свободу.

Вестник с грустью произнес:

— Я уже сказал, я не был жив, и пожить мне не удалось. Вы не слышите этого, но душа Кейси хочет освободиться. Она просит ее отпустить. Она страдала. Достаточно долго и теперь, я думаю, она имеет право на покой. А я, я никогда не смогу стать свободным, потому что ее душа... она не принадлежит мне. И я не хочу такой жизни. Макс ждет ее. Возможно уже в другом обличии. В другой роли. В другой жизни. Но они просто должны быть вместе.

— Как Эрик и Мэри? — уточнила Смерть, приподняв свою бровь.

— Как две половины одного целого — заключил Вестник.

Следующий вопрос Вестник задал, стараясь придать ему как можно больше наигранной важности:

— Вы окажете честь и заберете мою душу? Я хотел сказать душу Кейси.

— Теперь это ваша общая душа. С превеликим удовольствием, — сказала Смерть. И, наклонив голову, произнесла:

— Но пока в тебе есть душа, я хотела бы поговорить с тобой еще немного.

После этих слов она подмигнула и сказала:

— Можно вопрос?

— Конечно, — отозвался Вестник.

«Вот он... конец. Я чувствую. Уже скоро все кончится».

— Так ты бы хотел быть живым? Со своей собственной душой?

Вестник снова посмотрел на море. Вглубь его вод. Казалось, прошла целая вечность. Море плескалось волнами в ответ.

Наконец Вестник произнес:

— Я хотел бы родиться человеком. Родиться хоть кем-то, кто мог осознавать сам факт своего существования. Это было бы честно. Но... но сейчас я бы хотел остаться частью этого мира, которому нужен. Это будет правильно. Какая бы душа мне не досталась, она никогда не станет моей. И за все это время я отчетливо понял лишь одно: без нас все может пойти к чертям. Мы нужны этому миру. Мы нужны всем этим душам, хотя и не имеем свои собственные. Вам это известно лучше меня, ведь таковыми нас создали вы, госпожа.

Смерть смерила Вестника долгим взглядом и вознесла свои глаза к нему.

— Жизнь, — протянула Смерть, — ее нельзя оценить. Но пока не попробуешь, так и не узнаешь, да?

Вестник чуть улыбнулся и после небольшой паузы спросил:

— Каково это? Я имею в виду вас. Я смог испытать чувства и эмоции, имея остатки

души. Но как это удается вам?

Смерть ненадолго задумалась и посмотрела в сторону моря. А после сказала следующее:

— За все то время, что я существую и наблюдаю за людьми, я научилась сама испытывать эмоции. Душа мне никогда не была нужна. Не захотела бы я ее и теперь.

Смерть улыбнулась и подошла к своему собеседнику:

— Было приятно пообщаться, — заключила она, — теперь, душа Кейси Диггенс полностью исчезнет и переродиться в нечто новое. В нечто лучшее. Я обещаю тебе.

— Спасибо вам, — ответил Вестник, — из всех живых... и не живых, населяющих этот мир... я хотел бы познакомиться именно с вами. Или не хотел бы.

В этот момент Смерть и Вестник тихо засмеялись. В первый и в последний раз.

— Душа Кейси... она тоже говорит вам... спасибо.

Вестник Смерти задал свой последний вопрос. Говорить становилось почти невозможно:

— Будет ли это больно?

— Ты никогда и не жил, забыл? — весело ответила Смерть. — Ты ничего не почувствуешь, почти. Если ты очень сильно постараться, то когда-нибудь вспомнишь, что испытывал эмоции. И тогда, кто знает, может быть, за этим последует что-то еще. А пока... души ведь кто-то должен переправлять, не забыл? Твой выходной действует только сегодня, друг мой. А потом... за работу!

После чего Смерть звонко рассмеялась и забыв о своей женственности в один прыжок уселась у края бассейна, ведущего в сторону моря.

Вестник Смерти начал ощущать, как в его груди что-то покалывает, сотрясая сердце все сильнее и сильнее. Он совсем не ощущал боли, но явно чувствовал, что эта колкость словно разрывает его тело пополам, от чего Вестник даже слегка съежился.

Мгновенье спустя, он, наконец, понял в чем дело и потому с улыбкой произнес:

— И все же это было здорово... жить.

Смерть не видела, как Вестник произнес свои последние слова. Не видела, как секунду спустя после сказанных им слов, его тело обмякло и рухнуло на землю. Но почему-то Смерть отчетливо видела, что глаза лежащего позади нее были сомкнуты, а губы расплылись в улыбке.

Через мгновенье вокруг Вестника Смерти образовались едва уловимые синие огоньки. Кружась и переливаясь, они окружили тело Вестника, а после вознеслись высоко-высоко к самому небу.

— Прощай, Кейси Диггенс, — произнесла Смерть, глядя, как мерцающие огоньки медленно угасают вдали.

— Итак, — воодушевленно произнесла Смерть, обращаясь, словно в никуда, — так чем же все закончилось?

Глава 28: Новая жизнь

Узы

Одинокая девушка сидела на кровати и перебирала четки. Это помогало ей сконцентрироваться. Возле порога уже были сложены две сумки. Она была одета, словно собиралась в дорогу. Она явно кого-то ждала, ждала уже не один день, но почему-то в глубине души понимала — этот кто-то уже не придет.

Неожиданно в дверь постучали. Девушка встала с кровати и направилась напрямик к двери. Посмотрев в глазок, она немного удивилась, так как за дверью никого не обнаружилось. Неужели ей это просто послышалось? Но для верности девушка все же решила и открыла дверь. Так и есть. Никого.

Девушка посмотрела по сторонам и даже вышла за порог, как вдруг ее нога на что-то наткнулась. Девушка опустила свой взгляд вниз. У порога девушка обнаружила небольшой рюкзак темного цвета. На нем лежал конверт. Девушка еще раз осмотрела коридор, но, так никого и не обнаружив, присела на корточки и внимательно осмотрела находку. Она сильно удивилась. На конверте было написано ее имя. Кейт Баркс сразу узнала этот почерк.

Через минуту Кейт снова сидела на своей кровати и разворачивала конверт. Ее пальцы немного дрожали, затаив дыхание, она начала вчитываться в каждое написанное слово.

«Дорогая Кейт! Пишет тебе твой старый добрый дядюшка Сэм. Хочу высказать безудержную радость по поводу выписки Стивена. Он у тебя сильный парень и выбирался из куда худших передраг. Да, несомненно, он сильный... и очень глупый. А потому я хочу обратиться именно к тебе. Уезжайте из этого города. Из этой страны. Я немного подсобил Стивену, и на некоторое время у вас будут средства для новой жизни. Возможно, ты боишься перемен, но поверь, так будет лучше для вас. Так будет лучше для тебя. Ты — единственное, ради чего живет твой брат. Но он идет не тем путем. Я пишу это письмо, пока он сидит у меня в кабинете. Я вижу его глаза, моя дорогая. Вижу его взгляд. Он пропадает. Пропадает в самую тьму и один бог знает, что с ним станет, если так продолжится дальше. Здесь вы сгниете. Стивен сказал мне, что вы собираетесь покинуть город, и я тут же на радостях его уволил. Если его слова — правда, то это сделает меня самым счастливым стариком на свете! Вы должны обрубить концы. Тут вас ничего не держит. Ваше будущее не здесь. Вы молоды, и у вас все впереди. Я надеюсь, что мы больше никогда не увидимся, а если все же и встретимся, то при самых лучших для вас обстоятельствах. Построй свою жизнь достойно, Кейт. Ты замечательная девушка. И я надеюсь, что вы создадите лучшую для себя жизнь. Я был счастлив вас воспитывать. Счастлив видеть, какой ты стала. Не губите себя. У вас все впереди.

С любовью, дядя Сэм».

Постепенно дрожь в руках Кейт исчезла. Она отложила письмо и заглянула в рюкзак. Среди свернутых пачек стодолларовых купюр виднелся небрежный обрывок бумаги. На этот раз почерк принадлежал Стивену. В нем было написано всего пару слов:

«Я откладывал это на черный день. Пожалуйста, возьми их. Я непременно найду тебя и

новой жизни. Будь счастлива, сестренка. Я люблю тебя».

Кейт просидела на кровати несколько минут. Потом она аккуратно положила обе записки в пакет, а еще через минуту, надев пальто и собрав сумки, закрыла за собой дверь.

***

Кейт стояла у третьего перрона на железнодорожном вокзале и сжимала в руке свой билет на поезд. Напоследок она оглянулась, в последний раз обведя своим взглядом место, когда-то служившее ей домом. Но вот уже раздался гудок поезда, а вслед за ним и объявление о посадке пассажиров.

Сжимая ручки от сумки, Кейт направилась к вагону поезда, произнеся на последок единственную фразу, которую она сказала словно в воздух:

— Я люблю тебя, братик.

Затем ее силуэт исчез в одном из вагонов, а еще через некоторое время за горизонтом скрылся и сам поезд.

На том самом месте, где не так давно стояла Кейт, воздух словно бы наполнился чьим-то присутствием.

А после неслышимый для человеческого слуха голос произнес:

«Я тоже люблю тебя, сестренка».

Затем жизнь снова пошла своим чередом.

Тост

А в это время Боб Гаррисон, поставленный на ноги врачами (на этот раз Боб провел в больничной койке весь период выздоровления) и после оставивший рюкзак с письмом возле двери Кейт Баркс, сидел на траве и разглядывал стоящие напротив него могильные плиты. Они находились совсем рядом друг к другу, и если бы сидящий разглядывал их слишком долго, то сложилось бы ощущение, будто эти могилы слились в одно целое.

Боб Гаррисон отпил еще один глоток пива и сам себе произнес:

— За то, чтобы все мы обрели самое главное в конце нашего пути. Спокойствие. За тебя, Кейси. За тебя, Макс.

После чего Боб встал с земли, еще раз взглянул на надгробные плиты и слегка прихрамывая побрел прочь в направлении, которое было известно только ему, оставив у могил по одной красной розе.

Когда Боб Гаррисон скрылся из виду, возле одной из могил неизвестный голос тихо прошептал:

«Спасибо».

А после голос вознесся к самим небесам и утих навсегда.

Рождение душ

В больнице святого Михаила роды Марты Остин подошли к концу. По удивительному стечению обстоятельств в эту самую секунду закончились и роды Кристи Рейн из соседней палаты. Последние схватки отняли у обеих женщин все силы, но любящие мужья крепко обнимали своих жен, нежно целуя в лоб и хваля их за бесконечное терпение и проявленную храбрость.

Кристи, взглянув на своего сына, прошептала:

— Ну, здравствуй, Птенчик.

Для обеих семей сегодня был самый счастливый день на свете.

Рождение мальчика и девочки:

Мэри Остин и Эрика Рейна.

Эпилог

Роджер Майлз стоял напротив надгробия своего сына и смотрел в небо. Сегодня оно было кристально-чистым. Ни единого облака, ни намек на самый мелкий и белый пушок посреди этого огромного небесного пространства. Опустив свою голову вниз, Роджер принялся рассматривать близстоящие надгробия. Они были самого разнообразного размера и формы. Некоторые ухоженные, а некоторые уже успели обрасти какими-то диковинными растениями. Подойди к ним совсем близко, и того глядишь, они тут же вцепятся в тебя, окутывая и затаскивая прямо под землю.

Роджер никогда не понимал, почему кладбище ассоциируется с чем-то негативным. А потому, сегодня Роджер не был одет в траурный костюм. Сегодня на Роджере была надета простая светлая рубашка и не менее светлые брюки.

"Нужна ли официальность там, где ты просто хочешь пообщаться со своим родным сыном?"

Кладбище. Здесь было просторно, а главное — тихо. Если бы позволяло общество, Роджер бы безо всяких задних мыслей проводил здесь куда больше времени. Он мог бы сидеть под любым из деревьев и раздумывать о жизни. Просто так, без какого-либо повода. Но повод был. Он был единственным в своем роде, который заставляет тебя вступать на территорию любого из кладбищ. И повод этот, конечно же, никогда не нес в себе ничего хорошего. После всего этого оставалось только одно — боль, нескончаемая грусть и безысходность.

А еще здесь ты оставлял слезы. Возможно, не в прямом смысле. Но твоя душа... находясь здесь, она роняла их одну за другой. Пока ручейки слез не переходили в огромный поток бесконечной утраты.

Утраты по самым любимым людям.

Роджер Майлз наконец-то осмелился посмотреть на надгробие. Он пытался представить, что сейчас смотрит не на какой-то кусок мрамора, а на своего родного сына. Но глаза наотрез отказывались вводить своего владельца в эту несбыточную фантазию. На Роджера Майлза смотрело все то же надгробие. С выгравированным именем своего сына, датой рождения и датой смерти.

Еще чуть ниже читалась фраза:

«Покойся с миром, Эрик. Благородный муж и примерный сын».

«Сын, — подумал Роджер и его затрясло, — это был мой родной сын».

Тогда Роджер посмотрел на соседнее надгробие. Надгробие, слова на котором Роджер знал давно и наизусть:

"Покойся с миром, Мэри. Пусть земля тебе будет пухом".

Возле могилы Мэри Роджер заметил цветы. Сказать по правде, они бросились ему в глаза сразу, как только он подошел к надгробию. Но только сейчас Роджер начал разглядывать их по-настоящему пристально. У надгробия лежали самые обыкновенные бордовые фиалки.

Почему-то Роджер представил, как их кладет на землю ни кто-то из знакомых его сына,

а совершенно посторонний человек. Маленькая девочка, пришедшая сюда со своими родителями или же старушка, посещающая иногда эти места, приводящая чужие надгробия в опрятное состояние. Но на деле Роджер знал, что цветы оставляли, конечно же, родители Мэри. Как и оставляли здесь свои слезы. Раз за разом.

Роджер снова посмотрел на надгробие своего сына. Он не планировал произносить речь. Он считал, что с мертвыми можно говорить где угодно и не обязательно вслух. Но слова сами начали выходить из Роджера Майлза одно за другим, словно они хотели быть услышанными. Хоть кем-то. Хотя бы одной живой душой.

— Знаешь, — начал свою речь Роджер, — когда умерла твоя мать, я думал об этом. Закончить все вот так. Но наша мама подарила нам тебя. В тебе ее кровь и плоть. И каждый раз, когда я хотел сброситься с крыши какого-нибудь дома, я смотрел на тебя и понимал, что мне есть ради чего жить. Наверное, этот период размышлений ты тоже проходил. А теперь... теперь я остался совсем один.

После этого Роджер подошел к надгробию на пару шагов поближе и присел на корточки:

— Жить без своей любви... и умереть, будучи живым только телом... или умереть телом, но обрести вечный покой со своей любовью... вечный выбор... вечные грани. И ты сделал свой выбор, сынок. И как бы я не хотел, чтобы ты проснулся... ты не проснешься. Потому, что там, где ты сейчас, ты счастлив. Надеюсь, что счастлив.

Просидев так еще несколько минут, Роджер, наконец, медленно встал и, проведя рукой по надгробию, сказал:

— Я всегда буду помнить тебя, Эрик.

А после Роджер Майлз покинул территорию кладбища.

Больше книг на сайте - Knigolub.net